81.411.2-5
Б 903

Корсакову
от автора

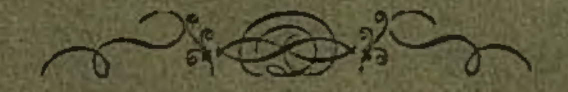
...ия
книг бывших
Д. А. Корсакова

Е. БУДДЕ

КЪ ДІАЛЕКТОЛОГІИ ВЕЛИКОРУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

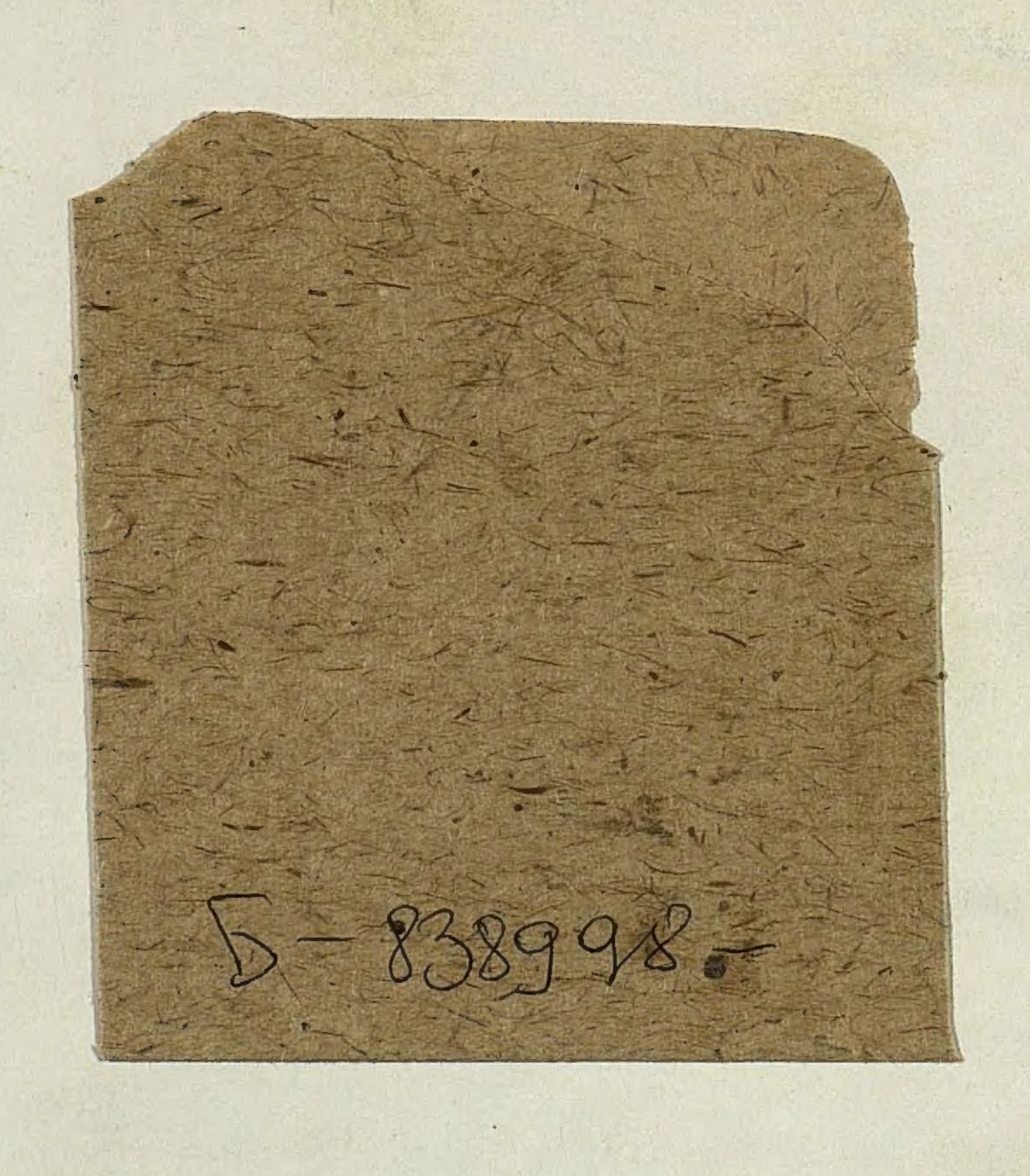
ИЗСЛѢДОВАНІЕ

особенностей Рязанскаго говора.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Маріи Земкевичъ.
6. Краковское-Предмѣстье 6.

1892.

Б-838998

81.411.2-5
Б 903

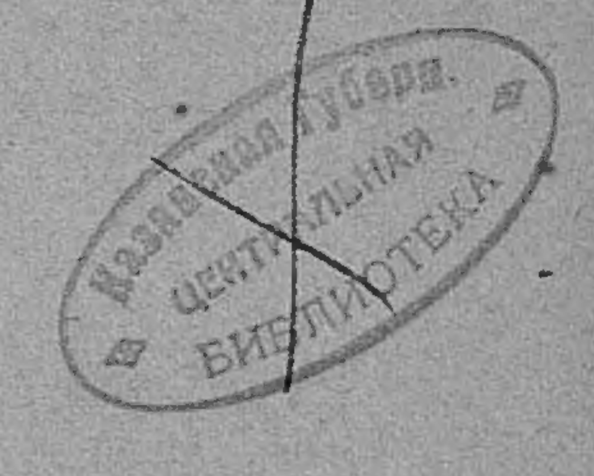
Е. БУДДЕ

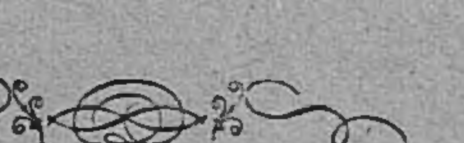
КЪ ДІАЛЕКТОЛОГІИ ВЕЛИКОРУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

особенностей Рязанскаго говора.

(Отдѣльный оттискъ изъ „Рус. Фил. Вѣстн.“)

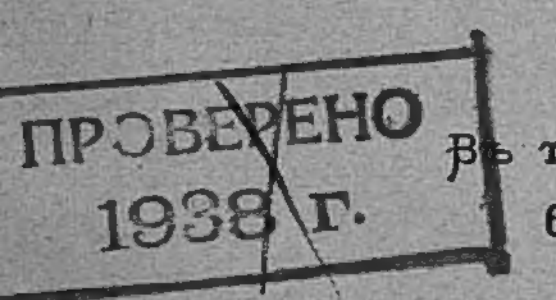

ПРОВЕРЕНО
1936 ГОД

РЯЗАНСКАЯ
областная библиотека
им. А. М. Горького

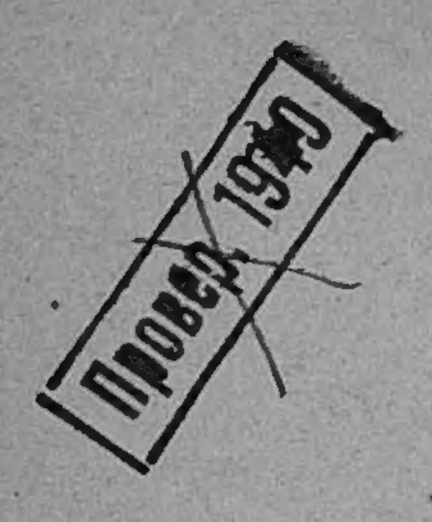
838998

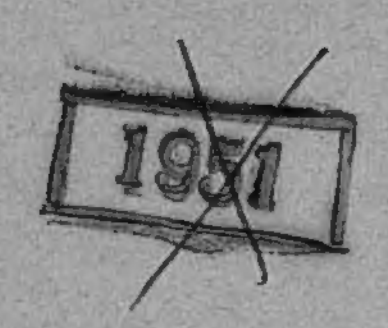

ВАРШАВА.
Въ типографіи Маріи Земкевичъ.
6. Краковское-Предмѣстье 6.

1892.

ПРОВЕРЕНО
194_ г.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 10 Сентября 1892 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Настоящая жизнь языка заключается въ низшихъ слояхъ народной рѣчи“. (Стоюнинъ. Высшій курсъ р. грам. 3).

Въ настоящее время мы уже не чувствуемъ себя поставленными въ необходимость разъяснять и доказывать значеніе спеціальныхъ работъ по изслѣдованію отдѣльныхъ живыхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ для науки о русскомъ языкѣ вообще: общее направленіе современной научной мысли въ русской филологіи, а равно и возрастающее, можно сказать, съ каждымъ днемъ количество спеціальныхъ статей, посвященныхъ разработкѣ мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ, служатъ одновременно и выраженіемъ и доказательствами всеобщаго сознанія важности вопроса.

Еще сорокъ лѣтъ тому назадъ В. И. Даль высказалъ мнѣніе, что „простонародный языкъ—корень и основаніе образованнаго языка“ (Словарь Ж. В. Я. 2-е изд. Статья „О нарѣчіяхъ русскаго языка“. Стр. XXXII), и самъ всей своей дѣятельностью доказалъ важность его изученія, представивъ громадный матеріалъ для научной обработки. Черезъ девять лѣтъ послѣ этого вышедшая „Историческая грамматика“ Ѳ. И. Буслаева представляетъ еще до сихъ поръ неисчерпанный источникъ свѣдѣній и мыслей благодаря, именно, тому, что въ нее внесенъ

элементъ живого русскаго просторѣчія, скрывающаго въ себѣ нерѣдко тѣ звуковыя и этимологическія формы, которыя представляются намъ посредствующими звеньями между отжившими и живущими теперь фактами русскаго книжнаго языка. Несомнѣнно, что Ѳ. И. Буслаевъ, глубокомысленно воспользовавшись данными живого народнаго языка, завѣщалъ намъ много интересныхъ и важныхъ вопросовъ.

Дальнѣйшая разработка русскаго языка подъ перомъ отдѣльныхъ ученыхъ выясняетъ болѣе опредѣленныя задачи русской филологіи и конечную цѣль — построеніе полной и ясной исторіи русскаго языка, какъ лѣтописи духовной жизни русскаго народа. Для достиженія этой цѣли ставится внѣ всякаго сомнѣнія необходимость изслѣдованія отдѣльныхъ живыхъ нарѣчій и говоровъ русскаго языка, какъ подготовительной работы, и вотъ труды Потебни, Колосова, Огоновскаго, Житецкаго, Недешева, Карскаго и друг., обнимающіе собой главныя нарѣчія русскаго языка, получаютъ важное значеніе въ связи съ спеціальными трудами по разработкѣ отдѣльныхъ поднарѣчій и говоровъ и находятъ для себя необходимое дополненіе въ безчисленныхъ спеціальныхъ статьяхъ Халанскаго, Бѣлоруссова, Соболевскаго, Тихвинскаго, Карпинскаго, Александрова, того-же самаго Карскаго и друг., разсѣянныхъ на пространствѣ многихъ годовъ изданія Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Какъ показываютъ перечисленныя и подобныя работы по русскому языку, изслѣдованія въ его области имѣютъ исходною точкою и основаніемъ или записанныя и и изданныя произведенія народнаго творчества, или непосредственно живой народный говоръ, наблюденія надъ которымъ дѣлаетъ самъ слышащій его звуки. Работы перваго рода предполагаютъ готовыми надежные и многочисленные источники, а въ таковыхъ, какъ извѣстно, ощущается большой ведостатокъ, ибо существующіе сборники произведеній народнаго творчества, какъ-то: Кирши Данилова, Рыбникова, Гильфердинга, Кирѣевскаго, Аѳанасьева,

Барсова, Безсонова, Варенцова, Шейна, Головацкаго, Антоновича и Драгоманова и др. даютъ болѣе матеріала для историко-литературныхъ изслѣдованій, чѣмъ для лингвистическихъ, а потому и цѣнность работъ по русскому языку на основаніи изданныхъ памятниковъ народнаго говора является условною. Отсутствіе точной и усовершенствованной транскрипціи почти во всѣхъ вышеназванныхъ сборникахъ бросается въ глаза; кромѣ того, этихъ сборниковъ недостаточно для изученія всѣхъ говоровъ современнаго русскаго языка [1]). Работы-же второго рода сопряжены съ большими трудностями и предполагаютъ собой одно изъ двухъ: или значительные матеріальные расходы для изслѣдованій многочисленными компетентными учеными народныхъ говоровъ на мѣстѣ ихъ употребленія, или всеобщій подъемъ интереса къ изученію отечественнаго языка и всетаки, кромѣ этого, при интересѣ достаточную подготовленность со стороны частныхъ лицъ къ работамъ подобнаго рода. Такъ какъ интересъ къ изученію образцовъ народной рѣчи, именно, со стороны лингвистической еще далеко не можетъ быть признанъ всеобщимъ и зарождается обыкновенно въ людяхъ со спеціальной подготовкой,

---

[1]) Въ послѣднее время проф. Соболевскій началъ печатать „Очеркъ русской діалектологіи" въ журналѣ „Живая Старина" В. И. Ламанскаго (выпускъ I. 1892 г.). Трудъ почтенный и полезный для начинающихъ изслѣдователей и собирателей матеріаловъ по русскимъ говорамъ; но онъ всетаки не можетъ дать многаго для науки, такъ какъ для него пока нѣтъ достаточнаго и точно изданнаго матеріала, и онъ составленъ на основаніи печатнаго матеріала, а потому не отличается ни надлежащею точностью, ни полнотой. Напр., о говорѣ Ряз. губерніи сказано всего на $1/2$ страницы, да и то не совсѣмъ вѣрно, какъ видно будетъ въ настоящемъ изслѣдованіи. На стр. 18 о говорѣ Раненбургскаго уѣзда сказано невѣрно, что „мѣна *у* и *в* ему чужда, твердость двойнаго *ж* также; вмѣсто мягкаго *к*—мягкое *т*". Это произошло оттого, что написано на основаніи „Калѣкъ" Безсонова, а это сочиненіе рѣшительно почти не даетъ матеріала для изслѣдованія рязанскаго говора, да и для другихъ — мало.

то надо признать, что въ большинствѣ случаевъ работы подобнаго рода обязаны своимъ происхожденіемъ чисто случайнымъ обстоятельствамъ. Такимъ же обстоятельствамъ обязана и нынѣ предлагаемая нами работа по изслѣдованію рязанскаго говора. Переѣхавши на жительство въ г. Скопинъ Рязанской губерніи весною 1890 года, мы сразу были заинтересованы народнымъ мѣстнымъ говоромъ горожанъ и крестьянъ, съ которыми приходилось постоянно сталкиваться въ маленькомъ уѣздномъ городѣ. Заинтересовавшись нѣкоторыми отдѣльными образцами народнаго произношенія, какъ напр., произношеніемъ „тяче́ть" —3 л. ед. ч. наст. вр. и т. п., мы стали искать случаевъ столкновенія съ простонародьемъ и съ этою цѣлью посѣщали всѣ базары въ базарные дни въ г. Скопинѣ. Сначала намъ удалось черезъ нѣкоторое время подмѣтить различіе въ произношеніи городскихъ и деревенскихъ жителей, затѣмъ—различіе въ произношеніи поселянъ изъ разныхъ деревень и селъ. Когда у насъ стало слагаться предположеніе о причинахъ различнаго произношенія въ разныхъ деревняхъ, мы стали дѣлиться своими мнѣніями съ мѣстными уроженцами и старожилами и, постоянно наводя справки самаго разнообразнаго характера, рѣшились провѣрить свои предположенія на опытѣ, т. е. рѣшились предпринять нѣсколько поѣздокъ по уѣздамъ Рязанской губерніи съ цѣлью личнаго ознакомленія съ говорами различныхъ мѣстностей. Мы выполнили свое намѣреніе только отчасти, насколько позволяли наши матеріальныя средства и время, свободное отъ исполненія служебныхъ обязанностей. Ведя свои занятія по изученію мѣстнаго нарѣчія въ параллель съ изученіемъ исторіи мѣстнаго края по трудамъ проф. Иловайскаго и по лѣтописи, мы лелѣяли сначала мечту прослѣдить исторію рязанскаго говора и искали письменныхъ памятниковъ, касающихся мѣстныхъ рязанскихъ интересовъ; съ этою цѣлью мы освѣдомились о дѣятельности мѣстной Рязанской Ученой Архивной Комиссіи въ г. Рязани и, услыхавъ объ архивныхъ документахъ, хранящихся въ библіотекахъ Рязанскаго Ар-

хива, Семинаріи и Солотчинскаго монастыря близъ Рязани, мы отправились осенью 1891 года въ г. Рязань. Здѣсь мы встрѣтили полное сочувствіе нашимъ намѣреніямъ въ лицѣ обязательнаго Правителя Дѣлъ Ряз. Уч. Арх. Комиссіи и секретаря губ. стат. комитета, г. А. В. Селиванова, мѣстнаго археолога и человѣка, душой преданнаго интересамъ науки. Кромѣ всего этого, А. В. Селивановъ оказался знатокомъ рукописнаго матеріала, заключающаго въ себѣ различныя свѣдѣнія о мѣстномъ краѣ, и начитаннымъ въ рукописныхъ актахъ и грамотахъ рязанскихъ съ конца XVI-го вѣка по XVIII-й. Такъ какъ мы сами съ величайшимъ трудомъ могли разбирать скоропись дьяковъ и грамотныхъ людей XVI-го—XVII-го вѣка, которой написаны интересовавшіе насъ документы: челобитныя, дарственныя записи, грамоты, хозяйственныя росписи и т. п. письменные памятники, то А. В. Селивановъ взялъ на себя трудъ читать намъ вслухъ всѣ эти акты, соблюдая въ произношеніи особенности правописанія, и такимъ образомъ мы прочли довольно много свитковъ, на которые и ссылаемся въ своемъ трудѣ. Въ Рязани мы узнали также, что громадное количество рязанскихъ актовъ перевезено изъ Рязани въ Московскій Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, куда однако мы не имѣли времени съѣздить, и потому намъ остались неизвѣстными эти архивные документы, а вслѣдствіе этого и трудъ нашъ имѣетъ много пробѣловъ и недостатковъ въ исторической своей части. Впрочемъ, и поѣздка въ Рязань дала очень немногое, такъ какъ мы не нашли древнихъ документовъ: самые старшіе оказались принадлежащими концу XVI-го столѣтія и началу XVII-го. Вслѣдствіе этого мы ограничили свою задачу и выводы только наличнымъ матеріаломъ.

Съ запасомъ книгъ и выписокъ вернулись мы черезъ нѣсколько дней изъ Рязани и рѣшили обратиться за содѣйствіемъ по части собиранія матеріаловъ для изслѣдованія народнаго говора Рязанской губерніи къ мѣстнымъ жителямъ и уроженцамъ различныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи; съ этою цѣлью мы составили цѣлый рядъ во-

просныхъ листовъ и при содѣйствіи своихъ сослуживцевъ-товарищей отправили эти вопросные листы въ самыя разнообразныя мѣстности. Въ большинствѣ случаевъ эти вопросные листы попадали въ руки сельскихъ священниковъ, дьяконовъ, учителей и т. п. образованныхъ лицъ, которыя, пользуясь нашими указаніями, подробно изложенными въ нашихъ письмахъ къ нимъ, съ полнымъ сочувствіемъ ученому дѣлу отозвались и черезъ болѣе или менѣе продолжительное время прислали свои обстоятельные отвѣты на всѣ наши вопросы. Часть Касимовскаго уѣзда со стороны народнаго говора была обслѣдована мѣстнымъ уроженцемъ, нашимъ сослуживцемъ А. И. Смирновымъ, который мнѣ и доставилъ большой и цѣнный матеріалъ, посвятивши лѣтнія каникулы 1891 года собиранію образцовъ народнаго говора на своей родинѣ. Такимъ образомъ, матеріалы по Касимовскому уѣзду были доставлены намъ А. И. Смирновымъ и о. Гавр. Соколовымъ; матеріалы по Спасскому уѣзду доставлены намъ о. дьякономъ И. Парѳеновымъ и М. Л. Сахаровымъ, а также М. Ѳ. Вознесенскимъ—изъ г. Спасска; по Зарайскому уѣзду—В. С. Соловьевымъ, по Егорьевскому уѣзду — о. И. Кедровымъ и нѣкоторыми другими лицами, по Данковскому уѣзду — И. И. Тихвинскимъ, по Михайловскому уѣзду—о. В. Лебедевымъ, по Сапожковскому уѣзду, Раненбургскому, отчасти Рязанскому — моими учениками, мѣстными уроженцами; уѣзды-же: Скопинскій, Ряжскій и Пронскій были обслѣдованы мною самимъ, причемъ первый почти вполнѣ, а два послѣдніе—только отчасти. Собравшееся количество матеріаловъ дало намъ надежду составить, по возможности, полный обзоръ особенностей рязанскаго нарѣчія; нужно было только разобраться въ собранномъ матеріалѣ и подвергнуть его научной критикѣ, чтобы не впасть въ излишнюю довѣрчивость къ сообщеніямъ некомпетентныхъ лицъ, но оказалось, что эти сообщенія въ большинствѣ случаевъ не оставляли желать ничего лучшаго. Явилась возможность провѣрить показанія Даля, исправить и дополнить ихъ, а равно дополнить и тѣ труды, въ которыхъ

разсматриваются, хоть и вскользь, особенности великорусскаго, въ частности—южновеликорусскаго нарѣчія. Въ концѣ своего труда, въ Приложеніи, мы помѣщаемъ нѣсколько номеровъ рязанскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ большинство собрано и записано нами во время нашихъ поѣздокъ по Скопинскому уѣзду. Нечего и говорить о томъ, съ какими трудностями было сопряжено записываніе пѣсенъ въ деревняхъ, да еще въ ожиданіи голоднаго года: эти трудности извѣстны всякому собирателю и ученому, который приходитъ въ столкновеніе съ нашимъ русскимъ простымъ народомъ.

Въ заключеніе считаю своимъ нравственнымъ долгомъ и пріятной обязанностью выразить свою глубокую благодарность какъ всѣмъ лицамъ, поименованнымъ выше, благодаря которымъ, главнымъ образомъ, мой трудъ вышелъ полнѣе и болѣе достойнымъ печатанія, такъ и уважаемымъ профессорамъ: А. И. Смирнову — въ Варшавѣ, Р. Ѳ. Брандту, Ф. Ѳ. Фортунатову и М. И. Соколову — въ Москвѣ, которые постоянно помогали мнѣ книгами и совѣтами.

Скопинъ. 1892 года.

Особенности современнаго говора Рязанской губерніи.

Рязанская губернія по своему говору принадлежитъ къ южно-великорусскому нарѣчію, но составляетъ область, которую по нѣкоторымъ діалектическимъ особенностямъ можно назвать областью рязанскаго нарѣчія.

Еще въ 1852 году В. И. Даль, знатокъ современныхъ великорусскихъ нарѣчій, не безъ основанія объединилъ говоры нѣсколькихъ губерній: Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Астраханской — въ одномъ названіи, именно, Рязанскаго нарѣчія. Правда, что этимъ самымъ названіемъ Даль обнаружилъ возможность предположенія, что всѣ эти губерніи говорятъ совершенно однимъ рязанскимъ нарѣчіемъ, между тѣмъ какъ общей для нихъ для всѣхъ особенностью въ произношеніи служитъ лишь такъ называемое „аканье", что признавалъ и Даль въ своей статьѣ „О нарѣчіяхъ русскаго языка", но зато терминъ „рязанское нарѣчіе" введенъ въ научную литературу, и его, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ сохранить въ виду типическихъ особенностей, отличающихъ, именно, говоръ Рязанской губерніи отъ прочихъ. Конечно, и Даль употребилъ это названіе, имѣя въ виду діалектическія особенности Рязанской губерніи, хотя свѣдѣнія его относительно рязанскаго нарѣчія далеко не полно и не точно изложены въ вышеназванной статьѣ. Даль перечисляетъ слѣдующіе признаки рязанскаго нарѣчія:

1) Рязанское нарѣчіе *акаетъ*, т. е. *о* безъ ударенія вездѣ произносится, какъ полногласное *а*; звукъ *о*, напротивъ, который вообще во всей Россіи произносится дале-

ко не такъ остро, какъ западное (напримѣръ, нѣмецкое, французское *о*), выговаривается еще полоротѣе, еще ближе къ *а*.

2) Вмѣсто *ѣ*, *е* нерѣдко ставится *и*, *я*, даже вмѣсто *о*: яны (они); вмѣсто *и* иногда *ы*.

3) Буква *г* передъ гласною измѣняется въ придыханіе, болѣе или менѣе крутое, но близкое къ западному *h*.

4) Буква *г* въ род. пад. прилагательныхъ произносится чисто (между *к* и *х*), не замѣняется буквою *в*, какъ принято во всей остальной Россіи, кромѣ Бѣлоруссіи.

5) Глаголы въ 3 л. (хо́дитъ, ви́дитъ) оканчиваются мягко, не на *ъ*, а на *ь* (онъ хо́дить, ви́дить); иногда хо́деть, лю́беть.

6) Въ 3-мъ же лицѣ ед. и мн. это окончаніе *тъ* иногда вовсе откидывается: ру́ки баля́, іонъ везё, яна́ берё.

7) Есть наклонность замѣнять букву *л* въ концѣ глаг. 3 л. прош. врем. буквою *в* или *у* (онъ ходи́увъ).

8) Въ неокончат. накл. частица *ся* иногда измѣняется въ *си*.

9) *В* никогда не произносится твердо, не звучитъ какъ *ф*, а напротивъ близится къ гласной *у*, которою нерѣдко замѣняется, и обратно.

10) Весьма рѣдко и не во многихъ мѣстахъ нѣсколько цокаютъ (*ц* вмѣсто *ч*), еще рѣже чвакаютъ (*ч* вмѣсто *ц*) и въ этомъ случаѣ дѣлятъ грѣхъ пополамъ и берутъ средній звукъ между *ч*, *ц*; никогда и нигдѣ не дзекаютъ (*дз*, *тс*), чѣмъ между прочимъ отличаются отъ бѣлоруссовъ и смолянъ [1]).

Мы выписали буквально всѣ десять признаковъ, перечисляемые Далемъ, какъ признаки рязанскаго нарѣчія, для того, чтобы яснѣе видѣть, въ чемъ ихъ недостатки при сравненіи съ признаками, которые подмѣчены нами послѣ спеціальнаго изученія рязанскаго говора. Предвари-

---

[1]) Мы пользовались статьей Даля „О нарѣчіяхъ русскаго языка", приложенной къ его словарю въ изданіи Вольфа. СПб. 1880[2]. Томъ I. Стр. LXII. (Толковый Словарь Ж. В. Я.).

тельно скажемъ, что въ рязанскомъ говорѣ нужно отдѣлить признаки общіе и признаки частные, или мѣстные. При своихъ наблюденіяхъ надъ произношеніемъ крестьянъ и крестьянокъ Рязанской губерніи мы замѣтили: во 1-хъ, что есть признаки и особенности, общіе всѣмъ уѣздамъ и почти всѣмъ деревнямъ Рязанской губерніи, гдѣ только мы были лично, или откуда только намъ доставлены были свѣдѣнія лицами вполнѣ компетентными, о которыхъ сказано въ предисловіи; во 2-хъ, что есть признаки и особенности отдѣльныхъ мѣстностей или даже отдѣльныхъ деревень. Кромѣ этихъ общихъ выводовъ изъ наблюденія надъ рязанскимъ говоромъ, намъ пришлось еще убѣдиться въ томъ, что говоръ городской довольно замѣтно отличается отъ говора деревенскаго, скрадывая типичныя особенности послѣдняго и приближаясь болѣе къ языку литературному или образованному. Это обстоятельство объясняется, конечно, прежде всего грамотностью городскаго населенія и книжнымъ вліяніемъ, а затѣмъ торговыми и другими сношеніями съ мѣстностями другихъ нарѣчій; этимъ же обстоятельствомъ надо объяснять и тотъ интересный фактъ, что даже въ селахъ и деревняхъ мужеское населеніе гнушается говоромъ бабъ, и само говоритъ ближе къ городскому нарѣчію. Очень понятно, что крестьяне имѣютъ болѣе точекъ соприкосновенія съ городомъ, чѣмъ крестьянки, остающіяся нерѣдко всю свою жизнь въ своей деревнѣ, не видавши города, и занимающіяся дѣтьми и хозяйствомъ; особенно видно это различіе въ говорѣ мужчинъ и женщинъ въ томъ случаѣ, если они живутъ въ подгородномъ селѣ, и если это село „добычное“ („дабы́шная“ по мѣстному выго́вору), т. е. занимается торговлей, извозомъ и проч. Нерѣдко одно село „добычное“ по роду занятій крестьянъ или „боевое“, находящееся на пути къ городу или на „боевой“ дорогѣ, на трактѣ, по своему говору рѣзко отличается отъ рядомъ лежащаго села или деревни, живущихъ особой жизнью въ силу какихъ-нибудь условій, т. е. вслѣдствіе отдаленнаго положенія отъ города или большой дороги и земледѣльческаго

характера жизни крестьянъ. Далѣе, мы замѣтили, что разнообразіе въ говорахъ рядомъ лежащихъ деревень или селъ обусловливается не только положеніемъ деревни или села относительно города и боевого тракта или родомъ занятія крестьянъ, но и, такъ сказать, историческимъ прошлымъ даннаго села или деревни: если село или деревня принадлежала когда-то помѣщику, и крестьяне были барскими, то они говорятъ совершенно иначе (все равно, и бабы и мужчины), чѣмъ крестьяне вольные, никогда не принадлежавшіе помѣщику, а бывшіе государственными. Въ селахъ и деревняхъ послѣдняго рода нарѣчіе нерѣдко въ высшей степени типичное и интересное по своимъ звуковымъ и морфологическимъ особенностямъ, и въ этихъ-то селахъ и деревняхъ нерѣдко бабы говорятъ нѣсколько иначе, чѣмъ мужчины, которые вслѣдствіе своихъ занятій и сношеній съ городомъ усваиваютъ городской говоръ, между тѣмъ какъ бабы являются носительницами особенностей мѣстной рязанской рѣчи и замѣчательно чисто сохраняютъ свой языкъ. Эти села и деревни доставляютъ самый драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдованія рязанскаго нарѣчія, и ими то преимущественно мы руководились при своихъ выводахъ о рязанскомъ нарѣчіи и его особенностяхъ. Замѣчательно, что сами бабы и мужчины изъ села барскаго, или помѣщичьяго сознаютъ свою особую рѣчь и смѣются надъ говоромъ крестьянъ вольныхъ селъ, называя ихъ въ насмѣшку словами, выражающими типическую особенность говора въ вольныхъ деревняхъ и селахъ. Такъ, напр., мы услышимъ названія: „що̀калки“ (по выговору „що“, „щё“ вмѣсто обыкновеннаго въ барскихъ селахъ „што“), „цо̀калки“ (по замѣнѣ звука *ч* звукомъ *ц*) или „цу̀прики“, „цупари̇̀“ и проч. (по той же замѣнѣ, говорятъ про касимовцевъ или крестьянъ изъ нѣкоторыхъ деревень Спасскаго уѣзда). Всѣ эти вышеизложенныя обстоятельства затрудняютъ очень собираніе лингвистическаго матеріала, такъ какъ нерѣдко баба, съ которой говоришь, подмѣчая выговоръ мой, сама начинаетъ исправлять свою рѣчь „по-барскому“ или „по-городскому“,

и тогда приходится всякій разговоръ съ ней прекратить, такъ какъ для фонетическихъ наблюденій онъ дастъ очень немного. Лишь только болѣе пожилыя бабы изъ вольныхъ деревень или селъ не стѣсняются своимъ выговоромъ и даже предупреждаютъ, что онѣ будутъ говорить „по-деревенскому“, „про̀сто“, и чтобы ихъ за это извинить; молодыя-же крестьянки не преминутъ исправить всякій разъ свою рѣчь, если повторишь за ними слово по-своему, съ литературнымъ, или московскимъ произношеніемъ. Само собой разумѣется, что бабы изъ вольныхъ и барскихъ селеній говорятъ каждая всегда своимъ нарѣчіемъ, хотя и сознаютъ первыя недостатки своей рѣчи, а вторыя — достоинства; а, кромѣ того, далеко не всѣ особенности нарѣчія вольныхъ селеній поддаются исправленію даже при стараніи говорящей или говорящаго: такъ, есть одна особенность рязанскаго говора, именно, смягченіе звука *к* въ положеніи послѣ закрытаго слога съ мягкой конечной согласной или *й* (j), которая составляетъ принадлежность общерязанскую, и съ ней борьба совершенно оказывается безполезной, не смотря на то, что бабамъ и мужчинамъ пришлось-бы слышать и замѣчать другое произношеніе, именно, твердое *к* въ названномъ положеніи. (Тро̀йк*я*—тройк*а*, сѝньк*я*—синьк*а*). Въ общемъ же надо замѣтить, что изслѣдователю рязанскаго говора представляется въ высшей степени интересный и обильный матеріалъ для наблюденій надъ фонетическими особенностями рязанскаго нарѣчія, если только онъ не захочетъ переспрашивать недослышанныхъ словъ или будетъ дѣлать это осторожно и умѣстно, не давая понять бабѣ, что онъ интересуется, именно, особенностями ея произношенія.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе общаго характера: составъ звуковыхъ особенностей рязанскаго нарѣчія очень разнообразенъ; какъ увидимъ, здѣсь можно найти точки соприкосновенія съ сѣверновеликорусскимъ нарѣчіемъ и съ бѣлорусскимъ, а нѣкоторыя черты сходны даже съ южнорусскимъ, или малорусскимъ нарѣчіемъ. Этотъ фактъ служитъ, конечно, доказательствомъ того, что нынѣшнее

рязанское нарѣчіе слагалось постепенно изъ разнообразнаго состава, и въ исторіи колонизаціи Рязанскаго края слѣдуетъ считаться съ этимъ фактомъ, такъ какъ онъ можетъ дополнить недостающія историческія свѣдѣнія и, быть можетъ, нѣсколько разъяснитъ пути колонизаціоннаго движенія въ эпоху сложенія Рязанскаго княжества. Насколько намъ извѣстно, города сѣверной половины Рязанской губерніи, не выключая самой Рязани, сохранили въ значительно слабѣйшей степени мѣстныя особенности рязанскаго нарѣчія сравнительно съ городами южной половины, по правую сторону р. Оки, гдѣ даже городскіе жители, мѣщане и купцы, акаютъ нѣсколько иначе, чѣмъ городское населеніе г. Зарайска, Егорьевска, Рязани и отчасти Касимова. Въ Касимовскомъ уѣздѣ есть даже села и деревни, гдѣ аканье выдержано не такъ строго, какъ это мы видимъ въ южной половинѣ нынѣшней Рязанской губерніи [1]). На эти особенности мы укажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Что касается историческихъ разысканій о рязанскомъ нарѣчіи, то таковыя могутъ дѣлаться лишь въ памятникахъ сравнительно очень позднихъ, и слѣдовъ мѣстнаго нарѣчія въ памятникахъ письменности ранней мы напрасно искали бы, такъ какъ даже въ XIII-мъ вѣкѣ вообще славянскій элементъ въ Рязанскомъ княжествѣ еще не

---

[1]) По сообщеніямъ Касимовскаго уроженца, А. И. Смирнова, такъ называемый Гусевской Заводъ (названъ по р. Гусь), находящійся въ 3-хъ верстахъ отъ Гусевскаго Погоста, который въ свою очередь отстоитъ на 15 верстъ отъ г. Касимова, употребляетъ нѣсколько иное произношеніе, чѣмъ Гусевской Погостъ. Напр., въ Гусевскомъ Заводѣ скажутъ: в*и*дрȯ, ч*и*вȯ вмѣсто в*я*дрȯ, ч*а*вȯ (ч*а*hȯ), какъ говорятъ въ Погостѣ. Это, конечно, объясняется составомъ населенія Завода, съ одной стороны, и составомъ населенія Погоста,—съ другой, отъ котораго вела большая Московская дорога, почему въ Погостѣ находился и пришлый элементъ, между тѣмъ какъ другія деревни и села, находясь въ другомъ положеніи, сохраняютъ Касимовское цоканье и говорятъ не только в*я*дрȯ, но и ц*а*вȯ.

былъ значителенъ [1]); стало быть, мѣстная русская рѣчь еще никакъ не могла сложиться. Кромѣ этого, оффиціальная письменность, въ которой мы могли бы дѣлать поиски особенностей мѣстнаго нарѣчія, излагалась и на языкѣ оффиціальномъ, на языкѣ московскихъ княжескихъ дьяковъ или образованнаго духовенства. Не смотря на это, мы воспользовались въ Рязани мѣстными рязанскими грамотами отъ XV—XVII вѣка съ цѣлью хотя въ позднихъ грамотахъ найти указанія и намеки на древній рязанскій говоръ, и кое-что нашли въ тѣхъ грамотахъ и записяхъ, которыя писаны были въ Рязанскомъ краѣ; особенно-же интересны въ этомъ отношеніи хозяйственныя записи, расходныя книги, челобитныя и завѣщанія, написанныя частными лицами, не имѣвшими оффиціальнаго положенія и образованія. Правда, что такихъ памятниковъ очень немного и сохранилось, но мы постарались извлечь изъ нихъ кое-какія данныя, которыя представимъ ниже.

Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ присоединимъ еще слѣдующее: мы сказали, что настоящій рязанскій говоръ съ типичными особенностями въ звуковомъ отношеніи сохраняется въ вольныхъ селахъ и деревняхъ по преимуществу, и замѣчательно, что эти же села и деревни представляютъ особенности и по отношенію къ костюмамъ женскаго населенія, такъ что по костюму, по одеждѣ крестьянки или, какъ говорится на мѣстномъ нарѣчіи, по „обряду“ (обрядъ=нарядъ) можно навѣрное сказать, принадлежитъ-ли крестьянка къ вольному или барскому селу, и можно впередъ догадаться, какою рѣчью она будетъ говорить. По этимъ же внѣшнимъ признакамъ узнаютъ нерѣдко и сами крестьянки другъ друга. Само собой разумѣется, что все сказанное оправдывается на дѣлѣ лишь въ большинствѣ случаевъ, но встрѣчаются также и отступленія, и общимъ правиломъ остается лишь то, что чѣмъ болѣе удалена деревня или село отъ путей сообщенія и го-

---

[1]) *Д. Иловайскій.* Исторія Рязанскаго княжества. (Соч. Иловайскаго. М. 1884). Стр. 74—75.

рода, тѣмъ чище сохраняется типъ нарѣчія и внѣшній „обрядъ“ или „обряда“. Принадлежности женской одежды, а равно и головного убора, имѣютъ и свои особыя названія въ указанныхъ мѣстностяхъ, и свои особые покрои или фасоны. Такъ, въ нѣкоторыхъ селахъ (преимущественно барскихъ) носятъ сарафаны (по мѣстному произношенію—сар^фаны̀), ходятъ въ сарафанахъ („ходють въ сар^-фана̀хъ“), тогда какъ въ другихъ (преимущественно вольныхъ) одѣваются всегда въ „понёвы“, носятъ особую прическу съ рожками на головѣ или „кичку“ и украшаютъ голову монетами, а за уши закладываютъ такъ называемые „пушкѝ“, т. е. гусиныя или другія перышки; „понёва“ расшита золотыми позументами („празументы“), а рубашка украшена всевозможными лентами; сверхъ рубашки и понёвы носятъ обыкновенно длинный халатъ, который подвязывается поясомъ и носитъ разныя названія: то называютъ его „шушпа̀нъ“, то—„шу̀шка“; на ногахъ обыкновенно „коты̀“ или лапти, при чемъ онучи въ нѣкоторыхъ деревняхъ бѣлыя, въ другихъ по преимуществу—черныя.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы приступимъ къ изложенію особенностей рязанскаго нарѣчія въ области фонетики и морфологіи.

ФОНЕТИКА.

Къ общимъ признакамъ рязанскаго нарѣчія относятся слѣдующіе:

Аканье, которое мы назовемъ *полнымъ* въ отличіе отъ московскаго аканья, или *неполнаго*, которое отличается отъ рязанскаго и качествомъ и сущностью. Именно, рязанское аканье состоитъ въ томъ, что всякое неударяемое *о*, независимо отъ своего положенія относительно ударяемаго слога, произносится, какъ чистое и открытое *а*, болѣе ясное, чѣмъ московское, которое иногда въ указанномъ случаѣ звучитъ глухо, не совсѣмъ явственно. Въ связи съ этой особенностью стоитъ и другая, изъ-за которой мы и назвали рязанское аканье полнымъ; именно, всякое *е*, стоящее непосредственно *передъ* ударяемымъ слогомъ или непосредственно *послѣ* ударяемаго слога, произносится, какъ *я* или какъ *а* въ положеніи послѣ передне-небныхъ (шипящихъ) *ж* и *ш*. Напр., вясна́, вѣ́тяръ; жана́, шасто́й, шасто́мъ (твор. ед. ч. отъ „ше́стъ"); да́жа=даже.

(Срв. пунктъ 2-ой у Даля здѣсь на 2 страницѣ. У Даля отмѣчена эта особенность неточно и ничего не даетъ читателю).

Въ указанномъ отношеніи рязанское нарѣчіе близко подходитъ къ бѣлорусскому нарѣчію [1]), которое впрочемъ всетаки не такъ строго выдерживаетъ замѣну *е* звукомъ *я*.

---

[1]) *Нѣдешевъ.* Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. В. 1884. Стр. 13.

Неударяемое *е* не переходитъ въ *я* въ рязанскомъ нарѣчіи только въ слѣдующихъ случаяхъ: въ личныхъ формахъ глагола наст. вр. во 2-мъ лицѣ ед. ч. и мн. ч. передъ окончаніемъ *шь* и *те*, въ 3-мъ лицѣ ед. ч. передъ окончаніемъ *тъ* [1]); въ личныхъ мѣстоименіяхъ: мене́, тебе́ (род.-вин.), себе́ (род.-вин.) и въ прилагательныхъ съ суф. *енькій*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ неударяемое *е* произносится почти какъ *и*.

Аканье рязанскаго нарѣчія распространяется даже на нѣкоторые случаи того *е*, которое находится въ положеніи третьяго слога послѣ ударяемаго, т. е. находится черезъ слогъ *послѣ* ударяемаго слога. Это явленіе, переходъ такого *е* въ *я*, наблюдается во 2-мъ лицѣ множ. ч. наст. (буд.) времени и повелительнаго наклоненія. Напр., ви́дитя, слы́шытя, здра́ствуйтя и др. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ средній слогъ въ такомъ случаѣ сокращается, такъ что вм. „ви́дитя" слышится „ви́дьтя" или „ви́дйтя", гдѣ знакомъ *й* мы обозначаемъ очень краткое *и*,

---

[1]) См. *Недешева* ук. соч. Стр. 16—17. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ этого сочиненія относительно причинъ такого явленія, лежащихъ, съ одной стороны, въ аналогіи съ спряженіемъ на тематическое *и*, съ другой,—въ небности окончанія *тъ* (блр. *цъ*). Дѣло въ томъ, что 3-ье лицо множ. числа показываетъ, что всѣ глаголы подчинились вліянію спряженія I-го, т. е. съ тематическимъ *е*, а не наоборотъ, и, кромѣ того, переходъ *е* въ положеніи послѣ ударяемаго слога возможенъ въ другихъ случаяхъ и передѣ небнымъ согласнымъ или мягкимъ слогомъ. Это же относится и къ рязанскому говору, гдѣ постоянно видимъ: хо́дють, слы́шуть и др. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ, какъ и въ прилагательныхъ на *енькій* имѣетъ существенное значеніе то обстоятельство, что *тъ* и *нъ* въ слоговомъ отношеніи примыкаютъ къ этому неударяемому *е*, составляя съ нимъ одинъ *закрытый* слогъ и притомъ съ мягкимъ, небнымъ концомъ. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, по крайней мѣрѣ, въ рязанскомъ говорѣ мы не могли замѣтить расширенія *е* въ *я* послѣ ударяемаго слога. 2-е л. ед. и множ. объясняются аналогіей съ 3-имъ. Объ этомъ ниже.

доходящее почти до простого смягченія предыдущаго твердаго *д*. Но это далеко не общее явленіе. Какъ общее правило для рязанскаго нарѣчія существуетъ то, что всякое *е* въ третьемъ слогѣ *передъ* ударяемымъ слогомъ звучитъ, какъ *и*, что̀ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: висяло̀ (= весело), ни тяря̀й, ни квялѝ (ср. ня хо̀шъ, нябо̀сь, нялься̀), ни тянѝ, ни къ чаму̀, ни держа̀мши, жырябѐцъ, бирягѝ (пов. н. отъ беречь—береги, гдѣ һ есть мягкое г, г', произносящееся, какъ латинское h), пра мидьвядя̀, мидьвядѐй, дисятѝ (род. п. отъ „десять"), чиряпо̀къ, вичярко̀мъ, пиряйдѝ, пирякстѝть — 3 л. ед. ч. буд. вр. (с. Яблоново, Скоп. у.), пиляна̀ (крыша), пирящы̀бли (с. Вослѣбово, Скоп. у.), пиряста̀лъ, пиряру̀бъ (доска на полу избы), пирявѣ̀спла, пирявѣ̀лъ — прош. вр. Вообще, относительно этой представки „пере-" замѣтимъ кстати, что наблюдается слѣдующее явленіе: если „пере-" присоединяется къ слову, которое имѣетъ на первомъ слогѣ удареніе, т. е. непосредственно за представкой „пере-", то послѣдняя по общему правилу рязанскаго нарѣчія переходитъ въ „пиря-". Напр., пирякстѝть, пиряхо̀дъ, пиряйдѝ, пирящы̀бли, пиряста̀лъ, пиряру̀бъ, пирявѐлъ, пирянѐсъ и проч. Если же представка „пере-" присоединяется къ слову, которое начинается не ударяемымъ слогомъ, т. е. не имѣетъ ударенія непосредственно за представкой „пере-", а черезъ одинъ, примѣрно, слогъ, то представка „пере-" теряетъ свое второе *е* и переходитъ въ „пер-" съ твердымъ или мягкимъ *р*, смотря по качеству слѣдующаго согласнаго или гласнаго, т. е. передъ мягкимъ согласнымъ или гласнымъ, съ котораго начинается слѣдующее слово, „пере-" переходитъ въ „перь-", напр., пир^хадѝть—н. н. (знакомъ ^ мы означаемъ пропускъ гласнаго), пир^мутѝласъ—3 л. ед. прош. вр. (с. Ябл. Скоп. у.), пир^купѝли, пир^дава̀ть (ср. пиряда̀лъ), пир^насѝть (ср. пирянѐсъ), пирьяжжа̀й—пов. накл. (с. Яблоново), пирьвярну̀ласъ—прош. вр. (с. Яблоново).

Аканье — явленіе старинное въ великорусскомъ язы-

кѣ [1]), и имъ надо объяснять многія фонетическія явленія современнаго русскаго языка. Изъ того обстоятельства, что аканье имѣло вліяніе на многія явленія языка, которыя можно объяснить удовлетворительно единственно только этой особенностью великорусскаго и бѣлорусскаго произношенія, нужно заключать, что аканье уже въ древнее время было очень распространено, имѣло большое значеніе. Нерѣдко аканье, какъ способъ произношенія, прокрадывалось даже въ оффиціальный письменный языкъ дьяковъ и приказныхъ,—и, если слово только не часто встрѣчалось въ оффиціальномъ актовомъ языкѣ или было совсѣмъ новое, какъ напр., названіе мѣстности или что-нибудь подобное, то можно навѣрное сказать, что оно будетъ написано такъ, какъ произносилъ его писавшій бумагу, можно навѣрное сказать, было ли его нарѣчіе акающимъ, или нѣтъ. Въ самомъ началѣ XVIго вѣка аканье было распространено въ Рязанской землѣ, такъ что даже проникало въ письменность, чему доказательствомъ служатъ факты письма Коломенской Палеи 1406 года (см. у Соболевскаго. Лекціи по исторіи р. яз. К. 1888. Стр. 69). Изъ памятниковъ собственно рязанской письменности, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, древнѣйшій слѣдъ аканья мы нашли въ XIV-мъ вѣкѣ въ грамотѣ (договорной) в. к. рязанскаго Олега Ивановича съ в. к. Димитріемъ Іоанновичемъ въ 1381 году, гдѣ читаемъ: „А пошлипы... съ пѣшоходовъ два алтына“ (Собр. госуд. гр. и договор. I. М. 1813. N 32). Ср. нѣсколько ниже: „а съ пѣшехода мыта нѣтъ“. Очевидно, что слово „пѣшоходовъ“ могло получить такое начертаніе потому, что оно произносилось „пѣшахо́довъ“, „пѣшахо́дъ“. Подобные примѣры мы увидимъ и ниже.

Въ XV-мъ вѣкѣ: Жадѣно городищо—Договорная грамота в. к. рязанскаго Ивана Ѳеодоровича съ княземъ Георгіемъ Димитріевичемъ Галицкимъ около 1433 г. (Собр. госуд. гр. ib. N 48). Мои бояря — ib. N 48. Нашо дѣ-

---

[1]) См. „Лекціи“ Соболевскаго. К. 1888. Стр. 69—70.

ло—ib. N 48. Произносилось это, какъ и теперь, „наша дѣла“, и грамматическій средній родъ исчезалъ въ языкѣ разговорномъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже по поводу современнаго рязанскаго говора. Далѣе: „душогубца... выдати по исправѣ“ — ib. N 48. „А съ пѣшохода мыта нѣтъ“—ib. N 48. Срв. грамоту N 65. „Такжо“ — Договорная грамота в. к. рязанскаго Ивана Васильевича съ братомъ. Писана въ Рязани 19 авг. 1496 года. Собр. госуд. гр. ib. N 127. „И въ тѣхъ дворѣхъ матери нашой воля“ — ib. (Ср. въ N 128 — „нашей“). „Такжо“ — ib. N 128. (Писана тоже въ Рязани). Написаніе собственнаго имени въ N 128 „Жерновищъ“, а въ N 127 „Жорновищъ“ доказываетъ, что произношеніе было „Жарно́вищъ“, вѣроятно, съ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ начала. „А мой третчикъ прилучится туто, и онъ съ нимъ *жо* судитъ“—ib N 128. Самое написаніе „Резань“, „резанскій“, которое почти постоянно встрѣчается въ рязанской письменности, возможно было только вслѣдствіе произношенія *е* предъ ударяемымъ слогомъ, какъ *я*, слѣдствіемъ чего является рядомъ съ „Резань“, „резанскій“— „Рязань“, „рязанскій“. Этимологія слова „Рязань“ намъ неизвѣстна [1]), но весьма возможно, что написаніе этимологическое было, именно, „Резань“, а „Рязань“ есть только фонетическая транскрипція, плодъ произношенія. Рядомъ съ этимъ словомъ встрѣчается и слово „кнегиня“ и „княгиня“, о которомъ можно то-же сказать. (См. *Пискаревъ*. Древніе грамоты и акты Рязанскаго края. СПб. 1854. NN 2, 3, 7, 8 и др.). Та-же особенность произношенія замѣтна въ написаніи многихъ собственныхъ именъ, напр., „охримандриту Досаѳѣю“ — Пискаревъ. N 11. Запись Рудневыхъ о выселкѣ деревни ихъ съ земли Солотчинскаго монастыря, 1511 года. Рядомъ, въ N 10, чи-

---

[1]) Догадку Иловайскаго о происхожденіи этого слова см. въ его сочиненіи: „Исторія Рязанскаго княжества“. Стр. 12—13. Со ссылкою на „Опытъ“ Макарова. (Чт. въ Общ. И. и Др. 1846. III).

таемъ „Досоѳѣя“. Вообще, замѣчаемая путаница въ написаніи *а* и *о* въ рязанской письменности свидѣтельствуетъ собой сходное произношеніе этихъ звуковъ при извѣстныхъ условіяхъ. Такъ, мы встрѣчаемъ написанія: „пашуть“ — 3 мн. N 12. 1512 г. ib. и „похать“ — н. н.— ibidem. „Въ козну“—ib., „заплотили“—ib. N 13. 1520 г. (см. объ этихъ словахъ ниже). „Донила“ — ib. „Отъ тотарской войны“ — ib. N 18. 1553 г. Слово „тотарскій“, „тотары“ постоянно путается и встрѣчается рядомъ съ написаніями: „татарскій“, „татаринъ“, „татары“ и въ другихъ рязанскихъ грамотахъ; напр. „тотарину“ читаемъ въ Записи князя Болуша Салтанглычева объ раздѣлѣ имѣнія Касимовскаго уѣзда Борисоглѣбскаго стана. („Запись“ принадлежитъ Рязанскому Архиву, и свитокъ помѣченъ N 10). Ср. свитки N 11 того же Архива, принадлежащій тоже 1594 году, какъ и N 10, далѣе — N 13, 1596 г. и друг.

Въ XVI-мъ вѣкѣ мы отмѣтили слѣдующіе факты рязанскаго аканья въ письменности: особенно характерна подпись одного грамотнаго человѣка, подписавшагося на „Записи“, упомянутой уже выше, это, именно, Запись Рудневыхъ о выселкѣ деревни, принадлежащая 1511 году. Здѣсь читаемъ: „А запись писалъ язъ Семенъ Руднявъ сынъ Климова на себе и на своего брата, лѣта 7019, мѣсяца февраля 22“ (Пискаревъ. N 11). Ниже: „Язъ Иванъ Рудневъ сынъ Климова руку свою приложилъ къ сей записи“. Въ одной грамотѣ 1563 года, названной „Правая и разъѣзжая грамота окольничаго и воеводы Тучкова, данная Булату Елегину съ товарищи о спорныхъ пожняхъ Косимовскаго уѣзда“ (Свитокъ Ряз. Архива N 7), читаемъ: „И привели къ источинѣ къ ручаю, а тѣ ручаи течѣ из савина болота а ручаи впалъ в ту же въ рѣку въ коверь“. Въ виду слова „ручай“, быть можетъ, „к ручаю“ и не представляетъ случая акающаго произношенія, такъ какъ рядомъ съ словомъ „ручей“ могло быть и „ручай“, слово другого образованія, но можетъ быть, что именительный пад. „ручай“ обязанъ своимъ происхожденіемъ

аканью, какъ это мы видимъ въ другихъ словахъ (см. Соболевскаго. Лекціи. Стр. 70—71), и особенно часто въ рязанскихъ грамотахъ въ словахъ, сложныхъ съ префиксомъ раз-, который постоянно чередуется съ роз-; въ такомъ случаѣ именит. „ручай“ образованъ по аналогіи со всѣми прочими падежами, гдѣ *а* могло быть результатомъ аканья. Это слово въ формѣ „надъ ручаемъ“ мы имѣемъ уже въ Лавр. спискѣ лѣтописи подъ 945 годомъ.

Въ княжеской грамотѣ 1576 г. мы читаемъ: „А далъ тою деревню, со всякимъ угодьемъ по коя мѣсто ходили изъ оной соха и коса и топоръ“ (Ряз. Достопамятности. IV т. Трудовъ Ряз. Арх. Коммиссіи. § 125).

Слово „Касимовскій“ также постоянно пользуется различной орѳографіей: то встрѣчаемъ „Косимовскій“ (Свитокъ Ряз. Арх. N 10, 1594 г.), то „Касымовскій“ (Свит. N 11, 13—1596 г. и др. Срв. также Свит. N 21—1616 года и др.).

Въ N 11—1594 г. читаемъ: „К*а*сымовскому служи*ла*му т*а*тарину, Фед*а*ра Иван*а*вича“, а въ N 13—1596 г. „служил*о*му т*о*тарину“, но ниже „бобылск*а*й дворъ“, „касымовск*а*й посадцк*а*й староста“, „петидесяцк*а*й“. Въ грамотѣ XVII-го вѣка (1612 г.) бояръ Трубецкого и Заруцкаго пронскому воеводѣ (Пискаревъ. N 21) читаемъ: „по им*я*намъ“, но здѣсь же и въ другихъ мѣстахъ: „им*е*на“ и проч. А въ рукописной выписи, данной служилому татарину на помѣстье въ Касим. уѣздѣ 1616 года (N 21—Ряз. Арх.), читаемъ: в*а*евода князь Звениг*а*роцкой, въ Борис*а*глѣбской станъ, пр*а* то помѣсть*я*, то лотышевско*я* помѣсть*я*; съ другой стороны—„пушк*о*ря“ и рядомъ „пушк*а*рь“, „сыскив*о*лъ“—прош. вр. „А п*о* ѡͭдѣле были“ ... Въ N 22 (тоже 1616 г.)—П*о*пкратій, Съ Н*о*стасьею М*о*твѣевою, *О*вдокимова (срв. нынѣшнее ряз. Афимья, Авдакимъ, послѣднее, быть можетъ, имѣло удареніе на слогѣ „до“ и образовалось черезъ форму „Явдокимъ“). Въ N 23 (1617 г. Выпись Елатомскаго губного старосты) читаемъ: помѣсь*я* — вин. п. ед. ч., „невѣдом*а* где“, „Съ елатомскимъ губнымъ старостою сыван*а*мъ“ и друг. Въ N 26

(1621 г. Выпись изъ Касимовскихъ писцовыхъ книгъ) — „пашни пахоные", „похали"—прош. время. Въ N 27 (того же года. Отпись воеводы Шапилова въ полученіи ямскихъ денегъ) „взялъ на жалованья и на прогоны". Срв. N 28 (1623 г.), гдѣ въ такой же фразѣ: „на жалованье". Срв. также N 30 (1624 г.—„*я*"). У Пискарева въ N 25 (1628—9 г. Выпись изъ Касим. писц. книгъ) читаемъ: „Межа князь Ивановой землѣ Шех*а*вского", въ другихъ мѣстахъ этой же выписи: „Шех*о*вскимъ", „Шех*о*вского". Въ Наказной памяти сыщика Заболоцкаго (ркп. N 100, 1665 г.) читаемъ: „скольк*а* человѣкъ", „съ аѳапасьемъ саѳонтъевичамъ", „пл*я*м*я*нниковъ". Въ Промѣнной записи Касимова города (ркп. N 111, 1674 г.): „дватцать *жа* четвертей", „жена *мая*". Въ грамотѣ митрополита ряз. и муром. Іосифа поповскому старостѣ (ркп. N 119, 1679 г.) читаемъ: „доправить безчесть*я*", „вдв*оя*", „два рубли ч*а*тыре алтына" (по два раза написано), „на дьечкѣ" и „ему дь*я*чку", „ч*а*тырнатцать алтынъ", „д*а*правя тѣ пѣнныя и пошлинныя деньги". Въ расходныхъ тетрадяхъ 1647 г. (Ряз. Достоп. ib. Стр. 58, § 168) читаемъ: „подрятчикомъ былъ помянутый подъмастерь*я* Василій Харитоновъ Зубовъ". Срв. здѣсь же §§ 176, 204, 304. Въ Отпискѣ казначейской къ преосвященному (Ряз. Достоп. § 206) 1655 года находимъ: „и будетъ *горша* нынѣшняго" вмѣсто „горше". Подобное написаніе сравн. степени „выша" встрѣтили мы въ доставленной намъ [1]) рукописной копіи различныхъ грамотъ и записей, отчасти напечатанныхъ уже Пискаревымъ, именно, въ N 11 (по рукописной копіи, у Пискарева N 12) 1512 года, гдѣ читаемъ цѣлую строку, пропущенную въ печатномъ изданіи Пискарева: „что пашутъ на монастырь *выша* моего села, да отъ тѣхъ монастырскихъ нивицъ"; далѣе идетъ, какъ у Пискарева:

---

[1]) Тетрадь грамотъ и записей въ копіяхъ любезно доставлена намъ для пользованія А. В. Селивановымъ, членомъ ученой архивной коммиссіи въ Рязани, которому приносимъ здѣсь свою искреннюю благодарность.

„внизъ къ Бояпову колодезю“ (Запись Любавскаго). Это же слово съ такой орѳографіей встрѣчаемъ мы и въ Записи Александра Филипова сына объ уступкѣ ему вмѣсто занятыхъ 100 рублей денегъ помѣстья на р. Пронѣ (ркп. N 127, 1683 года). Здѣсь читаемъ: „что писано въ сей записи *выша* сего“. Примѣры аканья находятся и въ другихъ памятникахъ письменности. Напр., въ Выписи изъ Межевыхъ Рязанскихъ книгъ 1630 года (Пискаревъ N 27) читаемъ: „а отъ ямы направ*а* дорогою, налѣв*а* межею“; „на межи липов*ай* пень“—ib. N 27. Съ другой стороны, въ этой же выписи читаемъ „перѣх*о*въ“, гдѣ *о* стоитъ вмѣсто *а* на основаніи сходства въ произношеніи неударяемаго *а* и *о*, какъ мы видѣли выше. Въ Отпискѣ чернеца Тарасія рязанскому митрополиту съ представленіемъ трехъ грамотъ, относящихся до постройки Собора въ Переяславлѣ Рязанскомъ 1674—1682 года, читаемъ: „А иныхъ, Государь, старѣ*я* тѣхъ грамотъ въ казнѣ нѣтъ“ (Пискаревъ. N 40). Въ Записи 1677 года о построеніи Собора (ib. N 43) читаемъ: „площ*а*дь“ и „площ*е*дь“; такое написаніе свидѣтельствуетъ также объ акающемъ нарѣчіи, гдѣ иногда звукъ *а* приближается къ *ѣ* или *и*, въ особенности это бываетъ обыкновеннымъ явленіемъ, если неударяемое *а* стоитъ послѣ шипящаго звука, какъ увидимъ ниже, при обзорѣ другихъ особенностей народнаго рязанскаго говора, въ которомъ всегда слышимъ: „шылить“, „ня можа слышыть“ и проч. Въ словѣ „площедь“ *е* показываетъ суженіе звука *а*, оно произносится и произносилось близко къ *и* потому, что стоитъ послѣ мягкаго согласнаго *щ*, послѣ котораго расширеніе звука было бы затруднительно. Въ Подрядной Записи на постройку церкви 1679 года (Пискар. N 46) читаемъ: „крестьян*я* Василей Елизаровъ да Юда Леонтьевъ“... Къ случаямъ же суженія звука *а* (я) относятся и примѣры: „Зан*е*ли есми мы“ (Заемная память крестьянъ 1681 года, у Пискарева N 47) или „Окт*е*бря“ — ib. N 47. Въ Записи, упомянутой уже разъ выше по поводу слова „выша“ (Ркп. N 127, 1683 года), читаемъ: „на р*о*сплату“, „д*а* сроку“,

Б- 838998
РЯЗАНСКАЯ
областная библиотека

„или хто ста́нятъ въ то помѣстьѣ вступатца“, „и то помѣстья мнѣ справить“, „и то помѣсья *са* всѣми угодьи опричь іво Михайла“, „и никому роду моіво и племяни *да* того помѣстья и *да* всякого угодья дѣла нѣтъ“. Въ Рядной Записи 1690 года (Ркп. N 147) видимъ: „*са* всякимъ угодьемъ вмѣст*а* придан*ава*“ — 2 раза, „цена п*а*лтина“, „тел*а*грѣя“, „выдать мнѣ василью дочь св*аю*“; „Въ нинешнемъ въ девяноста осмомъ г*аду*“, „писоной срокъ“, „въ резанск*а*мъ уѣздѣ“. Въ Расходной книгѣ 1692 г. (Пискаревъ. N 55): „куплено сн*я*тковъ“ и „куплено сн*ѣ*тковъ“. Въ этомъ словѣ мы видимъ произношеніе неударяемаго звука *е* (ѣ), въ слогѣ передъ ударяемымъ, какъ *я*. Во всякомъ случаѣ произношеніе „снято̀къ“ есть акающее, хотя бы это слово и въ самомъ дѣлѣ имѣло этимологическое *я*, такъ какъ рязанскій говоръ произноситъ почти всегда ясно и чисто *я* и *а*, находящіяся въ слогѣ передъ ударяемымъ, напр., „свято̀й“ никогда не звучитъ по-московски „свито̀й“, а всегда ясно „свято̀й“ и проч., за исключеніемъ указанныхъ выше случаевъ положенія *а* (я) послѣ шипящихъ. Если въ словѣ „снятокъ“ было-бы этимологическимъ написаніе черезъ *ѣ*, то и то рязанецъ скажетъ „снятокъ“, какъ говоритъ „сл*я*по̀й“, „н*я*мо̀й“, „в*я*но̀къ“, „ц*а*на̀“, „ц*а*по̀чка“ и проч., о чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Въ Записи 1698 года (Ркп. N 165) имѣемъ: „по сей дан*а*й“. Ниже здѣсь же „по сей дан*о*й“ (вм. „данной“). „Площедно̀й подьячей“. Наконецъ, въ Духовномъ Завѣщаніи Касимовскаго служилаго татарина, по недосмотру пропущенномъ ранѣе, 1676 года (Ркп. N 113), имѣемъ: „владѣть дв*а*ромъ своимъ и х*а*ромы“. „Благословилъ мѐньш*а*му своему сыну“. „К*а*ро̀вникъ“. „А жив*а*то̀въ моихъ после моего живота т*а*му̀ моему сыну“. „Да ей *жа* далъ я“. „Да имъ *жа* я отк*о*за̀лъ“. „А та кобала написана въ ч*а*тырнотцети рублехъ“. „За ло̀шедь два рубли“. „Шесть алтынъ ч*а*ты̀р*я* деньги“. „А какъ меня въ животѣ не станетъ и меня пох*а*рани̇̀ть“. Здѣсь мы читаемъ слова совершенно такими, какими ихъ слышимъ въ современномъ рязанскомъ народномъ говорѣ.

Въ своихъ историческихъ данныхъ рязанскаго нарѣчія мы будемъ ограничиваться концомъ 17-го столѣтія въ виду того, что въ 18-мъ столѣтіи не представится такого интереса по отношенію къ орѳографіи, такъ какъ это сравнительно недавнее время. Такимъ образомъ, мы видѣли, что аканье есть черта очень древняя въ русскомъ языкѣ, восходящая къ XIV-му столѣтію и распространявшаяся все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени. Несомнѣнно, что московское неполное аканье есть явленіе болѣе позднее, чѣмъ аканье полное, которое болѣе послѣдовательно и строго выдержано, и нужно думать, что рязанское аканье образовалось подъ вліяніемъ московской колонизаціи въ рязанскомъ княжествѣ и удержало тѣ свои особенности, которыя исчезли въ собственно-московскомъ нарѣчіи, сохранившись въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губерніи, напр., въ Богородскомъ, Коломенскомъ и другихъ. Вообще, не одно аканье въ рязанскомъ нарѣчіи есть плодъ колонизаціонной политики великихъ князей: мы ниже увидимъ, что по особенностямъ народнаго рязанскаго говора можно составить себѣ приблизительное понятіе о составѣ первоначальнаго рязанскаго края и о тѣхъ инородныхъ вліяніяхъ, которымъ подвергался рязанскій край при торговыхъ, политическихъ и другихъ соприкосновеніяхъ своихъ съ русскими людьми разныхъ земель.

О вліяніи аканья на произношеніе другихъ словъ въ рязанскомъ нарѣчіи мы должны сказать слѣдующее: въ рязанскомъ нарѣчіи болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, замѣтны новообразованія, происшедшія подъ вліяніемъ господствующаго аканья. Такъ, напр., въ литературномъ общерусскомъ языкѣ мы имѣемъ настоящее время пло́тишь, пло́титъ и проч. отъ глагола плати́ть. Очевидно, что произношеніе пло́тишь обязано своимъ происхожденіемъ аналогіи подобнаго какого-нибудь глагола, имѣвшаго этимологическое *о* въ корнѣ, въ родѣ но́сишь, во́зишь при неопр. н. носи́ть, вози́ть, гдѣ неударяемое *о* въ силу аканья звучитъ, какъ *а*. Въ составъ литературнаго языка вошли, кромѣ слова пло́тишь, ко́тишь при кати́ть (см. Со-

болевскаго. Лекціи. К. 1888. Стр. 72), со́дишь при сади́ть, до́ришь при дари́ть. Возникновеніе такихъ формъ объяснимо только аканьемъ, въ силу котораго возможно было образованіе этихъ новыхъ формъ по аналогіи съ формами старыми отъ глагола носи́ть—но́сишь и проч. Основаніемъ такого новообразованія по аналогіи послужило произношеніе неударяемаго *о* въ неопредѣленномъ наклоненіи, какъ *а*, подобно глаголу пл*а*ти́ть, гдѣ *а* было этимологическимъ. Но въ рязанскомъ говорѣ, кромѣ перечисленныхъ формъ, мы видимъ: бро́нить, бро́нится 3 ед. при неопр. н. брани́ть; (с)во́рють, пирґво́римъ при неопр. н. вари́ть; сво́лисься — 2 ед., сво́лишь при неопр. н. вали́ть; то́шшыть, пато́шшышъ, сто́шшыть — 3 ед. при неопр. н. ташшы́ть, тащи́ть. Сюда же слѣдуетъ отнести произношеніе шо́пчишъ, шо́пчить въ ряз. говорѣ отъ гл. шапта́ть при 1-мъ лицѣ шапчу́, откуда уже шо́пчишъ, шо́пчить подобно наси́ть, нашу́, но́сишъ или вази́ть, важу́, во́зишъ и проч.

Интересны слѣдующія сопоставленія изъ живого говора: пир͡вари́ть и пирґво́ри͡ямъ—1 л. мн. числа; въ этомъ словѣ мы обозначили знакомъ и͡я звукъ, который слышится то ближе къ *я*, то ближе къ *и*. Разъ мы слышали такое произношеніе, а другой разъ другое въ одной и той же мѣстности. Далѣе: пир͡вали́лъ—прош. вр.—и пирґво́лится — 3 ед. буд. времени соверш. вида. Аканью же обязаны и слѣдующія произношенія: па́со́дили садъ — 3 л. мн. ч. прош. вр. при со́дитъ, со́димъ и пр. Здѣсь перенесено даже удареніе подъ вліяніемъ формъ настоящаго времени. Точно такое-же явленіе мы видимъ въ произношеніи ско́мью—вин. ед. числа при именительномъ скамья́ и множ. число ско́мьи. Срв. вода́ при вин. пад. во́ду и множ. ч. во́ды. Въ вольныхъ селахъ Рязанской губерніи, напр., въ селѣ Во́слябовѣ (которое, по мѣстной легендѣ, получило свое названіе отъ собственнаго имени Ослябя, инока, остановившагося въ этомъ селѣ на пути къ в. к. Дмитрію Донскому. Въ этомъ названіи мы имѣемъ начальное придыхательное *в*, какъ и во многихъ другихъ сло-

вахъ рязанскаго нарѣчія. По мѣстному произношенію это названіе звучитъ такъ: Во̀сляба, крестьяне — Вослянцы̀.) мы слышимъ также *двóждыг* вм. дважды. Въ селѣ же Курбатовѣ Ряжскаго уѣзда мы слышали произношеніе *башмóкъ* при множественномъ числѣ башмакі̀. Быть можетъ, здѣсь позволительно усматривать аналогію съ произношеніемъ другого названія обуви, именно, *сапóгъ* при множ. числѣ *сапоќи*. Итакъ, съ одной стороны, мы видимъ новое *о* подъ удареніемъ, образовавшееся изъ неударяемаго *а*; съ другой стороны, въ ниже приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ новое *а*, образованное изъ неударяемаго *о* этимологическаго: ла̀вишь, ла̀витъ и проч. при неопр. н. лови̇̀ть, употребляемое въ этомъ глаголѣ и съ представками — нала̀вить — 3 л. ед. числа; ла̀маный, ла̀мапъ при глаголѣ ломи̇̀ть и ломàть — села Пѐрики, Бара̀ково Скоп. уѣзда; ђута̀рили и ђута̀рить — неопр. н. (=говорить) при ђуто̀рить — с. Ми̇̀шино Михайловскаго уѣзда; зака̀панъ при неопр. н. закопа̀ть, копа̀ть—с. Яблоново Скоп. у.; вожжы зама̀таны при неопр. н. замота̀ть, мота̀ть, которое, конечно, тоже произносится съ двумя *а*—село Яблоново. „Ро̀здали“ и „разда̀ли“—прош. время—с. Пѐрики и Бараково.

Вліяніемъ же аканья надо объяснять, по нашему мнѣнію, и то замѣчательное явленіе, что въ рязанскомъ нарѣчіи совершенно исчезъ средній родъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, его нѣтъ вовсе въ употребленіи въ рязанскомъ просторѣчіи, но къ этому явленію мы вернемся нѣсколько ниже, когда будемъ разсматривать слѣды вліянія аканья на формы языка, а теперь упомянемъ еще о нѣсколькихъ случаяхъ фонетическаго характера, объясняемыхъ, по нашему мнѣнію, все тѣмъ-же аканьемъ. Къ такимъ случаямъ относится произношеніе тематическаго *и* въ глаголахъ прошедшаго времени, какъ *я*: „вы̇̀пялъ“, если это тематическое *и* находится въ слогѣ послѣ ударяемаго, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: вы̇̀п*я*лъ=выпилъ (с. Яблоново), пó*ля*лъ=полилъ (с. Гремя̇̀чка=ђрямя̇̀чькя), спóрялъ=спорилъ (с. Яблоново); такое произношеніе звука *и* наблюдается и въ третьемъ сло-

гѣ послѣ ударяемаго, но при этомъ промежуточный слогъ сокращается, напр., „вы́чистилъ“ звучитъ, какъ вы́чьстялъ или вы́ч͡стялъ, вы́мясялъ (=вы́мѣсилъ, почти какъ вы́*мь*сялъ, гдѣ знакомъ *мь* или *мя̆* мы обозначили краткость слога *мя*, но съ оттѣнкомъ гласнаго *я*), вы́тӑшш*а*лъ=вы́тащилъ (иногда: вы́тӑщ*я*лъ—с. Яблоново). Слово „видѣлъ“ также произносится — ви́д*я*лъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ вышеприведенныхъ словъ, такъ какъ *ѣ* послѣ ударяемаго слога звучитъ обыкновенно, какъ *и*, что̀ особенно ясно слышно въ падежныхъ формахъ для предложнаго падежа, какъ напр., „на во̀ли“, „въ по̀ли“, „въ до̀ми“ и т. п. Если же *ѣ* стоитъ передъ ударяемымъ слогомъ, то оно всегда раздѣляетъ судьбу звука *е* въ этомъ же положеніи, т. е. произносится, какъ *я*: п*я*мо̀й, св*я*тло̀, сл*я*по̀й, см*я*̀тца и проч. Случаи, подобные вышеприведеннымъ, какъ „вы́пялъ“ и проч. объясняются вліяніемъ такихъ формъ, какъ вы́м*я*лъ, вы́пл*я*лъ, вы́ш*а*лъ, гдѣ *я* стоитъ въ силу общаго закона акающихъ говоровъ, подобныхъ рязанскому. Этимъ же вліяніемъ надо объяснять и произношеніе слова „ви́дялъ“. Впрочемъ, есть довольно много словъ, доказывающихъ, что *ѣ* и послѣ ударяемаго слога раздѣляетъ судьбу звука *е* въ ряз. нарѣчіи, только не въ падежныхъ окончаніяхъ. Замѣчательно, что рядомъ съ формой „вы́пялъ“ для ед. числа намъ почти постоянно приходилось слышать форму „вы́пили“ для множ. числа, гдѣ коренное *и* произносится неясно, но во всякомъ случаѣ близко къ *и*; то-же мы наблюдали и въ другихъ словахъ: „вы́чистили“ и проч. Между тѣмъ какъ формы „вы́мяли“, „вы́несли“ звучатъ съ яснымъ *я*. Быть можетъ, въ этомъ явленіи слѣдуетъ усматривать указаніе на неорганическое, такъ сказать, *я* въ словахъ, подобныхъ слову „вы́п*я*лъ“, гдѣ расширеніе звука *и* въ *я* поддерживалось и оправдывалось слѣдующимъ твердымъ согласнымъ или слогомъ. Выше мы видѣли, что мягкость слѣдующаго слога или согласнаго вліяетъ даже на звукъ *е*, стоящій непосредственно послѣ ударяемаго слога, и въ силу означеннаго положенія звукъ *е* не переходитъ въ нѣкоторыхъ глагольныхъ

формахъ и словахъ въ *я* (буде"ть, буде"те, харо́шынькяй, тачёнинькяй, ка́ме"нь, стю́де"нь и проч.), между тѣмъ какъ общее правило аканья строго соблюдается во всѣхъ случаяхъ, кромѣ означенныхъ, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: ку́чяръ, һа́ячькю (вин. ед. отъ „гаечка"), прися́дя—3 л. ед. ч.=присядетъ (с. Мишино, Михайловскаго у.), хо́ча—3 л. ед. ч.=хочетъ (Мих. у. ib.), позати́хня= позатихнетъ (Мих. у. ib), прима́йтя, иди́тя, няси́тя, упадётя, найдётя, поѣ́дитя (*и* очень краткое, почти=ъ; Мих. у. ib.), бязъ ва́рякъ (=безъ ва́решекъ, с. Ябл. Скоп. у.), ня во́зя = не возитъ (село Городецкое, Скоп. у.), ср. ни хвата́я — ibid., на́тя, паля́йтя—пов. н., но́мяръ, вы́кряшенъ (=вы́крещенъ), по́һрябъ, ма́сляна, по́мяръ, па́ляцъ; ла́һарь=лагерь—с. Ябл. Скоп. у.; это слово, повидимому, противорѣчитъ нашему выводу о вліяніи послѣдующаго мягкаго согласнаго, но такихъ словъ, вѣроятно, очень немного.

Аканьемъ же объясняется такое произношеніе, какъ пе́тна (=пя́тна), образовавшееся, очевидно, подъ вліяніемъ словъ, подобныхъ слову вёдра при ед. числѣ в*я*дро́, пётна при п*я*тно́. Надо замѣтить, что слово „пятно́" произносится съ чистымъ *я*, какъ и всякое слово съ безударнымъ *я*, какъ мы говорили выше. Это есть принадлежность акающаго говора: п*я*то́къ, р*я*ды́, р*я*бо́й, л*я*һу́шка, раста́*я*ла—прош. время, св*я*то́й, ч*я*сы́ (ч'асы́). Впрочемъ, въ томъ-же селѣ Яблоновѣ Скоп. уѣзда мы слышали и случаи перехода звука *я*, стоящаго подъ удареніемъ, въ *е* или ё въ словахъ: дитё, пётнушка (ср. пётна род. мн. пётнафъ = пятенъ), ме́чикъ, пляеме́ньникъ (с. Кельцы. Скоп. у.), апе́ть (с. Ябл. Скоп. у.), но въ с. Бараковѣ мы слышали и апя́ть. Въ Спасскомъ уѣздѣ, въ сс. Городцѣ и Го̀рнцахъ, также „апе́ть" и друг. Въ этихъ же селахъ Спасскаго уѣзда, а равно и въ другихъ, какъ напр., въ селахъ: Ки́струсъ, Гавриловское, Деревенское, Стариково и друг., говорятъ пе́ть вм. пять, че́йникъ вм. ча́йникъ и др. Слово „чай" и въ Скоп. у. мы слышали съ подобнымъ произношеніемъ, въ которомъ слышно было не чистое *а* (я), а близкое къ *е*: „чеай". Слово „апе́ть" произносится и въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ которомъ вообще много особенныхъ и интерес-

ныхъ случаевъ замѣны одного звука другимъ: здѣсь мы находимъ: „въ jéсляхъ“ = въ ясляхъ, „всéкiй“ = всякiй, „hанéли“ = гоняли, „дéдя“ = дядя, „jéйцы“ = яйца. Слово „чай“ вмѣсто „чаю“ = думаю въ нѣкоторыхъ селахъ Тумскаго края Касимовскаго уѣзда, напр., въ с. Куршевѣ, въ дер. Симоновѣ, Бычковѣ и др. произносится нерѣдко „цéй“. Также слышится „няльзé“ вм. нельзя, „прéдиво“ = прядиво, „подъ пéтницу“ = подъ пятницу, „пéтиро“ = пятеро. Эта особенность преимущественно свр. говоровъ, въ частности новгородскаго, въ которомъ она извѣстна уже съ XI-го вѣка. (Соболевскiй. Лекцiи. К. 1888. Стр. 67). Далѣе, повсемѣстно въ ряз. нарѣчiи мы слышимъ произношенiе трéсть вм. трясть, встрёхāвала = встряхивала, но трясý, трясёть и проч. Явленiе перехода ударяемаго *я* въ ё въ ряз. нарѣчiи параллельно явленiю перехода ударяемаго *а* въ *о*, какъ мы видѣли выше: валю́, свáливай — вóлишъ; сажý, пасáживай — сóдишъ и проч. Также: трясý — трéсть — трёсъ — встрёхāвалъ. Аналогiей въ этомъ случаѣ, должно быть, служили глаголы типа: нясý — нéсть — нёсъ; вязý — вéсть — вёсъ. Въ неопр. н. нéсть, вéсть, трéсть перехода *е* въ ё не можетъ быть потому, что слѣдующая согласная *т* мягкая, а вслѣдствiе этого и *с* — мягкiй: нес'т'. Вообще переходъ *я* изъ *е* или изъ **ѧ**, или исконнаго (ѩ) въ ё совершился черезъ посредствующую форму, въ которой было вторичное *е*, какъ показываютъ примѣры: нясý — нéсть — нёсъ; трясý — трéсть — трёсъ (но вы́трясъ). Сравни: пятнó — пётна, какъ вядрó — вёдра, сялó — сёла и проч.

Собственныя имена, какъ Евфимья, Елена и друг., въ силу аканья переходятъ въ Афимья, Алёна при посредствѣ формъ Яфимья, Ялена, какъ изъ имени Егоръ образуется Яhóръ и проч. Этимъ же явленiемъ аканья мы объясняемъ и то, что звукъ *о* въ третьемъ слогѣ передъ ударяемымъ, превратившись въ *а*, становится слабымъ и звучитъ иногда, какъ *ъг*: мъгладцà (с. Звѣрево, Данков. у.) [1]).

---

[1]) Объ этомъ звуковомъ явленiи ювр. нарѣчія см. въ тру-

Накопецъ, аканье отразилось и на морфологіи рязанскаго нарѣчія, въ которомъ совершенно исчезъ средній

дѣ А. А. Потебни: „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (Ф. З. 1865. Вып. I. Стр. 57—63). Правда, что этотъ трудъ во многихъ мѣстахъ неточенъ, такъ какъ авторъ дѣлалъ наблюденія надъ влр. нарѣчіемъ болѣе по печатнымъ изданіямъ, чѣмъ на основаніи личнаго знакомства съ живой рѣчью великорусскаго народа; но всетаки въ этомъ трудѣ мы находимъ много цѣнныхъ замѣчаній, свидѣтельствующихъ о тонкой наблюдательности автора. Такъ, совершенно вѣрно подмѣчено отношеніе неударяемыхъ слоговъ къ ударяемому, постепенное ослабленіе гласнаго по мѣрѣ удаленія его отъ ударяемаго и одинаковое положеніе гласнаго, находящагося въ 3-мъ слогѣ передъ ударяемымъ, съ гласнымъ, непосредственно слѣдующимъ за ударяемымъ слогомъ. Потебня пишетъ (стр. 57): „Въ настоящее время въ большей части юВр. говоровъ *о* измѣняется различно, смотря по степени его удаленія отъ ударяемаго слога“. По отношенію къ ряз. нарѣчію это общее замѣчаніе не совсѣмъ вѣрно: мы выше уже сказали, что въ ряз. нарѣчіи всякое неударяемое *о* звучитъ, какъ *а*. Находясь въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго оно, правда, иногда становится чуть слышнымъ, глухимъ, но переходъ его въ *ъ* (какъ мъгладцà) есть явленіе далеко не общее въ рязанскомъ нарѣчіи; этотъ переходъ слышится въ иныхъ мѣстахъ яснѣе, въ другихъ глуше, между тѣмъ какъ произношеніе „маладцà“ остается общимъ для всѣхъ мѣстностей рязанскаго говора и самымъ обыкновеннымъ. Произношеніе кóл’калъ = колоколъ (ib. 57) мы слышимъ гораздо чаще въ Рязанской губерніи, чѣмъ мъгладцà, зъглатòй и т. п. Точно такъ-же далеко не всегда слышимъ мы въ ряз. нарѣчіи произношеніе звука *у* во 2-мъ слогѣ за ударяемымъ совсѣмъ глухое или какъ *ъ*: случаи такіе, какъ „у ѣóлъгбя“ (с. Звѣрево, Данк. у.), встрѣчаются далеко не часто. (См. Потебни. ib. 58). Что касается измѣненія гласныхъ неударяемыхъ мягкихъ, то намъ придется сдѣлать и здѣсь кое какія дополненія и поправки къ труду Потебни (ib. стр. 59 и 60). Въ рязанскомъ говорѣ *е* въ 3-мъ слогѣ передъ ударяемымъ, какъ мы выше замѣтили, всегда переходитъ въ *и*, и случаевъ перехода этого звука въ *я* мы вовсе не замѣтили. Въ 3-мъ же слогѣ послѣ ударяемаго звукъ *е* дѣйствительно переходитъ иногда въ *я*, но случаи такіе не часты, и ихъ мы перечислили выше. Въ видѣ поправки (Тамъ-же

родъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ: въ си-

стр. 60) къ замѣчанію Потебни скажемъ, что въ словахъ съ суффиксомъ *ецъ* въ ряз. говорѣ, именно, во 2-мъ слогѣ послѣ ударяемаго слышится иногда *я*, между тѣмъ какъ у Потебни замѣчено, что въ такихъ словахъ *е* переходитъ въ *и*: мы слышали „кормúляцъ"—с. Корневое, Скоп. у. и въ другихъ словахъ. Далѣе, род. множ. числа постоянно „дéняхъ"=денегъ, также „бéряхъ"=берегъ (Птб. ib. 60), какъ того требуетъ строго выдержанное аканье рязанскаго нарѣчія. Затѣмъ Потебня въ своемъ трудѣ (ib. 61) совсѣмъ упустилъ изъ виду, что есть такіе южновеликорусскіе говоры, въ которыхъ звукъ *я* въ слогахъ неударяемыхъ произносится чисто, о чемъ мы говорили уже въ текстѣ, и къ такимъ говорамъ относится, именно, рязанскій говоръ. У Потебни-же читаемъ: „*Я*, будетъ ли оно коренное, или образованное изъ ѧ, въ слогахъ неударяемыхъ измѣняется въ *е* въ московскомъ и въ *и* (изъ е) въ другихъ южныхъ говорахъ". Собственно говоря, и въ московскомъ нарѣчіи неударяемое *я* переходитъ не въ чистое *е*, какъ можно было бы думать на основаніи словъ Потебни, но въ звукъ, болѣе близкій къ *и*, чѣмъ къ *е*. Что же касается рязанскаго нарѣчія, то здѣсь это *я* почти никогда не переходитъ въ *и*, кромѣ случаевъ весьма немногихъ и рѣдкихъ, которые мы наблюдали въ мѣстныхъ, областныхъ словахъ рязанскаго нарѣчія, какъ напр., j*и*ħнóкъ, j*и*ħначё́къ=ягненокъ, барашекъ (см. отдѣлъ Лексикологіи ряз. нарѣчія). На стр. 62 Потебня, исходя изъ того положенія, что *я* въ неударяемыхъ слогахъ переходитъ въ *е* и въ *и* во всѣхъ южновеликорусскихъ говорахъ, приводитъ въ примѣръ такого перехода коренного *я* въ *е* слово *Резанъ*, говоря, что начало такого перехода не позже XIII в. Очевидно, въ словѣ „Рязань" принимается звукъ *я* за исконный, коренной, между тѣмъ какъ это еще большой вопросъ: быть можетъ написаніе „Рязань" есть плодъ, именно, рязáнскаго произношенія, такъ какъ это *я* въ словѣ „Рязань" нигдѣ не слышно, кромѣ, именно, рязанскаго и, быть можетъ, нѣкоторыхъ другихъ, тождественныхъ съ рязанскимъ говоровъ. Памятники письменности употребляютъ чаще написаніе „Резань", чѣмъ „Рязань"; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, какъ суздальскомъ изводѣ, мы имѣемъ постоянно въ этомъ словѣ *я*, но въ Радзивиловскомъ и спискѣ Моск. Дух. Академіи въ этомъ словѣ мы встрѣчаемъ *е*, напр., подъ 1096 годомъ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

лу аканья слова адя́ла, по́ля и проч. переходятъ изъ средняго рода въ женскій, а потому въ произношеніи звучатъ безразлично: теплая адяяла, зяленая поля и теплая адёжа, зяленая крыша; такимъ образомъ, естественно уничтожается средній родъ именъ прилагательныхъ, и получается возможность говорить: бальша́я адяяла, суха́я поля; мая́, твая́, свая́, вся поля и проч. Напр., мы постоянно слышимъ: „вядро́ вся́ худа́я (с. Яблоново); про молоко говорятъ: „ана́ ски́сла“—ibid. А вотъ цѣлый разговоръ, записанный мною съ совершенной точностью со словъ крестьянки с. Яблонова: „Дай ужъ рюмачькю винца́-та; ахъ, кака́я харо́шая! һдѣ-й-та таку́ю бралъ-та? По два ста^ы^кана̀ пьють јеё, эту вино́-та“. Далѣе: дирявцо́ һуста́я, харо́шынькяя. „Пла́тья худа́я“ (с. Мишино. Мих. у.). „Ма́сла-та вся́ кончилась, ана́ ужъ испортилась“ (с. Ябл.). „Адна́ вся́ палѣ́на сһарѣ́ла“ (ibid.). „Выбралъ изъ двухъ любу́я, э́ту пла́тья“. „Кады́ ана́ будя старая, ана́ будя мяхкая“ (палате́ньца). „Сту́ла ишшо̀ ни занята́“ — ibid. „Велика̀ жалаванья-та?“ (с. Городецкое, Скоп. у.). „Всю́ лѣта“—ib. „Ана́ за о́блакъ зашла́“ (сказано про солнце. С. Городецкое. ib.). „Была́ бы солнушка“ (с. Ябл.). „Чья́ поля?“ „Вся лѣта, всю эту лѣта“—с. Корневое, Скоп. у. „Кака́я соньца шшарба́тая (затменіе 25 мая 1890 года), ана́ вся́ пир^мути́лась *ма́тушка*“—с. Яблоново (про солнце). „Кака́я дѣла!“ — с. Гремячка, Скоп. у. „Ну, јеё савсѣ́мъ (про вино)—с. Ябл. „Падъ малинавай *адяя́лай*“—с. Яблон. „Твая́ кальцо́“—ib.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще болѣе, такъ какъ они встрѣчаются на каждомъ шагу и поражаютъ слушателя. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что средняго рода въ просторѣчіи рязанскаго края совсѣмъ нѣтъ, и никакое сознаніе о немъ не замѣчается. Что слова средняго рода не имѣютъ падежныхъ суффиксовъ женскаго склоненія, переходя въ именит. падежѣ въ женскій родъ, это еще не доказываетъ сознанія средняго рода: мы, напримѣръ, постоянно слышимъ въ рязанскомъ нарѣчіи падежный суффиксъ для род.

п. множ. числа именъ женскаго рода — *овъ, евъ,* и этотъ суффиксъ есть почти единственный для образованія род. пад. множ. числа. Напр., комнатовъ, кухарковъ, óкнавъ, пéтнавъ = пятенъ и проч. Но, не смотря на окончаніе *овъ, евъ* для род. п. мн. ч., слѣдуетъ всетаки признать, что народъ различаетъ мужескій и женскій родъ; о среднемъ же родѣ, по крайней мѣрѣ въ рязанскомъ нарѣчіи, этого сказать нельзя. Поэтому, намъ кажется, напрасно Потебня упрекалъ (О звук. особ. р. нар. Стр. 60, прим.) Даля и доказывалъ ошибочность его мнѣнія относительно того, что въ народномъ языкѣ мѣстами нѣтъ средняго рода. Потебня говоритъ: „Кажется, ошибочны у Даля примѣры: пшена желтая такая вм. пшено такóя и т. д.“. Мы скажемъ въ свою очередь, что эти примѣры вовсе не ошибочны, что въ рязанскомъ нарѣчіи постоянно услышишь „пшанó жéлтая такáя“, какъ уже выше нами указано, и никогда не слышно „пшено такóя“, но мы не слыхали также и пшенá вмѣсто пшанó или пăшанó (ă — краткій звукъ, похожій на глухой, но съ оттѣнкомъ *а*). Въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи мы видимъ даже склоненіе именъ средняго рода съ женскими падежными суффиксами. Напр., „Онъ кормилъ коня *пшеною бѣлояровой*, Поилъ питьями медвяныма“ (Гильфердингъ. Онеж. былины. Столб. 79. Былина о Дюкѣ. Повѣнецкое побережье) и др. Срв. столб. 776, 818 (муж. родъ=средній).

Прежде чѣмъ перейти къ замѣнамъ другихъ звуковъ въ рязанскомъ нарѣчіи, не связаннымъ съ явленіемъ аканья, скажемъ, что Даль, перечисляя особенности рязанскаго нарѣчія, какъ мы теперь можемъ убѣдиться изъ вышеизложеннаго, выразился очень неточно во 2-мъ пунктѣ (см. здѣсь стр. 2). Именно, у Даля не сказано, въ какихъ случаяхъ *ѣ* или *е* переходитъ въ *и* и *я*, а просто сказано „нерѣдко“. Что-же касается произношенія „яны̀“ вм. „они“, на которое указываетъ Даль въ означенномъ пунктѣ, то такое произношеніе мы нечасто слышали, именно, въ одной мѣстности Рязанской губерніи въ с. Боршевòмъ Скоп. уѣзда, гдѣ говорятъ: jóнъ, jаны̀ = онъ, они;

между тѣмъ какъ „аны" извѣстно, напр., въ Касим. уѣздѣ во многихъ селахъ и деревняхъ такъ называемаго Тумскаго края [1]).

Случаи отступленія отъ аканья встрѣчаются болѣе или менѣе часто въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Рязанской губерніи, и это наблюдается по преимуществу въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ вообще нарѣчіе постепенно переходитъ къ типу умѣренно-акающихъ говоровъ, но всетаки сохраняетъ въ себѣ отличительныя особенности рязанскаго говора въ области гласныхъ и согласныхъ, при чемъ въ области послѣднихъ развиваются даже такія особенности, которыхъ на югѣ Рязанской губерніи не встрѣтишь или встрѣтишь, какъ рѣдкость. Эти особенности, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а равно и особый лексическій составъ въ такъ называемыхъ „мещерскихъ" селахъ, свидѣтельствуютъ объ особомъ положеніи, въ которомъ находился сѣверный край Рязанской губерніи при возникновеніи Рязанскаго княжества: здѣсь было населеніе Мещеры, и сюда колонизація проникала съ сѣвера, не только изъ области Московской и Суздальской, но и Новгородской. Этими обстоятельствами, кажется, надо объяснять легкое ослабленіе аканья на сѣверѣ Рязанской губерніи, общія черты съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ и нѣсколько особый составъ областныхъ словъ, неизвѣстныхъ или рѣдко употребляемыхъ въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Съ другой стороны, именно, эти черты сѣверно-рязанскаго нынѣшняго нарѣчія указываютъ въ свою очередь и на тѣ историческія обстоятельства, которыя отмѣчены лѣтописями относительно эпохи сложенія новаго Рязанскаго княжества. Такъ, изъ случаевъ отступленія отъ

[1]) Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ" (К. 1888. Стр 77) объясняетъ это „яны" влр. и блр. говоровъ слѣдствіемъ вліянія формъ косвенныхъ падежей мѣстоименія „и": яму́, яго́ и проч. Во всякомъ случаѣ произношеніе яго́, яму́ есть акающее, подъ вліяніемъ котораго явилась форма „яны" черезъ форму ёнъ, јонъ.

общерязанскаго аканья отмѣтимъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Спасскаго, Михайловскаго и Касимовскаго уѣздовъ говорятъ: *кучиръ* (г. Спасскъ, сс. Ерахтуръ, Нармушадь, Куземкино и др. Касим. уѣзда) вм. обычнаго кучяръ, также *вечиръ*—ibid. вм. вечяръ, *присто́лъ* вм. прястолъ (сс. Ижеславль, Николаевка Михайлов. у., сс. Булыгино, Ловцы, Щурово, Россохты Зарайскаго уѣзда), *нисе́ть* вмѣсто нясе́ть иногда слышно въ гор. Спасскѣ, *сміѝтца смишно́й* вм. смя́тца и смяшно́й въ тѣхъ-же мѣстахъ Михайловскаго уѣзда, Касимовскаго и въ с. Щуровѣ Зарайскаго уѣзда. Точно такъ-же: *пирихо́дъ, пирино́съ* — въ Михайл. уѣздѣ и въ сс. Мокѣевѣ, Подлѣсной Слободѣ Зарайск. у., *чиѣо́* вм. обычнаго ча*ѣо́* или ч*аво́* — въ с. Мишинѣ Мих. уѣзда, ч*иво́* — с. Истье, Пронскаго уѣзда; *жылѣ́зо* — ib. (с. Николаевка) и *зылѣ́зо* въ означенныхъ селахъ Касим. уѣзда; *во́сьмиро, типе́ря, дишо́вый* вм. во́сьмяро, тапе́ря, дяшо́вый въ Тумскомъ краю и нѣкоторыхъ другихъ селахъ Касимов. уѣзда, *де́итъ*=девять тамъ-же; наконецъ— *слѣпой, нѣмой* съ *ѣ*, близкимъ къ *и*, въ с. Алпатьевѣ, В. Бѣлоомутѣ, Каринѣ, Булыгинѣ и нѣкр. др. Зарайскаго уѣзда, о которомъ надо вообще сказать, что, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, онъ отличается большей близостью въ отношеніи аканья къ московскому нарѣчію и нѣсколько удаляется въ этомъ отношеніи отъ общерязанскаго произношенія. Въ Спасскомъ уѣздѣ, въ сс. Городецъ, Горицы, Гавриловское и нѣкр. др. слышится почти всегда: у пи*чѣ*, на пи*чѣ*, привизе́мъ (знакъ е обозначаетъ звукъ *е*, а не ё) вмѣсто обычныхъ у пячѣ, па пячѣ, привязе́мъ, какъ постоянно слышимъ въ Скопинскомъ, Ряжскомъ, Пронскомъ, Данковскомъ, Раненбургскомъ уѣздахъ. Рядомъ съ этими отступленіями отъ аканья вполнѣ понятными остаются слѣдующія произношенія: ко́ринь — Тумскій край Касимовск. уѣзда, ди́вирь и ди́верь—с. Щурово Зарайск. у., с. Николаевка и др. Михайловск. уѣзда. Это произношеніе мы видѣли выше (см. прим. 1 на стр. 6 и стр. 10 нашего труда) и въ Скоп. уѣздѣ, и оно объясняется положеніемъ звука *е* въ закрытомъ слогѣ съ мягкимъ

конечнымъ согласнымъ; припомнимъ слова: камень, стюдень, будеть, кашель и друг., гдѣ *е* произносится почти какъ *и*.

Рядомъ съ вышеозначенными отступленіями отъ полнаго аканья слѣдуетъ отмѣтить переходъ неударяемаго *о* во 2-мъ и 3-мъ слогѣ передъ и послѣ ударяемаго слога въ *ъ*, какъ прямой слѣдъ умѣреннаго аканья, извѣстнаго и въ Москвѣ. Такъ, въ означенныхъ уже мѣстностяхъ мы наблюдаемъ произношеніе: *дъ*граһо́й, *пъ*глате́ньца, ра́*дъ*ватца—сс. Ерахтуръ, Нармушадь, Кузелкино и др. Касимовск. у., я́бл*и*ня—с. Ижевское Спасск. у., Тумскій край Касим. уѣзда, *въ*пярвы́хъ, һ*ъ*сти́ла (=гостила), купа́цц*ъ* (=купаться), п*ъ*ряпёкъ, с*ъ*сва́талъ, ляжа́ла падъ ёлъ*ц*куй (=ёлочкой, пѣсня)—тамъ-же, въ Касимов. уѣздѣ. Теперь переходимъ къ другимъ явленіямъ въ области фонетики рязанскаго нарѣчія.

Замѣны звука а. Въ рязанскомъ нарѣчіи, въ особенности въ Скопинскомъ уѣздѣ, замѣчается довольно характерная замѣна звука *а* въ глаголахъ, гдѣ эта примѣта *а* стоитъ послѣ передне-небнаго (шипящаго) звука, т. е. образовалась изъ звука *ѣ* (въ глаголахъ III—V класса по дѣленію Миклошича). Не смотря на то, что это *а* стоитъ подъ удареніемъ, оно произносится какъ *е* (ѣ). Такъ, мы постоянно слышимъ: кричѐть, кричѐлъ, кричѐла; шуршѐла, постучѐть, стучѐли, стучѐла, стучѐть (но наст. вр. 3-е л. мн. ч. — стуча́ть, крича́ть), пишшѐлъ, вишшѐла (=визжала; с. Яблоново, Скоп. у.), гдѣ сочетаніе звуковъ *зж* перешло сперва въ группу глухихъ звуковъ *сш*, которая обратилась по ассимиляціи въ *шш* или непосредственно, или черезъ звукъ *щ*, образовавшійся изъ *сш*, а такъ какъ всякое *щ* въ рязанскомъ нарѣчіи во всѣхъ уѣздахъ произносится, какъ *шш* (см. отдѣлъ согласныхъ звуковъ; передне-небные), то и получилось „вишщѐла“; промежуточную форму „вищѐла“ мы слышали въ с. Вослябовѣ Скоп. уѣзда. Ср. съ произношеніемъ „вишшѐла“ произношеніе другого слова: „дака́шшыкъ“ (доказчикъ; с. Яблон. ibid.). Впрочемъ, иногда намъ приходилось слышать и произно-

шеніе „вижжѣть“ въ неопр. наклоненіи. Далѣе: тряшшѣла (=трещáла; с. Яблон. ibid.). Быть можетъ, подобныя формы своимъ произношеніемъ обязаны вліянію такихъ глаголовъ, какъ хотѣть—хотя́ть, хотя, впрочемъ, вмѣсто 3 л. мн. ч. „хотя́ть“ чаще слышится „хóчуть“, но въ другихъ глаголахъ ясно различіе, аналогичное приведеннымъ выше: кричѣть—неопр., н., крича́ть—наст. вр. 3 л. мн. ч. и подобн., напр., вялѣть—вяля́ть, шумѣть—шумя́ть (всегда въ смыслѣ „звать“ въ ряз. нарѣчіи. См. отдѣлъ лексикологіи). Такую аналогію можно усматривать въ произношеніи глаголовъ съ примѣтой *а* послѣ шипящихъ звуковъ: эта аналогія оправдывается стремленіемъ отличить въ разговорѣ формы настоящаго времени 3-го лица множ. числа отъ формъ неопредѣленнаго наклоненія, такъ какъ эти формы безъ особеннаго рязанскаго произношенія звука *а*, какъ *е* (ѣ), въ неопр. наклоненіи могли бы смѣшиваться, имѣя одинаковое произношеніе, т. е. представляя въ звуковомъ отношеніи тождественныя формы. Напр., неопр. н. крича́ть и наст. вр. 3 мн. крича́ть или стуча́ть — неопр. н. и стуча́ть — наст. время и проч. Такимъ образомъ, стремленіе различить формы, тождественныя въ звуковомъ отношеніи, вызвало звуковую замѣну *а* на *е* (ѣ) въ глаголахъ съ ударяемой примѣтой *а* въ положеніи послѣдняго звука послѣ шипящихъ. Формы же прошедшаго времени кричѣлъ, кричѣла и проч. образовались въ свою очередь по аналогіи съ формами неопр. наклоненія — кричѣть и проч., которыя обязаны своимъ появленіемъ вліянію глаголовъ типа велѣть — веля́ть, отличающихъ формы неопр. накл. и наст. времени 3-го л. мн. числа посредствомъ звуковъ *ѣ* и *я*. Само собой разумѣется, что звуковая тождественность формъ неопр. наклоненія кричать и наст. вр. 3-го л. мн. числа — кричать могла явиться только подъ условіемъ рязанскаго мягкаго произношенія звука *т* въ личномъ окончаніи 3-го л. ед. и мн. чиселъ; это окончаніе въ рязанскомъ нарѣчіи звучитъ *повсемѣстно,* какъ *ть,* или совсѣмъ отбрасывается въ вольныхъ селахъ и де-

ревняхъ, но никогда не твердѣетъ. (См. Морфологію. Глаголъ—ниже).

Есть еще замѣна звука *а* звукомъ *ъі* преимущественно послѣ шипящихъ въ предударномъ слогѣ. Это явленіе, быть можетъ, слѣдуетъ отнести также къ особенностямъ акающихъ говоровъ. Такъ, напр., мы слышимъ: шъглйть—3 ед., шъглйшъ — 3 ед. (с. Пéрики, Бараково. Скоп. у.), шъглй—повел. н.—с. Курбатово, Скоп. уѣзда; шъгрмáнка—с. Яблон. Скоп. у., *жъглѣть*—ibid. „А са встрѣчи^е^пья бýдеть ишшó *жъгрчѣя*" (=А со срѣтенья будетъ еще жарче)—ibid., *жъгрá*—ibid., *жъгкéтка*—ibid., лашъгдéй (но и лашадéй—род. мн. ч.). Послѣ ударяемаго слога мы слышали—купáццъі—неопр. н. въ Касимов. уѣздѣ, въ Тумскомъ краю (см. стр. 39); замѣтимъ также произношеніе пъгрянёкъ, гдѣ *ъі*, впрочемъ, находясь въ 3-мъ слогѣ передъ ударяемымъ, произносится не достаточно явственно,—ibid. (Ср. о звукѣ *о — ъі* во 2-мъ и 3-мъ слогахъ отъ ударяемаго на стр. 32, 33 и 39 и примѣч. 1).

Ударяемое *а*, произносимое какъ *ъі*, намъ встрѣтилось только въ одномъ словѣ: касы́рь = косáрь (большой ножъ для колки щепокъ), твор. п. ед. числа—касъгрёмъ—повсемѣстно въ Скоп. уѣздѣ.

Сюда же можно отнести замѣну ударяемаго *а* (я) въ глаголахъ, въ примѣтѣ, посредствомъ звука *е* (ѣ), но не послѣ шипящихъ (см. выше): баславлѣ́ютъ = благословляютъ — 3 л. мн. ч. наст. вр., въ Касимов. уѣздѣ, с. Бычково (Тумскій край).

Переходимъ къ звуку *и*, стоящему вмѣсто другихъ звуковъ, и къ его замѣнамъ.

Звукъ *и* въ рязанскомъ нарѣчіи въ нѣсколькихъ словахъ стоитъ вмѣсто *ѣ*. Такъ, мы постоянно слышимъ 3-е лицо ед. числа отъ глагола *ѣсть:* jйсть, съjйсть, надаjйсть повсемѣстно; 2-е лицо также съjйшъ, ня съjйшъ, а 1-е—съjймъ, хотя встрѣчается и *съѣмъ* и еще чаще безъ представки—*ѣмъ*. Множественное число идетъ уже по-рязански правильно: ядймъ, ядйтя, ядя́ть (или въ иныхъ мѣстностяхъ ядя́. См. ниже, отдѣлъ Морфологіи). Эти фор-

мы съ звукомъ *и* вмѣсто *ѣ* мы слышали почти во всѣхъ уѣздахъ Рязанской губерніи: въ Скопинскомъ, Ряжскомъ (с. Быково), Касимовскомъ, Сапожковскомъ, Спасскомъ, Михайловскомъ, Зарайскомъ, Данковскомъ, Раненбургскомъ, Рязанскомъ, Пронскомъ. Не могли мы только услѣдить произношеніе этого слова мѣстнымъ жителемъ Егорьевскаго уѣзда. Несомнѣнно такое произношеніе принадлежитъ русскому народному языку и извѣстно издавна, какъ характеризующая особенность сѣверно-великорусскаго нарѣчія, въ частности—Новгородскаго, въ которомъ почти всякое (ударяемое) *ѣ* произносилось и произносится, какъ *и*; въ этомъ отношеніи свр. нарѣчіе сближается съ млр., гдѣ наблюдается такое же явленіе уже издавна (Примѣры см. у Соболевскаго. Лекціи. Стр. 34, 36). Но, конечно, малорусское *і* изъ *ѣ* другого происхожденія, чѣмъ свр. *и* изъ *ѣ*, а что касается произношенія разбираемаго нами слова јúсть и проч., то оно, хотя и извѣстно всему русскому языку, но въ рязанскомъ нарѣчіи, по нашему мнѣнію, не можетъ считаться органической особенностью его и не доказываетъ собой сѣверно-великорусскихъ или малорусскихъ вліяній на рязанскій говоръ въ эпоху образованія рязанскаго княжества, такъ какъ это явленіе *и* вм. *ѣ* въ рязанскомъ нарѣчіи мы слышали только въ трехъ словахъ, и нигдѣ оно болѣе не сказалось, между тѣмъ какъ остальные слѣды вліянія сѣверныхъ и южныхъ нарѣчій въ эпоху колонизаціи явственны до сихъ поръ въ нынѣшнемъ рязанскомъ говорѣ. На этомъ основаніи мы предполагаемъ, что произношеніе јúшъ, јúсть и т. п. въ рязанскомъ нарѣчіи есть явленіе позднѣйшее и вызвано, быть можетъ, стремленіемъ различить въ звуковомъ отношеніи форму 3-го лица ед. числа и форму неопр. наклоненія, которая звучитъ чаще ѣсть, чѣмъ јúсть, хотя извѣстно и послѣднее произношеніе. Въ такомъ случаѣ формы јúшъ и јúмъ (но и ѣмъ) приноровлены къ 3-му лицу ед. числа [1]). Другіе случаи произношенія *и* вм. *ѣ* пред-

---

[1]) Въ Сборникѣ былинъ Гильфердинга много примѣровъ

ставляются намъ въ словахъ: узр*и*лъ вм. узрѣлъ=увидѣлъ, неопр. н. узр*и*ть (с. Яблоново) и посмотр*и*ть неопр. накл. вм. посмотрѣть (с. Вослябово).

До сихъ поръ мы разсмотрѣли случаи произношенія ударяемаго *ѣ* какъ *и*. Что касается неударяемаго *ѣ*, то надо различать здѣсь нѣсколько положеній: *ѣ* въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ раздѣляетъ судьбу звука *е*, какъ мы сказали выше, при обзорѣ аканья; *ѣ* въ положеніи непосредственно послѣ ударяемаго слога звучитъ или какъ *я*, раздѣляя также судьбу поударнаго *е*, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: ра́з*я* (развѣ), вы́л*я*зъ (вылѣзъ), ви́д*я*лъ (видѣлъ) и др., или какъ *и*, что̀ бываетъ всегда въ томъ случаѣ, если *ѣ* есть падежная флексія. Напр. на во́л*и*, на по́л*и*, въ я́м*и*, въ авра́һ*и*, на чилавѣк*и*, въ ры́һ*и*—предл. п. ед. ч., въ до́м*и*, въ ха́тк*и*, на бры́чки, Бо́р*и* (=Борѣ), въ сѣ́н*и* (=въ сѣнѣ; сс. Перики, Бараково и др. Скоп. у.), въ убо́р*и*, въ балахо́п*и*, въ ла́фьки (=въ лавкѣ), въ пе́чьк*и*—предл. п. С. Яблоново и друг. Скоп. и друг. уѣздовъ. Въ этомъ отношеніи рязанское нарѣчіе ничѣмъ не отличается отъ московскаго, гдѣ это *ѣ* звучитъ очень близко къ *и*, почти какъ *и*. Это *ѣ*, стоящее подъ удареніемъ и непосредственно послѣ ударяемаго слога и произносимое, какъ *и*, мы видимъ уже въ рязанской письменности съ XV-го вѣка. Такъ, въ Грамотѣ 1496 года (Собр. госуд. грам. и догов. I. N 127) читаемъ „въ разбо́*и*“ вм. „въ разбо́*ѣ*“. „Не́ч*и*мъ“ вм. „нечѣмъ“ въ Записи Алексѣя Иванова стольнику М. Волынскому объ уступкѣ ему помѣстья ряз. уѣзда — 1683 года (Ркп. N 126. Рязанскаго Архива. Во фразѣ: „заплатить стало пе́ч*и*мъ“). То же самое въ ркп. N 127 (Ряз. Архивъ). „Понево́л*и*“ вм. „поневолѣ“ — Архивъ Солотчинскаго монастыря (Труды Рязан. Архивной Коммиссіи. Т. 3. N 3. 1685 года).

произношенія *ѣ*, какъ *и*, въ свр. нарѣчіи. Напр., „Они стали *йи́сть* калачиковъ крупивчетыхъ“. Былина о Дюкѣ. Столб. 778. Ср. 779. Или: „При *собі́* да не случилось-то доспѣховъ крѣпкіихъ“. Был. объ Ильѣ. Столб. 455. Ср. 456 и мн. др.

Звукъ *ѣ*, стоящій подъ ударепіемъ и произносящійся, какъ *и*, мы видимъ въ словахъ: со вс*и*мъ, вс*и*мъ т*и*мъ людямъ, н*и*которыя — Пискаревъ, Акты и Грам. Рязанскаго края, NN 5, 6, 7. Наконецъ, *ѣ* подъ удареніемъ звучитъ въ рязанскомъ нарѣчіи въ нѣсколькихъ словахъ тоже какъ *я*, какъ будто бы это было *ѣ* въ предударномъ слогѣ: пасля́, акрамя́, вазля́ (но и во́зля). Это „пасля́" мы находимъ въ ряз. письменности уже въ XVII-мъ вѣкѣ: въ одномъ духовномъ завѣщаніи служилаго касимовскаго татарина 1676 года (Ркп. Ряз. Архива. N 113) мы читаемъ: „посл*я* своего живота". Нѣсколько ниже: „А жив*а*товъ моихъ посл*я* моего живота т*а*му моему сыну". (Относительно этого *а* (я), которое „неясно по образованію", см. Лекціи Соболевскаго, стр. 66). Можетъ быть, въ приведенныхъ словахъ пасля́, вазля́, акрамя́ произошла только перестановка ударенія, — явленіе, довольно часто замѣчаемое въ рязанскомъ нарѣчіи, какъ мы отчасти видѣли выше и какъ увидимъ въ отдѣлѣ лексикологіи; вѣроятно, посредствующими формами были: по́сля, во́зля (см. выше) и акро́мя съ звукомъ *я* на основаніи рязанскаго аканья; затѣмъ, вѣроятно, наблюдалось параллельное существованіе формъ по́сля и пасля́, акро́мя и акрамя́, какъ еще и до сихъ поръ наблюдается параллельное существованіе произношенія во́зля и вазля́. Такимъ образомъ, въ акающихъ говорахъ это *а* (я), вѣроятно, фонетическаго образованія. Вообще же, что касается той особенности звука *ѣ*, которая наблюдается въ рязанскомъ нарѣчіи, какъ въ строго акающемъ, т. е. что *ѣ* вполнѣ раздѣляетъ судьбу звука *е*, то въ произношеніи *ѣ* какъ *я* не слѣдуетъ видѣть древнее явленіе, такъ какъ *е* тоже равно *я*. Если когда-нибудь *ѣ* и произносилось, напр., въ словахъ гнѣдой, сѣдой, слѣпой, нѣмой отлично, особо отъ звука *е*, напр., въ словахъ ведро, тепло, мело, у него и проч., то изъ рязанскаго говора во всякомъ случаѣ видно, что особое произношеніе звука *ѣ* принадлежало эпохѣ общевеликорусскаго языка и не сохранилось уже до эпохи образованія акающихъ говоровъ великорусскаго языка, когда *ѣ*, слившись съ звукомъ *е* въ произношеніи,

приняло на себя и особенности звука *е* въ акающихъ говорахъ. Такимъ образомъ, надо думать, что *ѣ* стало раздѣлять судьбу *е* въ акающихъ говорахъ еще до того времени, когда въ самомъ аканьи наблюдались оттѣнки, и когда появились говоры съ полнымъ аканьемъ и съ умѣреннымъ, т. е. раньше XIV вѣка значительно. Московское аканье совсѣмъ иное, чѣмъ рязанское, и московское *ѣ* особое: оно приближается къ звуку *и* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рязанское звучитъ ясно, какъ *я*. Мы жалѣемъ, что намъ удалось слышать немного примѣровъ произношенія *ѣ*, какъ *и*, подъ удареніемъ; но мы увѣрены, что такихъ примѣровъ больше и нѣтъ, кромѣ приведенныхъ выше, такъ что эти примѣры не даютъ намъ права дѣлать заключеніе о млр. или свр. вліяніи, хотя и то и другое вліяніе несомнѣнно было, какъ увидимъ на другихъ фонетическихъ особенностяхъ рязанскаго нарѣчія, и произношеніе звука *ѣ* ударяемаго, какъ *и*, подтвердило бы историческія данныя относительно состава населенія рязанскаго края въ былое время.

Звукъ ы вмѣсто и и наоборотъ. Какъ мы видѣли изъ характеристики особенностей рязанскаго нарѣчія, сдѣланной Далемъ (см. стр. 2), настоящая особенность упомянута только вскользь, и то указано только, что *ы* ставится иногда вмѣсто звука *и*, между тѣмъ какъ наблюдается и обратное явленіе, т. е. постановка звука *и* вмѣсто звука *ы*, и это въ очень многихъ словахъ. Этими двумя пунктами (аканье и звуки *ѣ*, *е* и *ы*) и исчерпываются наблюденія Даля въ области вокализма рязанскаго нарѣчія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности есть еще много особенностей общихъ и частныхъ въ произношеніи гласныхъ звуковъ въ рязанскомъ нарѣчіи, а потому послѣ разбора звука *и* и его замѣнъ мы перейдемъ къ другимъ явленіямъ вокализма и дополнимъ перечень Даля, а затѣмъ, исходя изъ нынѣшняго рязанскаго нарѣчія, будемъ дѣлать характеристику его согласныхъ звуковъ, начавъ съ наиболѣе типичныхъ произношеній.

Звукъ *и* ясно слышится въ словахъ: *дирá*, *ди́рька*

(с. Яблоново, Скоп. у.), *ви*сако́, *ви*со́кай (и ви́сака), ср. степ. ви́шай (и ви́шей) — с. Кремлево, Скоп. у. и друг., праст*и*на́, прасти́нка, праст*и*ну́—вин. ед. С. Яблон. Скоп. уѣзда. Кромѣ этихъ словъ, сюда же слѣдуетъ отнести произношеніе звука *и* въ падежныхъ флексіяхъ вмѣсто обыкновеннаго и литературнаго *ы*. Такъ, мы постоянно слышимъ древнее окончаніе въ именит. падежѣ множ. числа именъ прилагательныхъ: напр., мы рад*и*, баҺат*и*, винава́т*и*, Һаладн*и* (с. Кельцы) и Һо́ладн*и*, сы́т*и*, кви́т*и* и проч. Трудно допустить, чтобы это были рѣдкіе остатки старины, и болѣе вѣроятнымъ является предположеніе объ образованіи этихъ формъ по аналогіи съ именами прилагательными мягкаго склоненія, т. е. съ небнымъ согласнымъ въ основѣ, какъ „сини“, или по аналогіи съ „до́роги“, гдѣ конечное *и* очень давняго происхожденія, эпохи непосредственной смягчаемости задне-небныхъ звуковъ, т. е., иначе говоря, той эпохи, когда произошла утрата стараго свойства задне-небныхъ согласныхъ, утрата ихъ твердости. Рядомъ съ вышеприведенными случаями произношенія *и* мы однако имѣемъ: де́шавы, бу́дьтя до́бры и проч. Наконецъ, такое произношеніе, какъ: во́зля па́п*и*, у ма́м*и*, атъ ла́мьп*и*, у Матрён*и*, у Анн*и* Ликса́ндровн*и*, у Ма́рьф*и*, атъ Катири́н*и*, у Мико́л*и* (у церкви св. Николая) и проч. при сравненіи съ слѣдующими словами: у стянѣ́, у вадѣ́, атъ жанѣ́, у сястрѣ́ и проч., обнаруживаетъ звукъ *ѣ*, равный въ произношеніи звуку *и* въ поударномъ слогѣ, въ падежной флексіи. Очевидно, что это явленіе морфологическое. Здѣсь произошло смѣшеніе падежей (ср. также атъ зямлѣ́), и оно произошло сперва въ такихъ основахъ, гдѣ родит. и дат. падежи ед. числа имѣли *одно* падежное окончаніе: напр., да но́чи и къ но́чи; да ко́сти и къ ко́сти; у ло́шади и къ ло́шади; у две́ри и къ две́ри; „для такой хво́ри“ и „къ такой хво́ри“ и проч. Такимъ образомъ, мы возвратимся къ этому вопросу въ отдѣлѣ морфологіи рязанскаго нарѣчія.

Есть также много словъ въ рязанскомъ нарѣчіи, которыя произносятся съ звукомъ *ы* вмѣсто обыкновеннаго

и литературнаго *и*. Напр., вы́шня, въ́ішнёвай, это слово произносится такъ во всѣхъ уѣздахъ и мѣстностяхъ Ряз. губеніи,—ры́һа вм. рига (амбаръ для ссыпки хлѣба), бры́чькя, стры́чь, стры́һла, стры́жуть — 3. л. множ. ч. наст. вр. (=стригу́тъ; с. Кре́млево Скоп. у.), скры́пъ, скры́пи́ть — 3 ед. (с. Мишино Мих. уѣзда), Тры́фонъ—ibid. Мих. у., кры́къ [1]) (но и кри́къ) и нѣкр. другія. Замѣчательно, что слово ви́со́кай, ви́сако́ произносится съ звукомъ *и*, а вы́шня, въ́ішнёвай — съ звукомъ *ы* [2]). Эта замѣна звука *и* звукомъ *ы* и наоборотъ сказалась въ рязанскомъ говорѣ гораздо раньше XVI—XVII вѣка, а въ это время проникла уже въ рязанскую письменность. Такъ, мы имѣемъ написанія: „това́ры́щи“—въ Записи кн. Болуша Салтанглычева объ раздѣлѣ имѣнія Касим. уѣзда Борисоглѣбскаго стана между служилымъ татариномъ — 1594 года (Ркп. Ряз. Архива N 10). „Остры́чь“—читаемъ въ одной отпискѣ стряпчаго къ преосвященному — 1654 года (Ряз. Достопамятности. Труды Ряз. Ученой Арх. Ком. Т. IV. Стр. 71). „Палты́на“—въ Рядной Записи резанца Василія Иванова сына Тверитинова, сговорившаго дочь свою, дѣвицу Пологѣю, за резанца Андрея Дмитріева сына Аргамакова—1690 го́да (Ркп. Ряз. Архива. N 147). Въ этой же Записи имѣемъ случай произношенія *ы* какъ *и* въ словѣ „ви́шей“—ср. степ. вмѣсто „выше“: „На тотъ ви́шей писоной срокъ“. Это слово произносится и теперь такъ. (См. Морфологію. Образованіе сравн. степени).

Въ нѣкоторыхъ словахъ звукъ *и* слышится вмѣсто

---

[1]) Въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ: Ерахтурѣ, Нармушеди, Кузёмкинѣ, по сообщенію мѣстнаго жителя, свящ. о. Гавріила Соколова, слово „крикъ“ и другія производныя отъ этого корня выговариваются чрезъ *ы*: кры́къ и проч.

[2]) Въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ Тумскомъ краю (въ деревняхъ близъ селенія Тума), по свидѣтельству мѣстнаго уроженца, А. И. Смирнова, слово „опричь“ произносится „апри́шъ“ и „апры́шъ“. А въ Скопинскомъ уѣздѣ мы постоянно слышали: „въ-своя́съі“ вм. „во-своя́си“. Слово „въ своя си“ извѣстно уже въ Мстиславовомъ Ев. XII в. и въ Лавр. лѣтописи.

звука *у*, напр., въ словѣ „вы́с*и*нулъ“ (с. Яблоново, Щелево. Скоп. у.); вмѣсто звука *о* (а) въ словахъ: „*я́бли*ня“—сс. Ижевское, Спасское и др. Спасскаго уѣзда, Тумскій край Касим. уѣзда: „*и*дьдяру́“, „*и*ѣуре́цъ“ (=отдеру, огурецъ)—г. Ряжскъ и нѣкр. села Ряжскаго уѣзда; вмѣсто звука *а*: п*и*ренёкъ (паренёкъ) — сс. Городецъ, Гавриловское, Горицы, Киструсъ, Деревенское, Стариково и др. Спасскаго уѣзда (ср. пъгрянёкъ — Касим. у. близъ Тумы), п*и*нафи́да=панихида—с. Церики, Бараково Скоп. у. Слово „завтра“ звучитъ всегда „за́втр*и*“ (с. Яблоново Скоп. уѣзда), откуда и „за́втр*и*кать“, но въ Тумскомъ краю Касимовск. у. слышится „за́тр*я*“ съ *я* на концѣ и безъ *в* въ серединѣ. (См. ниже, статью „Выпаденіе *в*“). Вмѣсто звука *е* въ словѣ, напр., драв*и́*цъ вмѣсто дрове́цъ — род. пад. множ. числа—повсемѣстно; „д*и́*верь“ (чаще „д*и́*вирь“) —почти повсемѣстно; слышано въ Михайлов. уѣздѣ (сс. Ижеславль, Николаевка), въ Зарайскомъ уѣздѣ (сс. Вакино, Булыгино, Ловцы, Щурово (здѣсь—„д*и́*вирь“ исключительно), дер. Россохты, Алпатьево, Карино, Старолѣтово, В. Бѣлоомутъ, Макѣево, Подлѣсная слобода, Карманово, с. Николы-Кобыльскаго). Что касается безударнаго звука *е*, то онъ произносится, во многихъ словахъ, какъ *и*, о чемъ мы говорили при обзорѣ аканья: напр., въ Зарайскомъ у.: п*и*р*и*но́съ, п*и*р*и*во́съ и др., хотя рядомъ и чаще — п*и*р*я*но́съ, п*и*р*я*во́съ и проч. Это безударное *е* во многихъ грамотахъ и актахъ или записяхъ XVII-го вѣка мы уже видимъ въ формѣ *и*, напр., *іво*=его=ево или въ именахъ прилагат. притяжательныхъ съ суф. *ев* для означенія фамилій и прозвищъ передается суф. *ев* черезъ *ів* послѣ гласнаго: межъ Ишма*і*ва, дядѣ Тока*і*ву, Супчале*і*ва, женѣ *і*во, братъ *і*во и проч. (Ркп. Ряз. Архива NN 26, 34, 111, 116, 127, 165 и др.—всѣ XVII-го вѣка). Это, очевидно, вліяніе московское, московскаго дѣлового языка, и сѣверные уѣзды Ряз. губерніи вообще болѣе восприняли московскихъ особенностей въ языкѣ, чѣмъ южные, какъ объ этомъ можно судить по образцамъ теперешней рязанской рѣчи.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы видимъ звукъ *и* неударяемый (кромѣ слова „дравйцъ“ и „дйверь“), гдѣ бы мы ожидали скорѣе звука *а* въ силу аканья. Перехода звука *у* въ *и* въ словѣ „вы́синулъ“, „вы́сипи“ мы объяснить не можемъ. Быть можетъ, этотъ звукъ *и* здѣсь вызванъ предыдущимъ слогомъ съ *ъі*. Наоборотъ, ударяемый звукъ *е* стоитъ во многихъ словахъ вмѣсто ударяемаго *и*: такъ, мы постоянно слышимъ квартéра (фатéра, хватера. См. звукъ *ф*), далѣе — Кéявъ или Кéивъ — с. Корневое (Скоп. у.), каврéшка (вм. коврѝжка—с. Яблон. Скоп. у.).

Такіе переходы *е* въ *и* и *и* въ *е* сдѣлались обыкновеннымъ явленіемъ въ русскомъ языкѣ вслѣдствіе звукового тождества звуковъ *е* и *ѣ*, которое могло издавна въ извѣстныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка переходить въ *и* и произноситься какъ *и* (см. Соболевскій. Лекціи. Стр. 73). Мы выше замѣтили, что произношеніе звука *ѣ* какъ *и*, какъ звуковое явленіе, извѣстно было всему русскому языку, и слѣды этой звуковой черты общерусскаго языка живутъ въ теперешнемъ русскомъ языкѣ почти во всѣхъ его нарѣчіяхъ. (Ср. Срезневскаго. Мысли объ ист. р. яз. СПб. 1887. Стр. 37 и 44. Въ I-мъ изд. 1849 года—стр. 113).

Наконецъ, въ словѣ „машинѝстъ“ въ рязанскомъ нарѣчіи мы обыкновенно слышимъ звукъ *а* вмѣсто звука *и*, стоящаго послѣ *ш* въ этомъ словѣ; такимъ образомъ, говорятъ „маш*а*нѝстъ“, что̀ произошло, вѣроятно, подъ вліяніемъ отвердѣнія звука *ш*, послѣ котораго слышится обыкновенно *ъі* вмѣсто *и*, а неударяемое *ъі* въ акающемъ нарѣчіи иногда смѣшивалось съ неударяемымъ *а* изъ *о*.

Звукъ у *вмѣсто другихъ звуковъ и его замѣны.* Звукъ *у* является и вмѣсто ударяемаго гласнаго, когда и само *у* продолжаетъ носить на себѣ удареніе, и вмѣсто неударяемаго. Иногда звукъ *у* коренной јотуется и переходитъ въ *ю*; это же бываетъ и со всякимъ *у*, стоящимъ послѣ мягкой или небной гласной, особенно если *у*—предлогъ и стоитъ послѣ слова, оканчивающагося на мягкую гласную; въ пѣсняхъ, собранныхъ нами, мы замѣчаемъ

это явленіе постоянно. (См. Приложеніе. Пѣсни. Также — статью: Отдѣльныя явленія въ области гласныхъ. Ниже).

Звукъ *ю* вмѣсто *у* слышится повсемѣстно въ корнѣ *студ*, въ словѣ „стю́ди^еньˮ, но „асту́даˮ, „засту́жанъˮ. Здѣсь очевидно вліяніе слѣдующаго мягкаго слога на гласный твердый предшествующаго слога. Проф. Соболевскій (Лекціи. 96) въ числѣ прочихъ примѣровъ отвердѣнія и смягченія согласныхъ звуковъ подъ вліяніемъ слѣдующаго гласнаго приводитъ и этотъ примѣръ, замѣчая справедливо, что происхожденіе этого звукового явленія неясно. Изъ Новгородской Кормчей 1282 г. приведено здѣсь слово „стюденоˮ (ib. стр. 96); такъ точно говорятъ и теперь въ Рязанской губерніи, и мы слышали слово „ст*ю*д*я*но́ˮ въ с. Мишинѣ Михайлов. уѣзда. Это *ю* вмѣсто *у* мы видимъ въ предлогѣ при означенномъ выше положеніи: „И *ю* һо́ринки, *ю* наво́йˮ (Пѣсня. С. Яблоново, Скоп. у.). „И *ю* вдо́вушкиˮ (Пѣсня. С. Зврево, Данковск. у. См. Приложенія).

Ударяемое *у* вмѣсто *о* мы видимъ въ словахъ: һикану́ръ (=Никано́ръ) — с. Мишино Михайлов. уѣзда („Jікано́ръˮ — мы слышали въ Скопин. уѣздѣ. Очевидно, здѣсь һ=j, а j, какъ и *н*, напр. въ словѣ „*я*во́ˮ и „у *ня*во́ˮ, понятъ, какъ приставной звукъ, не принадлежащій слову „Никано́ръˮ). Также карт*у́*шки вм. карто́шки — с. Мишино ibid. Неударяемое *у* вмѣсто *о* слышимъ въ словахъ: до́хт*у*рь — повсемѣстно, к*у*раһо́ды вм. хороводы (иногда караво́дъ, но чаще караһо́дъ или кураһо́дъ) [1]) и въ словѣ м*у*зе́ль=мозоль; имен. множ. числа — м*у*зли́ — жен. рода. (Деревня Свистовка, Перики, Бараково, Яблоново, Вослябово, Гремячка и др. Скопинск. уѣзда).

Затѣмъ звукомъ *у* замѣняется звукъ *ѣ* въ суффиксѣ

---

[1]) О словѣ „караһо́дъˮ см. догадку проф. Р. Ѳ. Брандта въ Дополн. Зам. къ разбору Этимологич. словаря Миклошича. В. 1891. Стр. 71. s. v. „хоръˮ. Въ блр. нарѣчіи извѣстны слова: „караһо́дзицьˮ, „караһо́дъˮ, какъ и въ рязанскомъ нарѣчіи.

именъ существительныхъ ср. рода—*ышко:* вёдрушка, сóлнушка и проч., какъ и въ московскомъ нарѣчіи, а также въ словѣ „лáндушъ“ вмѣсто „лáндышъ“. Наконецъ, скажемъ о винительномъ падежѣ именъ прилагательныхъ женскаго рода, который обыкновенно въ произношеніи звучитъ съ окончаніемъ *уя* вмѣсто *ую* въ твердомъ склоненіи. Напр., ћлухýя = глухую, такýя = такую, любýя = любую, друћýя = другую (вмѣсто котораго, впрочемъ, чаще говорится инýя = иную, т. е. „иной“ вм. „другой“). Конечно, не всегда удавалось намъ уловить это произношеніе: иногда послѣдній звукъ *я* произносился довольно неясно, но въ приведенныхъ словахъ мы ясно слышали это *я*, при чемъ предыдущее *у* въ этомъ случаѣ особенно протягивалось въ этомъ произношеніи, какъ-бы равняясь, по крайней мѣрѣ, двумъ *у*: любýуя и проч. Вотъ еще примѣры, записанные со словъ говорившихъ со мной крестьянокъ: „въ Карнявýя“ (въ село Корневое), „сядить въ бочькю пустýя да й арéть, кричи́ть“ — с. Яблоново, Скоп. у.

Наконецъ, въ одномъ словѣ повсемѣстно въ Рязанск. губерніи звукъ *у* переходитъ въ звукъ *в*: это, именно, въ словѣ *в*дáрить вм. ударить, котораго просторѣчіе совсѣмъ здѣсь не знаетъ. Что же касается обратнаго перехода звука *в* въ *у*, то это явленіе не повсемѣстное, и потому мы будемъ о немъ говорить въ отдѣлѣ „Частныхъ признаковъ рязанскаго нарѣчія“, ниже.

Звукъ ы *вмѣсто другихъ звуковъ и его замѣны.* Звукъ *ы* мы прежде всего замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ корняхъ вмѣсто *о* съ удареніемъ и безъ ударенія. Такъ, постоянно слышимъ „мы́рда“ вмѣсто „мóрда“ въ различныхъ селахъ и деревняхъ Скопинскаго, Спасскаго, Михайловскаго, Касимовскаго, Пронскаго и др. уѣздовъ; также — тырчáть вм. торчáть—с. Яблоново. Скопин. у. Далѣе, въ словахъ: нáдыть вм. надоть, часто въ представкѣ *по*: пыманéнькю=помаленьку—с. Быково, Ряжск. у., и всегда въ томъ случаѣ, если представка „по“ соединяется съ глаго-

ломъ, начинающимся звукомъ *г*: пъ*г*h*е*ралъ, пъ*г*h*е*рай (=попѣлъ, пропо́й, спо́й), пъ*г*ма́лъ и друг.—повсемѣстно.

Затѣмъ *ъ* стоитъ подъ удареніемъ вмѣсто ударяемаго *у* въ словѣ „бы́тта" вм. „бу́дто" — Тумскій край, Касимов. уѣзда. Что же касается до замѣнъ звука *ъ*, то прежде всего въ рязанскомъ нарѣчіи наблюдается общевеликорусское явленіе перехода *ъ* въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ твердаго склоненія въ именит. падежѣ муж. р. ед. числа въ *а*: кра́сн*ай*, таба́шн*ай*, пя мы́т*ай*, аhуре́шн*ай*, атла́сн*ай*, аhрама́тн*ай* (=громадный, с. Бараково Скоп. у.) и проч. Это безударное *ъ* и въ именит. падежѣ множ. числа слышится очень часто, какъ *а*: „у нихъ сѣ*раjи* хвасты́" (Колыб. пѣсня; с. Яблон. Скоп. у.). Соотвѣтственно этому звукъ *и* въ прилагательныхъ мягкаго склоненія въ тѣхъ-же случаяхъ переходитъ въ *я* ('а): си́н*яй*—им. ед. числа муж. рода, „ма́ханьк*яй*", „ма́синьк*яй*"—дер. Свистовка, Ско́п. уѣзда. Наоборотъ, въ предложномъ падежѣ именъ прилагат. вмѣсто *омъ* часто слышимъ *ымъ*; напр., „въ бѣл*ымъ* балахони", „на пашто́в*ымъ* на дварѣ" (Пѣсня. Касим. уѣздъ, Тумскій край). Въ одномъ словѣ мы замѣтили произношеніе ударяемаго *о* вмѣсто ударяемаго *ъ*: „растапо́рилъ" — вездѣ вмѣсто „растопы́рилъ". Наконецъ, въ Тумскомъ же краю, въ Касимовскомъ уѣздѣ слышится часто звукъ *а* вмѣсто безударнаго *ъ*, напр., въ такихъ словахъ, какъ „Б*а*цко́скай" вм. „Бычко́вскій" отъ названія деревни „Бычко́во", „Бычки́". Что же касается частицы *бы*, то она произносится часто съ звукомъ тоже *а* вмѣсто *ъ*, т. е. — *ба*; напр., пашо́лъ-ба, взя́лъ-ба, ты́-ба и проч., но одинаково часто слышимъ мы и *бы*, а не—*ба*. (См. Потебни. О звуков. особен. р. нар. Ф. З. 1865. Вып. I. Стр. 59).

Вставка гласнаго звука въ серединѣ слова, отпаденіе и присоединеніе гласнаго звука въ началѣ слова.

Вставка гласнаго звука вообще замѣчается въ серединѣ группы согласныхъ звуковъ, такъ что иногда получается типъ новой полногласной формы слова въ томъ

случаѣ, если группа согласныхъ заключала въ себѣ плавный звукъ; обыкновеннымъ вставочнымъ звукомъ является звукъ ă, т. е. краткій гласный звукъ *а*, но иногда вставочнымъ звукомъ служитъ и *е* въ зависимости отъ сосѣдняго гласнаго. Такъ, мы встрѣчаемъ въ рязанскомъ нарѣчіи чисто русскую форму „черéпай" вм. чéрпай — повел. накл. отъ гл. „чéрпать". Этотъ глаголъ въ такомъ видѣ мы имѣемъ только въ блр. нарѣчіи: черéпаць, черéпай, да развѣ еще въ формѣ млр. черéти вм. черéпти. [Вообще, въ рязанскомъ нарѣчіи замѣчается довольно много чертъ, общихъ съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ: полное аканье, произношеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, произношеніе звука *г* какъ *h*, *ч* иногда какъ *ц*, *ш* и *с*, *ф* какъ *х* и *хв*, отпаденіе личнаго окончанія въ 3 л. ед. ч. *-тъ* и особенно самое окончаніе *-тъ*, которое является чаще, чѣмъ случаи его отпаденія (см. объ этомъ въ отдѣлѣ согласныхъ и морфологіи). Все это служитъ, конечно, матеріаломъ для разслѣдованія первоначальнаго состава Рязанскаго края]. Также: жер*я*лó вмѣсто жерлó, но здѣсь вставленный звукъ не принимаетъ ударенія. Что касается вставочнаго звука ă, то онъ встрѣчается гораздо чаще. Напр., говорятъ: в*а*ладáть вм. владáть или владѣть, к*а*лачькй вм. клочкй; послѣднее слово такъ звучитъ и въ остальныхъ падежахъ: напр., калачькéвъ, калачькáмъ и проч., мал*а*ньá вм. мóлнія [1]), пóлатнай вм. плóтный — с. Вослябово, Скоп. у., раск*а*рашóны вм. раскрáшены — ibid., к*а*римѣ́шнай вм. кромѣ́шный—с. Яблоново, Скоп. у., пов*и*рядúшъ вм. повредúшь—2 л. ед. ч. (вставлено е—и), h*а*рячúха (и hрячúха)—с. Мишино, Михайл. у., ф*а*ланéль вм. фланéль и др. Сочетанія звуковъ безъ плавнаго: напр., всегда слышимъ: т*а*варóхъ вм. творóгъ, п*а*шанó (но и пшанó) вм. пшенó, п*ă*чалá (но и пчалá) вм. пчелá, х*а*варóстъ вм. хвóростъ (см. это слово въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ: Перестановка звуковъ). Сюда же отнесемъ случаи обратнаго явленія, т. е. выпаденія гласнаго звука въ серединѣ

[1]) и мóл*а*нья—с. Яблон. Скоп. у.

слова, или упрощенія звуковыхъ сочетаній посредствомъ выпадающаго въ говорѣ гласнаго звука. Такъ, напр., *пла*вйна вм. половина, за*пл*анила вм. заполонила (сказано о тучѣ, застлавшей собою солнце), *кр*авайчики вм. коровайчики (хлѣбное печеніе), *пр*асяты вм. поросята (ед. ч. „прасукъ“ = поросенокъ, слово неупотребительное въ ряз. просторѣчіи), са*рф*аны, въ са*рф*анахъ вм. въ сарафанахъ; мӑлстырь вм. монастырь (замѣна звука н—л, знакъ ˘ означаетъ очень короткій гласный между согласными. Этотъ звукъ въ произношеніи колеблется между *а* и *ѣ*). Далѣе: барш^ня, три барш^ни=три барышни. Здѣсь замѣтна, кромѣ выпаденія гласнаго, еще перестановка этого гласнаго: онъ слышится не послѣ звука *р*, а послѣ — *ш*, только очень неопредѣленно, на подобіе глухого звука. Такой же звукъ слышенъ въ словѣ „жам^чакъ“—род. мн. числа отъ имени сущ. „жамочка“, „жамка“, что означаетъ мятный кругленькій пряникъ, слѣд., вм. „жамочекъ“ [1]).

Къ случаямъ упрощенія гласныхъ сочетаній въ серединѣ слова или выпаденія одного изъ двухъ одинаковыхъ (а иногда и разныхъ) гласныхъ звуковъ относятся такія сокращенія, какъ Сярг*ѣ̄*въ вм. Сергѣевъ, гдѣ ѣ̄ означаетъ звукъ, протяженный въ говорѣ; это явленіе обыкновенно наблюдается въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ съ суффиксомъ *ев*, напр., Андрēвъ (вм. Андреевъ), Мак*ѣ̄*въ (вм. Мокѣевъ), Аликсѣво (и Аляксѣво — село) — Тумскій край Касим. у., и мѣстоименія: маво, тваво, сваво; маму, тваму, сваму или маhо, тваhо, сваhо — въ вольныхъ селахъ; также при другихъ сочетаніяхъ нѣсколькихъ гласныхъ: Линитъ вм. Леонидъ (Кас. у. ibid.), ок˘ли яво =

---

[1]) У Даля въ Словарѣ нѣтъ этого слова — „жамка“, — какъ нѣтъ и многихъ другихъ словъ ряз. нарѣчія (см. отдѣлъ Лексикологіи — ниже). Въ гнѣздѣ „жать“ у Даля находится слово „жемки“ со значеніемъ „пряники“, но это не то слово: не тотъ гласный и не то удареніе. Въ ряз. нарѣчіи это слово въ ед. числѣ звучитъ „жамка“, а во множ.—„жамьки“. Но возвести, вѣроятно, придется и рязанск. слово къ корню глагола „жать“.

около его — ibid., абмѣряшъ вм. обмѣряешь — ibid., смялѝсь = смѣя́лись ibid., трéбуть—3 л. мн. ч. вм. требуютъ—ibid., б˘ла вм. было—ibid., Бо*һав*лéніе вм. Бог*оявл*еніе—с. Яблон. Скоп. у.

Наконецъ, къ случаямъ выпаденія гласнаго звука въ серединѣ слова съ цѣлью сокращенія послѣдняго надо отнести тѣ видоизмѣненія, которымъ подвергается представка *пере-* въ сложеніи съ глаголами и въ зависимости отъ слѣдующаго за нею звукового сочетанія; вообще, представка *пере-* подвергается слѣдующимъ измѣненіямъ: если она соединяется съ глаголомъ, имѣющимъ удареніе на первомъ слогѣ, то второе *е* представки *пере-*, какъ предударное, расширяется въ *я* по общему правилу аканья, и въ семъ послѣднемъ случаѣ первое *е* представки *пере-*, какъ стоящее въ 3-мъ слогѣ отъ ударенія, звучитъ какъ *и* (это же наблюдается и въ сложеніи этой представки съ существительными, какъ было указано выше). Если же глаголъ, къ которому присоединяется *пере-*, имѣетъ удареніе на 2-мъ слогѣ, то второе *е* представки *пере-*, большею частью, выпадаетъ, а согласный звукъ *р*, стоявшій передъ этимъ *е*, твердѣетъ или умягчается, смотря по качеству перваго безударнаго слога въ присоединяемомъ глаголѣ: если этотъ слогъ мягкій, то онъ вліяетъ на предыдущій *р*, и *р* становится также мягкимъ и наоборотъ. Само собой разумѣется, что первое *е* представки *пере-*, независимо отъ качества перваго безударнаго слога въ глаголѣ, переходитъ въ *и*, какъ находящееся въ 3-мъ слогѣ отъ ударенія. Примѣры: п*ирявó*зють, п*иря́*хать; п*иръ*яжжáй — пов. накл. = переѣзжай, п*иръ*вярнýласъ—прош. вр., *пир*˘купѝли—3 л. множ. ч. прош. вр., *пир*˘хадѝть — неопр. н., *пир*˘мутѝласъ—3 л. ед. ч. прош. вр. ж. р., *пир*˘кусáли—3 л. мн. ч. прош. вр. — повсемѣстно въ Рязанской губерніи. Затѣмъ — глаголъ „вы́тре"ть" вм. „вы́тереть" черезъ формы: вы́три, вы́тру и проч. Звукъ *е* опять въ закрытомъ слогѣ съ мягкой согласной.

Теперь переходимъ къ случаямъ присоединенія и отпаденія гласнаго звука въ началѣ слова. Случаи присоединенія

гласнаго звука въ началѣ слова замѣчаются обыкновенно тогда, когда слово начинается группою согласныхъ звуковъ: напр., *а*вчяра́, *а*вчяра́сь, *а*ржано́й, *а*вдава́я (= вдова, прилагат. вдовая; это слово удержалось съ древнѣйшимъ своимъ значеніемъ имени прилагательнаго вмѣсто нашего употребительнаго имени существительнаго *вдова*, которое также употреблялось, какъ прилагательное, но съ теченіемъ времени стало употребляться, какъ существительное. Слово „авдава́я" въ рязанскомъ просторѣчіи употребляется безъ имени существительнаго, въ значеніи нашего слова „вдова́", и произошло, быть можетъ, не безъ вліянія глагола „овдовѣть", такъ что „авдава́я" = какъ бы ставшая вдовой, овдовѣвшая. См. Miklosich. Lex. s. v. вьдова. О словахъ: „аржаной" и проч. — Соболевскій. Лекціи. К. 1888. Стр. 48). Кромѣ этихъ словъ, мы слышали вездѣ: *а*льляно́й, *а*пшани́ца (с. Пу́пки, Скоп. у., с. Заболотное Данковск. у.), *а*стату́й=стату́я (с. Яблоново, д. Щелево, Скописк. у.) съ переходомъ въ мужескій родъ вмѣсто женскаго, какъ часто бываетъ въ просторѣчіи Рязанской губерніи, *А*ста́хій вм. Ста́хій — собственное имя; *а*ря^и^пе́й, *а*ряпе́йная масла; *и*ржи́ца—с. Пу́пки, Скоп. у., *а*нады́сь и нады́сь—с. Заболотное, Данк. у. Наконецъ, замѣтимъ слово „*а*лимо́нъ", образованное, вѣроятно, подъ вліяніемъ слова „апельсинъ", гдѣ стоитъ вначалѣ *а*. Слово „апельсинъ" въ Рязан. губерніи произносится въ просторѣчіи: „апи*р*ьси́нъ", т. е. съ замѣною звука *л* звукомъ *р*; звукъ *и* послѣ *п* стоитъ по правилу—въ закрытомъ слогѣ съ конечнымъ *мягкимъ* согласнымъ, гдѣ *е* не переходитъ въ *я* (см. выше. Также см. статью „Чередованіе *р* и *л*" въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ, ниже). Затѣмъ: *а*крамя́ (ср. произношеніе „каримѣшнай", выше), *а*пасля́. Въ другихъ словахъ, наоборотъ, мы видимъ отпаденіе начальнаго гласнаго звука. Это отпаденіе мы не могли однако подвести подъ какой-либо общій законъ. Такъ, постоянно мы слышимъ: мяни́ны, мяни́нникъ безъ начальнаго звука *и*, „раһа́нъ" вмѣсто „урага́нъ" безъ начальнаго звука *у* (с. Яблоново, Скоп. у.), Ляксаньдеръ, Ляксѣй и проч. безъ начальнаго

звука *а*, „придяли́ть“ вм. „опредѣли́ть“ безъ начальнаго *о* (*а*) — Тумскій край, Касим. у.

Отдѣльныя явленія въ области гласныхъ звуковъ. Подъ этой рубрикой мы помѣщаемъ такія особенности рязанскаго говора, которыя встрѣчаются хотя почти повсюду, но не могутъ быть подведены подъ общій законъ, которому бы всѣ однородныя явленія слѣдовали неуклонно, такъ что въ помѣщаемыхъ ниже словахъ встрѣчаются и отклоненія. Сюда относится *перестановка гласнаго звука*, напр., въ словахъ: сма́рдъ вм. смрадъ, тавраго́мъ вм. творого́мъ — твор. ед. ч. (с. Яблон. Скоп. у.), хо́врастъ вм. хво́ростъ, варо́на кра́кала, кра́чить — 3 л. ед. ч., „слю́ни каблуко́мъ“ вмѣсто „клобуко́мъ“ (?) или, быть можетъ, „клубуко́мъ“ (?). Сюда же относится вышеприведенное слово по другому поводу: ба́ршы^{а}ня (или ба́рш͡ня вмѣсто ба́рышня). Въ нѣкоторыхъ словахъ звукъ *е* коренной произносится, какъ *о*, переходящее въ *а*: лапо́чить—3 л. ед. ч. = лопо́четъ, лепе́четъ; лабада́ = лобода́, лебеда́. Такъ-же произносится звукъ *е* коренной въ словѣ „пеклева́нный“—пакляванный (с. Яблоново) и въ словѣ „*ка*раси́нъ“ вм. кераси́нъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ слѣдующаго слога *ра*. Въ нѣкоторыхъ словахъ начальное *э* (иностранное) звучитъ, какъ *а*: *а*кза́мянтъ (= экзаменъ) и начальное *и* въ словѣ „инженеръ“—*а*нжане́ръ (с. Малая Олѣшня, Ряжскаго у.). Затѣмъ звукъ *е* въ словѣ „де́нежки“ (неударяемый) звучитъ, какъ *ю*: де́н*ю*шки—Тумскій край, Касим. у. Въ этой же мѣстности часто слышимъ падежное окончаніе именъ существительныхъ и прилагательныхъ женскаго рода *уй* вмѣсто *ой*: за нявѣст*уй*, за канту́р*уй* (=за конто́рой), съ на́ш*уй* (=съ нашей), самау́цк*уй* (=самоучкой), падъ ёлыцк*уй*. Наконецъ очень распространено произношеніе звука ё, какъ *е* (є), хотя онъ подъ удареніемъ. (Объ этомъ звукѣ въ глаголахъ наст. времени см. отдѣлъ „Частные признаки ряз. нарѣчія“ ниже). Напр. даля́ка = далё-ко — с. Вослябово, Скоп. у. (срв. нё́бо вмѣсто нашего небо—повсемѣстно въ значеніи небеснаго свода), вяре́вка =

верёвка, кате́лъ = котёлъ — с. Петрово, Ряж. у., ни вдаме́къ, дале́ка—с. Яблоново Скоп. у. (барское село), аве́сца купить (ове́сца, ове́съ)—с. Корневое Скоп. у., зяле́най вм. зелёный — сс. Киструсъ, Деревенское, Гавриловское, Ста́риково, Го́рицы и др. Спасскаго уѣзда, на нее́ вм. на неё, у яе́ брата вм. у её (ея) брата—с. Мишино Михайлов. у. и въ Скоп. уѣздѣ тоже. Остатокъ-ли это старины въ ро́д. падежѣ (ѥѩ = еѣ), или новообразованіе? (См. Соболевскаго. Лекціи. К. 1888. Стр. 57 и 142—143). Затѣмъ: ве́сну вм. вѐсну—вин. ед. ч., ряби́нокъ вм. ребёнокъ — Тумскій край Касимов. у. и рабёнокъ — обыкновенно; точно такъ-же всегда: *та*пе́рь, *та*пе́рьчя вм. тепе́рь — повсемѣстно, гдѣ *а* можетъ быть непосредственно изъ стараго *о*, а можетъ быть вмѣсто *тяпе́рь, въ которомъ отвердѣло *т*, какъ въ *ра*бёнокъ отвердѣло *р*. Наконецъ замѣтимъ іотованіе гласнаго звука въ началѣ слова и въ серединѣ послѣ гласнаго: *ял*та́рь = олта́рь, ёнъ, яны́ (= онъ, они), о которыхъ мы говорили выше, и Симяёнъ вм. Симео́нъ, а также Сямёнъ.

Теперь переходимъ къ согласнымъ звукамъ.

Согласные звуки. Задне-небные (гортанные). Въ области согласныхъ звуковъ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе характерное произношеніе рязанскаго нарѣчія звуковъ *г* и при извѣстномъ положеніи *к*. Звукъ *г*, какъ звукъ мгновенный, или взрывной, извѣстный хорошо московскому нарѣчію, почти неизвѣстенъ рязанскому нарѣчію, въ которомъ постоянно этотъ звукъ обращается при всякомъ положеніи въ звукъ фрикативный, или спирантъ звонкій *h*, т. е. въ такой звукъ, который слышенъ въ московскомъ нарѣчіи въ словѣ „богатый", „Господь" и нѣкр. др. Этотъ звукъ мы въ предшествующихъ примѣрахъ, гдѣ это было надобно, обозначали латинскою буквою *h*, какъ будемъ дѣлать и ниже. Такимъ образомъ, рязанское нарѣчіе въ этомъ отношеніи роднится съ малорусскимъ нарѣчіемъ, какъ своимъ аканьемъ оно тѣсно примыкало къ бѣлорусскому нарѣчію. По сообщеннымъ намъ свѣдѣніямъ

изъ Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи намъ извѣстно, что тамъ встрѣчается часто и произношеніе мгновеннаго задненебнаго *г*, что весьма возможно въ виду близости сѣверныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи къ московскому нарѣчію, но сами мы вездѣ и при всякомъ положеніи слышали звукъ *h*, а если иногда и склонялся этотъ звукъ къ мгновенному *г* въ говорѣ отдѣльныхъ лицъ, то всетаки рѣшительно утверждать, что это, именно, былъ звукъ *г*, мы не беремся, такъ какъ его произношеніе всякій разъ значительно отличалось отъ московскаго звука *г*. Напротивъ того, этотъ звукъ въ произношеніи нѣкоторыхъ дѣтей, поступавшихъ въ школу изъ различныхъ деревень или селъ, а также принадлежавшихъ совсѣмъ некультурной средѣ, доходилъ до звука *j*, т. е. до звука средне-небнаго звонкаго фрикативнаго, такъ что произношеніе, напримѣръ, слоговъ *ге, ги* можно было съ трудомъ отличить отъ произношенія слоговъ *je, ju*, пока у этихъ дѣтей не вырабатывался подъ вліяніемъ школы особый звукъ *h*, общій всему рязанскому нарѣчію. Примѣровъ произношенія *h* вмѣсто *г* мы имѣемъ массу: приведемъ только нѣкоторые: рыһа, һородъ, һустай (=густой), кураһоды, чаһо (=чего— род. п., въ барскихъ селахъ и городахъ — чаво), маһо = моего (въ барскихъ селахъ — маво), самаһо = самаво (въ барскихъ селахъ), т. е. самого, никаһо, у старьшаһо, ничаһо, таһо (=того), всяһо, яһо (=его, въ барскихъ селахъ: никаво, ничаво, у старьшава, всяво, яво и проч.), каһо, перваһо, втароһа, третяһо, у няһо, кажнаһо, перваваннаһо, „не въ чеһа адѣтца". Всѣ эти слова и выраженія мы слышали въ различныхъ селахъ и деревняхъ: напр., въ с. Быковѣ Ряжск. у., въ с. Петровѣ Ряжск. у., въ с. Заболотномъ Данков. у., въ Тумскомъ краю Касим. у., въ сс. Корневомъ, Гремячкѣ, Вослѣбовѣ, Пупкахъ, Павельцѣ, въ д. Топилѣ, въ с. Городецкомъ, Кремлевѣ, въ д. Побѣдинской и Ермоловѣ Скопинскаго уѣзда. Вообще надо замѣтить, что вольныя села и деревни, не бывшія въ помѣщичьихъ рукахъ, въ числѣ прочихъ особенностей своего говора („поговорки") представляютъ намъ также и ту, что

всякое окончаніе имени прилагательнаго, числительнаго или мѣстоименія въ род. пад. ед. числа—*го* произносится, какъ *ho* на общемъ основаніи перехода мгновеннаго звука *г* въ фрикативный *h*, и никогда не замѣчается перехода этого *г* въ окончаніи род. падежа въ звукъ *в*, какъ это постоянно слышится въ барскихъ селахъ и городахъ Рязанской губерніи. У Потебни (Два изслѣдованія. Ф. З. 1865. I. 90) сказано неточно, что въ окончаніи род. падежа произносится *г* въ Олон. губерніи и изрѣдка въ Арх. Костр. и Нижегородской. Какъ-будто въ ювр. нарѣчіи такого произношенія нѣтъ, между тѣмъ какъ въ рязанскомъ нарѣчіи, именно, въ родит. падежѣ въ указанныхъ мѣстностяхъ звукъ *г* произносится какъ *h*, и поэтому его не нужно смѣшивать съ звукомъ *ǵ* свр. нарѣчія. Сравни здѣсь-же стр. 69, гдѣ тоже о рязанскомъ нарѣчіи нѣтъ ни слова. Замѣтимъ, что рязанское прозвище „яhýтки" (Касим. у. Ряз. губ.) дано народомъ, именно, для обозначенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ говорятъ „яhó" вм. „явó". Срв. *Хáланскаго.* Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ рус. языка. III. Саяны. Стр. 108. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. Вотъ другіе примѣры, гдѣ *h* стоитъ не передъ гласными звуками: hляди́, зhари́ть (=сгори́тъ), иhрáть (=пѣть, такъ какъ въ Рязанской губерніи пѣсенъ никогда не поютъ, а играютъ, почему и употребляется всегда выраженіе: „иhрать пѣсни", „пыhрáемъ пѣсни" и проч., „поютъ" только въ церквахъ, а потому и пѣсни, какъ „иhра",—дѣло грѣшное, не разрѣшаемое ни во время постовъ, ни во время церковныхъ службъ, ни утромъ до обѣдни и проч.), hрями́ть — 3 л. мн. ч., hрýбай, наhдá (=иногда) — с. Перики, Бараково, Скоп. у., нéhдя (=нéгдѣ), hрóмъ и мн. другіе. Въ произношенія этихъ и подобныхъ словъ всѣ мѣстности согласны между собою, и особенность произношенія въ окончаніи род. падежа *-го* принадлежитъ только вольнымъ селамъ и деревнямъ, которыя послѣдовательно провели произношеніе фрикативнаго *h* и на эти формы родительнаго падежа, между тѣмъ какъ барскія села и города въ этомъ случаѣ отступили отъ обыкновеннаго произношенія фрика-

тивнаго *h*. Вообще, какъ было сказано, вольныя села и деревни типичнѣе, послѣдовательнѣе и потому архаичнѣе въ своемъ произношеніи, чѣмъ центры, затронутые цивилизаціей.

Переходъ звонкаго мгновеннаго *г* въ звонкій-же фрикативный *h* извѣстенъ русскому языку съ XII—XIII-го вѣка, и примѣры такого перехода указаны проф. Соболевскимъ въ его Лекціяхъ (Лекціи по исторіи р. яз. I-е изд. Стр. 89, II-е изд. СПб. 1891 года, стр. 112). Что касается собственно рязанской письменности, то и въ ней сохранились указанія на такой переходъ звуковъ. Такъ, мы имѣемъ, напр., въ одной Дарственной Записи 1483 года (Пискаревъ. Грамоты и Акты Ряз. края. N 5) нѣсколько разъ написанное слово „осподарь", „осподаря" безъ начальнаго *г*, которое, обратившись въ фрикативный звукъ, отпало или не изображалось на письмѣ за неимѣніемъ соотвѣтственной буквы. Что же касается произношенія звука *г* какъ *в* въ окончаніи родительнаго падежа *-го*, то этотъ переходъ, вѣроятно, произошелъ не непосредственно, а чрезъ формы такія, какія указаны нами выше, т. е. со звукомъ *h*, и сохранились въ рязанскомъ нарѣчіи въ мѣстахъ, наименѣе поддавшихся вліянію культуры общелитературнаго языка. На этомъ основаніи слово „караһодъ" или „кураһодъ", повсемѣстно употребляемое въ рязанскомъ нарѣчіи и, можно сказать, единственно извѣстное простому народу, должно быть признано древнимъ словомъ, а слово „хороводъ", быть можетъ, явилось изъ желанія осмыслить это слово и связать его по смыслу съ словомъ „водить", тѣмъ болѣе, что и первая часть этого слова „хоръ" указываетъ на литературное или книжное происхожденіе. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ перехода звука *г* въ звукъ *в* при посредствѣ звука *h*, и изъ формъ съ звукомъ *в* вмѣсто *г* мы можемъ заключать, что русскому языку былъ извѣстенъ издавна и звукъ *h*, остатки котораго сохранились въ московскомъ нарѣчіи, а въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и рязанскомъ звукъ *h* не есть остатокъ, а господствующій въ живой рѣчи. На этотъ же звукъ ука-

зываютъ и такія сокращенія, какъ: „баславлѣють“ = благословляютъ (Касим. уѣздъ) или „да зáнньи да асéньскаhо“ = до заговѣнья до осенняго (Тумскій край Касим. уѣзда) и т. п. Но, какъ сказано выше, есть мѣстности и такія, гдѣ въ родит. падежѣ переходъ звука *г* въ *h* неизвѣстенъ; такъ, во всѣхъ уѣздахъ въ барскихъ селахъ и городахъ говорятъ всегда: каво, чаво, у няво и проч., а не каhó, чаhó, яhó и проч. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ Михайловскомъ уѣздѣ и нѣкоторыхъ частяхъ Спасскаго, будто-бы, во всякомъ положеніи, кромѣ окончанія родительнаго падежа, гдѣ *г* переходитъ въ *в*, звукъ *г* произносится, какъ московское *г*, т. е. составляетъ мгновенный звонкій *г*, но мы сами ни разу не слыхали этого звука въ Рязанской губерніи (смотри выше о Зарайскомъ уѣздѣ). Что же касается слова „кураhодъ“, то и въ названныхъ уѣздахъ и мѣстахъ это слово имѣетъ фрикативный *h*, а не мгновенный *г*. Въ виду естественности перехода звука *г* въ *в* при посредствѣ звука *h* и распространенности его въ окончаніяхъ род. падежа на *-го* можно допустить и вліяніе такого перехода и формъ съ звукомъ *в* вм. *h* на формы, гдѣ бы должно стоять *в*, которое однако въ силу указанныхъ обстоятельствъ переходитъ въ *h* и слышится такъ въ произношеніи. Особенно эта взаимная мѣна распространена въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда, гдѣ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, говорятъ: *h* Маскву́ вм. въ Москву, *h* Му́рамъ вм. въ Муромъ, *h*мѣстѣ вм. вмѣстѣ, *h*доль вм. вдоль, *h*верхъ вм. вверхъ, *h*мисаѣдъ вм. въ мясоѣдъ, *h* вядро́ вм. въ ведро, ни *h*вяди́ вм. не введи и др. Точно такъ-же: *х* Касимовъ вм. въ Касимовъ, *х* сабо́ри вм. въ соборѣ; *х* цатвергъ вм. въ четвергъ; въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ, кромѣ замѣны звука *в* звукомъ *h*, участвуетъ еще ассимиляція, такъ какъ звонкому звуку *h* приходится стоять въ положеніи предъ глухими: *к*, *с* и *ц*. Случаи ассимиляціи согласныхъ въ рязанскомъ нарѣчіи одинаковы вообще съ прочими великорусскими нарѣчіями, а объ ассимиляціи звука *к* мы скажемъ нѣсколько ниже по

поводу нѣкоторыхъ особенностей въ произношеніи этого звука въ рязанскомъ нарѣчіи.

Замѣтимъ теперь *переходъ звука* г *въ* д въ рязанскомъ нарѣчіи въ словахъ, напримѣръ, а́ньдяᵉлъ (=ангелъ), гдѣ *н* мягкое подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога, а гласный звукъ послѣ *д* колеблется въ произношеніи между *я* и *е*, далѣе: Евде́нья (=Евгенія) и Венде́ры вм. Венгеры; послѣднее слово въ произношеніи въ с. Яблоновѣ мы слышали такъ: Вяᵉнде́ры, какъ и слѣдуетъ быть, а въ с. Зыковѣ Раненбургскаго уѣзда намъ слышалось твердое *н*: Венде́ры, и твердое *в*—Евде́нья.

Теперь переходимъ къ звуку *к*. Этотъ звукъ, какъ и звукъ *г*=*h*, служитъ характернымъ и общимъ признакомъ рязанскаго нарѣчія. Мы подмѣтили слѣдующую особенность въ произношеніи этого звука: если звукъ *к* стоитъ непосредственно послѣ закрытаго слога, оканчивающагося мягкимъ согласнымъ или неслоговымъ звукомъ *и*, т. е. *й* послѣ гласнаго, то звукъ *к* дѣлается самъ мягкимъ. Въ этомъ явленіи нельзя, по нашему мнѣнію, не усматривать вліянія предыдущаго мягкаго слога на послѣдующій. Надо замѣтить, что случаи вліянія мягкости предыдущаго согласнаго на послѣдующій вообще гораздо рѣже встрѣчаются, чѣмъ случаи обратнаго вліянія въ русскомъ языкѣ, но въ данной особенности рязанскаго нарѣчія, повидимому, единственная причина мягкости звука *к* лежитъ, именно, въ предшествующемъ согласномъ звукѣ, какъ показываетъ цѣлый рядъ примѣровъ, приводимыхъ ниже. Случаи такого вліянія, впрочемъ, извѣстны русскому языку съ XIV-го вѣка, какъ указалъ проф. Соболевскій (Лекціи. 2-е изд., стр. 107—108). Въ частности по отношенію къ звуку *к* особенность рязанскаго нарѣчія раздѣляется и нарѣчіемъ южной части Курской губерніи и сѣверной части Харьковской губерніи, какъ показываетъ собраніе пѣсенъ, напечатанныхъ Халанскимъ („Образцы народнаго говора южной части Курской и сѣверной — Харьковской губерніи“. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. 1882 г.). Здѣсь находимъ:

тро́йкю—N 3. То́лькя—NN 4, 5, 6. Вясё́линькяй—N 7. Зялё́нинькяй—ib. Но́жинькю—N 8. Но́жинькяхъ—ib. Ви́шинькя, Ви́шинькю́, Ви́шинькяй—N 8. Ми́линькяй, Нигадя́йкя—N 11. Го́рькя—N 31 и мн. др. Надо замѣтить, что, судя по изданнымъ пѣснямъ, нарѣчіе Курской и Харьковской губерніи всетаки сравнительно не строго выдерживаетъ эту особенность, если предполагать безусловную вѣрность записи и изданія пѣсенъ. Въ Рязанской губерніи нѣтъ простолюдина или даже горожанина—мѣщанина, въ особенности если онъ неграмотный, у котораго не прорвалась-бы эта коренная особенность говора. Вообще, къ рязанскому нарѣчію во всѣхъ отношеніяхъ ближе всего стоитъ нарѣчіе южной части Курской губерніи и сѣверной части Харьковской. Эта близость замѣтна и въ строгомъ полномъ аканьѣ, и въ произношеніи мягкаго *к*, и въ глагольныхъ формахъ съ окончаніемъ 3-го лица *тъ* или вовсе безъ личнаго окончанія, и въ произношеніи звука *щ*=*шш*, и въ замѣнѣ нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ и гласныхъ звуковъ, и въ отсутствіи средняго рода. Подобное произношеніе звука *к* извѣстно и въ Ярославской губерніи въ Пошехонск. уѣздѣ, какъ видно изъ статьи г. Тихвинскаго о нарѣчіи Ярославской губерніи (Р. Ф. В. 1890. N 3. Стр. 54). Такимъ образомъ, вліяніе мягкости предыдущаго согласнаго или слога на послѣдующій извѣстно не только малорусскому и сѣверно-великорусскому нарѣчію, но и южно-великорусскому. (Срв. Соболевскаго. Ук. Соч. l. c.).

Приводимъ примѣры, чтобы читатель могъ судить о причинахъ мягкости произношенія звука *к* въ рязанскомъ нарѣчіи: хазя́й*кя*, хазя́й*кяй*—твор. п., чумі́чь*кяй*—твор. п., свѣ́чь*кю*, свѣ́чь*ками*, въ пра́ч*кяхъ*, на kань*кя́хъ*, чай*кю́*, ско́ль*кя*, то́ль*кя*, съ рѣ́ть*кяй* (съ рѣдькой), тро́й*кя*, тро́й*кяй*—твор. п., старичь*кя́*—род. ед. ч., но́винь*кяя* ла́вачь*кя*, у дьячь*кя́*, въ ачь*кя́хъ*, съ ачь*кя́ми* (=съ очками), ачь*кё́въ* (ачькё́фъ=очковъ), ба́ть*кя*, пису́ль*кя* (=письмо), ко́шычь*кя* (*е* не перешло въ *я* (*а*) потому, что находится въ закрытомъ слогѣ съ мягкой согласной въ концѣ. См.

выше), Та́нічь*кя*, Ва́сь*кя*, Ва́нь*кя*, Са́нь*кя*, Ва́рь*кя*, ма́минь*кя*, пря́ничь*кя*, ёлачь*кя*, капе́й*кя*, пятачь*кя́*, ня́нь*кя*, ђаячь*кю*—вин. п. ед. ч. отъ „гаечка", „гайка". Фо́ртачь*кю*—вин. ед. ч., харо́шынь*кяй*, тачёнинь*кяй*, у́тачь*кя*, мужы́чь*кя*, калачь*ке́*въ (=клочко́въ — род. мн. ч.), пучь*кё*въ (=пучковъ, род. мн. ч.), ба́бачь*кя*, бо́чь*кя*, бо́чь*кю*, ди́рь*кя*, бры́чь*кя*, пе́чь*кю*, въ пе́чь*кя*хъ, Пе́ть*кя*, „въ сѣ́рпинь*кя*мъ мяшо́чьки", старичь*кё*мъ—твор. ед. ч., дѣ́вачь*кя*, саба́чь*кю*, бѣ́линь*кяя* ба́начь*кя*, изъ бѣ́линь*кяй*, бѣ́линь*кюю*, лине́й*кя*, лине́й*кю*, лине́й*кяй*, лю́ль*кя*, въ куль*кя́*хъ, ру́чь*кю* — вин. ед. ч., малачь*кя́* — род. ед. ч. (=молочка́), ма́линь*кя*му—дат. ед. ч., чёрнинь*кя*во—род. ед. ч., Со́нь*кя*, съ куль*кя́*ми, на дьячь*кю́* — предл. пад. ед. ч., бо́чькёвъ, лю́лькёвъ—род. мн. ч. отъ словъ: „бочка", „люлька". Пятачёкъ, -кя́, -кю́, -кёмъ, -кѣ́; пятачькёвъ—род. мн. ч., пятачькёвай — имя прилагательное, ше́й*кя*, свѣ́жынь*кяя* малачь*кё*—им. пад. ед. ч. Сравните съ этимъ: Са́шка (Са́пькя), карзи́нка, на́нка (матерія) и ня́нь*кя*, пиряво́ска (=перевозка), я́мка, ко́шка и проч.

Образцы эти взяты изъ живой рѣчи всѣхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, какъ изъ городовъ, такъ и изъ селъ и деревень, откуда только была возможность получить свѣдѣнія, или гдѣ только удалось намъ побывать самимъ. Въ виду всего вышеизложеннаго мы имѣемъ право относиться съ недовѣріемъ къ нѣкоторымъ примѣрамъ, приводимымъ Далемъ въ его статьѣ „О нарѣчіяхъ русскаго языка", гдѣ на стр. LXIV находимъ примѣры для Курской губерніи: квась*кю́*, Петрепе́юш*кя*, Лагу́т*кя*, и еще разъ ниже: квас*кю́*. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ нѣтъ предыдущаго мягкаго согласнаго звука, и ему неоткуда взяться; такъ какъ эти примѣры приведены Далемъ среди другихъ, имѣющихъ мягкій согласный или мягкій слогъ передъ *к*, какъ для Орловской, такъ и для Курской губ., то эти примѣры, вѣроятно, занесены ошибочно [1]); по крайней мѣрѣ, въ Ряз. губ. въ этихъ

[1]) Такими же ошибочно занесенными примѣрами мы считаемъ и примѣры, приведенные проф. Соболевскимъ въ его

случаяхъ никогда не произнесутъ мягкаго звука *к*, а произнесутъ его твердо. Признаки такой особенности намъ удалось отыскать и въ рязанской письменности, именно, въ одной Записи 1510 года (у Пискарева. Акты и Грамоты. N 10). Эта Запись замѣчательна и заслуживаетъ полнаго довѣрія потому, что писана не оффиціальными грамотеями, дьяками и друг. лицами, оффиціальными по положенію, а простыми людьми. Здѣсь читаемъ: „Къ сей записи язъ Лар*кя* послухъ руку свою приложилъ“. Очевидно, это имя произносилось въ живомъ говорѣ „Ла́рькя“, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ собственнаго имени Ларіонъ, Лариво́нъ (по-рязански) — уменьшительное Ларя, Ларькя; нѣсколько выше, въ этой же записи, мы и встрѣчаемъ: „Ларя Фроловъ сынъ Бачманого“. Но рядомъ читаемъ: „Олешка“ съ твердымъ звукомъ *к*.

Звукъ *г* не поддается въ такомъ положеніи вліянію предыдущаго слога или звука въ рязанскомъ нарѣчіи. Од-

---

„Лекціяхъ“ (2-е изд., стр. 116), именно: голов*кю*, сахар*кю*, съ вер*хю* среди прочихъ примѣровъ, приведенныхъ правильно. По крайней мѣрѣ, если таковые примѣры дѣйствительно существуютъ въ живомъ русскомъ языкѣ, то слѣдовало указать на мѣстности, гдѣ ихъ слышалъ Соболевскій. Онъ пишетъ такъ: „Въ современныхъ великорусскихъ (особенно южныхъ) говорахъ мы довольно часто слышимъ: голов*кю*“ и пр. Въ Рязанской губерніи, тоже южновеликорусское нарѣчіе, мы вовсе такъ не слышимъ, хотя постоянно слышимъ это *к* въ соединеніи съ *ю*, *я*, *ё* въ такихъ словахъ, какъ: чай*кю́*, си́тачь*кя*, бачь*кё́*мъ (твор. ед. отъ „бочёкъ“), съ бачь*кё́*въ (род. мн. отъ того-же слова), свѣ́чь*кяй*—твор. ед. ч., свѣ́чь*кю*, тро́й*кю*, наѣа́й*кя* (=нога́йка) и проч. Сравни: вядё́р*ка*, квас*ку́*, вядру́ш*ка*, ба́буш*ка*; стару́ш*ка*, ѣало́в*ка* и проч. Срв. также у Потебни (Два изслѣдованія. Ф. З. 1865. I, стр. 67), который говоритъ: „Сочетаніе *к* съ *я*, *ю*—въ Орлов. Кур. Ворон.“ и приводитъ примѣры, среди которыхъ опять есть этотъ примѣръ „квас*кю*“. Вѣроятно, онъ прямо взятъ изъ вышеуказанной статьи Даля, тѣмъ болѣе, что въ числѣ поименованныхъ губерній, гдѣ такъ говорятъ, т. е. соединяютъ *к* съ *я*, *ю*, у Потебни не упомянуто ничего о Рязанской губерніи.

но слово, именно, „качя^срьһя́“ мы слышали въ деревнѣ Гумёнки Скоп. уѣзда, но въ виду того, что это же слово въ другихъ мѣстностяхъ мы слышали съ твердымъ звукомъ *h* — каче"рьһа́, — а также въ виду возможности легко ошибиться при опредѣленіи качества звука по слуху, мы не придаемъ значенія единичному примѣру, тѣмъ болѣе, что въ другихъ словахъ, напр., „сирьһа́“ (=серьга́) и проч. ясно слышится твердый звукъ *h*.

Замѣны звука к *и его ассимиляція.* Звукъ *к* въ нѣкоторыхъ словахъ стоитъ вмѣсто *х*, напр., слово „пасха“ всегда произносится „па́ска“; въ другихъ словахъ мы слышимъ звукъ *х* вм. звука *к*, напр., *х*лапы́, *х*ло́пъ вм. клопы́, кло́пъ (с. Яблон. Скоп. у.), или *х*ре́стъ вм. кре́стъ (с. Быково, Ряжск. у.), па-*х*рястья́нски (также: па-*х*рисья́нски) вмѣсто по-крестья́нски (с. Яблоново, Щелево, Скоп. уѣзда). О замѣнѣ звука *к* звукомъ *х* въ послѣднемъ словѣ см. Лекціи Соболевскаго, 2-е изд., стр. 127. Въ Михайловскомъ уѣздѣ Ряз. губерніи слово „крестъ“ произносится „хрёстъ“ (сс. Ижеславль, Николаевка и др.), а потому, кажется, напрасно говоритъ Потебня, что въ ювр. въ этомъ словѣ *е* остается и не переходитъ въ *ё* по вліянію церк. языка (*Потебня.* Два изслѣдованія. Ф. З. 1865. I, стр. 77). Сравните *Брандта.* Лекціи по фонетикѣ р. яз., стр. 20 (срв. небо — ряз. нёбо = coelum). А слово „крести́ны“ въ Михайлов. у. — „*х*рясти́ны“. Иногда этотъ звукъ *к* чередуется съ звукомъ *т*, при чемъ случаи такого чередованія наблюдаются въ положеніи звука *к* передъ мягкими гласными, т. е. когда самъ звукъ *к* становится мягкимъ. Такъ, напр., мы слышимъ: *т*е́һли вмѣсто *к*егли (с. Яблоново Скоп. у. Это слово было такъ повторено послѣ того, какъ я произнесъ названіе игры — „кегли“ — съ звукомъ *к*, правильно. Очевидно, наклонность къ этой замѣнѣ въ говорѣ существуетъ, что подтверждается приводимыми ниже примѣрами употребленія звука *к* мягкаго вм. *т* мягкаго). Случай замѣны звука *к* звукомъ *т* мы записали, къ сожалѣнію, только одинъ, но случаи обратной

замѣны слышатся постоянно: напр., всегда *К*ѝтъ вм. Титъ (собственное имя), *кія́*теръ вм. театръ, съ *кисё*мьки"ми вм. съ тесёмками—твор. пад. мн. числа (с. Малая Олѣшня Ряжск. у., с. Яблоново Скоп. у. и др.). Случай отступленія отъ аканья въ этомъ послѣднемъ словѣ, т. е. звукъ *и* вмѣсто звука *я* (а) послѣ перваго *к* въ предударномъ слогѣ, мы объясняемъ себѣ появленіемъ звука *к* вмѣсто *т*, такъ какъ слогъ *кя* возможенъ былъ бы только послѣ мягкаго конечнаго согласнаго предыдущаго слога или мягкаго предыдущаго слога вообще (срв. „кія́теръ"). Что же касается звука *и*, стоящаго въ этомъ словѣ „кисёмькими" передъ окончаніемъ твор. падежа множ. числа *-ми*, то, во-первыхъ, въ данномъ словѣ этотъ звукъ мы слышали неопредѣленно: онъ звучалъ, приближаясь къ *я*, что̀ мы и обозначили знакомъ „и^я", и такое произношеніе его есть, именно, правильное съ точки зрѣнія фонетики рязанскаго говора, а, во-вторыхъ, особенностью этого говора служитъ также и то, что творит. падежъ множ. числа отъ именъ женскаго рода на *-ка* произносится всегда повсемѣстно съ окончаніемъ *-ими*, а не *-ами*, т. е. имѣетъ *и* передъ окончаніемъ *-ми*, а не *а*. (Случаи съ мягкимъ изглашеніемъ въ предшествующемъ слогѣ составляютъ исключеніе изъ этого правила на основаніи изложеннаго выше закона рязанской фонетики). Напр., ко́ркими, ви́лкими, ба́нками, ѣало́вкими, па́лкими, ка́нкими („ка́нка"—по-рязански означаетъ индѣйку, хотя и это слово извѣстно. См. Лексикологію), тряпкими, бума́шкими, но́шкими и проч. (отъ имен. падежей: корка, вилка, банка, головка, палка, „канка", тряпка, бумажка, ножка). Въ этомъ отношеніи рязанскій говоръ сходится съ московскимъ народнымъ говоромъ.

Звукъ *к*, находясь въ положеніи передъ *т*, переходитъ въ *х*, какъ-бы ассимилируясь съ нимъ по степени звучности, и это явленіе наблюдается постоянно: напр., хто вм. кто, та́хъ-та вм. такъ-то, трахти́ръ вм. тракти́ръ, тра́хтъ, тра́хтамъ—твор. п. ед. ч. вм. тра́ктомъ, диле́хтаръ вм. дире́кторъ, до́хтурь и до́хтуръ вм. до́кторъ, Ви́хтаръ вм. Ви́кторъ, а въ словѣ „парикмахеръ" еще и вставоч-

ное *т*: паликма́хтеръ, вѣроятно, по аналогіи съ такими словами, какъ до́хтурь, диле́хтаръ и проч.

Это явленіе перехода *к* въ *х* передъ *т* извѣстно уже давно въ русскомъ языкѣ и свидѣтельствуется письменностью; что касается до памятниковъ рязанской письменности, то и здѣсь мы находимъ очень часто написанія: *х*то (въ Раздѣльной Записи между касимовскими служилыми татарами 1606 года. Ркп. Ряз. Архива. N 14. Въ Записи нѣкоего Алексѣя Иванова 1683 года. Ркп. Ряз. Архива N 126. Срв. у Пискарева N 7—XV-го вѣка), *хъ* тому—Собраніе Госуд. Гр. и Договоровъ. I. N 171. 1554 года и др. Если же *к* встрѣчается съ звукомъ *д*, то онъ по ассимиляціи переходитъ въ звонкій *г*=*h*: такъ, мы имѣемъ въ вышепоименованной рукописи Рязанскаго Архива N 126—*г* допросу (читай: „*h* допросу“), въ Грамотѣ N 171 (Собр. Госуд. Гр. и Дог. I)—*хъ* деревне, гдѣ буква *х* означаетъ звонкій фрикативный *h*. Встрѣчаясь съ звукомъ *к*, звукъ *к* по диссимиляціи переходитъ въ *х*: *х* кучеликову полю — Ркп. Ряз. Арх. N 7, 1563 г., *х* касимовскому помѣстью—Ркп. N 23, 1617 г., *х* Коломнѣ—Собр. Госуд. Гр. и Дог. I. N 48. Такъ скажутъ и теперь въ рязанскомъ говорѣ, гдѣ наблюдаются случаи перехода *к* въ *х* и передъ другими звуками, напр., *хъ* панамарю́ — с. Ке́льцы Скоп. у. и др. Наконецъ, есть случаи соединенія звука *к* съ *ъі* въ словахъ: *къі*тю́шки = овцы, ягнята (с. Яблоново Скоп. у. См. Лексикологію) и *к*ы́ска—ласкат. названіе кошки. (Ср. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 116).

Губные звуки. Что касается губныхъ согласныхъ, то въ области этихъ звуковъ вообще мало особенностей въ рязанскомъ нарѣчіи, хотя есть нѣкоторыя особенности, принадлежащія, правда, не одному рязанскому нарѣчію, но достойныя вниманія въ обзорѣ фонетики этого нарѣчія. Такъ, мы постоянно замѣчаемъ мягкость произношенія губныхъ звуковъ передъ мягкимъ слогомъ — *ки*. Напр., произносятъ: дѣ́фьки=дѣвки, рю́мьки=рюмки, ла́фьки=лавки, варе́фьки=веревки, жа́мьки=жамки (пряники; см. выше),

ю́пьки=юбки, шу́пьки=шубки, про́пьки=пробки, „съ була́фькими“=съ булавками, „съ кисёмькими“=съ тесемками, тря́пьки = тряпки, „я́мьки да камькі́“ = я́мки да комкі́ (с. Яблоново Скоп. у.) и проч. Иногда мы видимъ такое же смягченіе губного звука и передъ другими мягкими слогами: „атъ ла́мьпи“ вмѣсто „отъ лампы“ (с. Яблоново); въ послѣднемъ примѣрѣ мы, кромѣ смягченія звука *м*, видимъ еще на концѣ слова „ла́мьпи“ букву *и*, которое не представляетъ собою замѣны *ы*, такъ какъ это вовсе не *и*, а *ѣ*, произносимое, какъ всегда, въ поударномъ слогѣ какъ *и* (см. выше), и форма „ла́мьпи“ вмѣсто „ла́мьпѣ“ есть результатъ смѣшенія падежей, какъ видимъ изъ массы аналогичныхъ случаевъ въ рязанскомъ нарѣчіи, напр.: у сястрѣ́, у Мико́ли, у стянѣ́, отъ ба́би, бясъ шля́пи (=безъ шляпы), отъ Анни Ляксандровни и проч. Въ тѣхъ примѣрахъ, которые имѣютъ удареніе на падежномъ окончаніи -*ѣ* (сястрѣ́, стянѣ́, жанѣ́ и проч.), ясно видно смѣшеніе падежей, о чемъ въ свое время будетъ сказано подробнѣе въ отдѣлѣ Морфологіи — ниже. Возвращаясь опять къ вопросу о смягченіи губныхъ подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога, скажемъ, что это смягченіе вліяетъ естественнымъ образомъ на качество предыдущаго гласнаго звука, что̀ особенно замѣтно въ томъ случаѣ, если этотъ гласный будетъ звукомъ *ѣ*, который въ данномъ положеніи передъ мягкимъ слогомъ или мягкимъ губнымъ звукомъ звучитъ очень закрыто, напр., въ словѣ „дѣ́фѣки“. Вліяніе слѣдующаго слога на предыдущій вообще въ русскомъ языкѣ сказывается очень сильно, въ особенности на предыдущій гласный звукъ, но и на согласный. (Случаи стараго смягченія звуковъ, напр., звука *р* въ положеніи и передъ твердымъ слогомъ, но не передъ твердымъ зубнымъ звукомъ, здѣсь въ разсчетъ не идутъ, такъ какъ это явленіе очень древнее и принадлежитъ не одному русскому языку изъ славянскихъ языковъ [1]). Въ рязанскомъ го-

---

[1]) См. *Ф. Ѳ. Фортунатовъ.* Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка. (Печатное изданіе, не оконченное). Стр.

ворѣ такъ-же, какъ въ московскомъ, мы слышимъ: на вяръху́, къ ве́ръху и проч., но—це́*р*ква, це́*р*кафь). Примѣромъ можетъ служить также слово „ка*нь*фе́тъ"—род. мн. числа вмѣсто „конфе́тъ" и еще чаще „ка*нь*фетафъ"—род. мн. ч. (с. Яблоново и друг.), гдѣ видимъ смягченный звукъ зубной—носовой *н*. (См. Р. Брандтъ. Лекціи по фонет. р. яз. Стр. 6—7. Богородицкій. Гл. безъ ударенія).

Случаи непосредственнаго смягченія губныхъ въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ звукомъ замѣчаются довольно рѣдко и по преимуществу въ Касимовскомъ уѣздѣ, хотя таковые случаи безспорно существуютъ. Такъ, мы слышимъ: һато́*вю*=я гото́влю, лю́*бю*=я люблю́, ня лю́бю, спю́=я сплю (Тумскій край Касим. у.), ку́пю=я куплю́ (сс. На́рмушадь, Ера́хтуръ, Кузе́мкино Касимовск. уѣзда). Эти немногочисленные случаи непосредственнаго смягченія губныхъ звуковъ представляютъ, кажется, явленіе новое, новообразованія, и могутъ быть объяснены, думаемъ, вліяніемъ формъ прочихъ лицъ на форму 1-го лица ед. числа. (Срв. Колосова. Обзоръ звуков. и форм. особенностей нар. русск. языка. В. 1878. Стр. 149. Срв. стр. 158. Слово „рупь" извѣстно и въ рязанскомъ нарѣчіи).

Отпаденіе, приставка и вставка звука в. Отпаденіе *в* мы видимъ, напр., въ словѣ: акру́хъ вмѣсто „вокру́гъ"; къ случаямъ отпаденія звука *в* въ концѣ словъ можно отнести почти повсемѣстное: „прати́", „суприти́" вм. про́тивъ, су́противъ; напр., „прати́ је́таһо" = противъ этого. Или: „пра" вмѣсто право, вѣроятно, черезъ форму *пра́о—*пра́а. А можетъ быть, здѣсь произошло просто отпаденіе цѣлаго слога, хотя первое намъ кажется вѣроятнѣе. Вставку этого звука *в* мы видимъ въ словахъ: Ляво́нъ, Ляво́нафъ (фамилія Леоновъ), Ляво́ньтяй (Леонтій);

149—151. Въ такихъ случаяхъ мягкость звука *р*, который является полумягкимъ, вызвана вліяніемъ предшествующаго неслогового ъ (ъ̯).

Приставка *в* замѣчается, напр., въ словахъ: во́страй, во́спа, варһа́нъ вм. орга́нъ, „Во́тча“ (названіе Молитвы Господней у простонародья отъ перваго слова молитвы: „Отче“. Слово „Во́тча“ склоняется обыкновенно, по женскому склоненію). Кстати замѣтимъ, что слово „воспа“ означаетъ извѣстную эпидемическую болѣзнь, между тѣмъ какъ всякая сыпь называется „о́сыпь“; сравнивъ послѣднее слово со старослав. **осъпа**, мы получаемъ наглядный переходъ отъ словъ: „сыпь“, „сыпать“ къ слову „о́спа“, гдѣ коренной гласный исчезъ; такимъ образомъ, въ ряз. словѣ „о́сыпь“ лежитъ и коренное значеніе слова „оспа“ (см. Miklosich. Etym. Wtb. s. v. sŭp 2). Наконецъ мы видимъ и выпаденіе звука *в* въ серединѣ словъ: а́һустъ вм. августъ, сирьби́ть—3 л. ед. ч. наст. вр. вмѣсто „сверби́тъ“ (сс. Малая Олѣшня Ряжск. у., Яблоново Скоп. у.).

Особенно интересные случаи въ этомъ отношеніи представляетъ намъ Касимовскій уѣздъ (Тумскій край), гдѣ мы находимъ: да́ича вм. давеча, де́ить вм. девять, сиᵉрьбѣ́ли вм. свербѣ́ли, въ Като́и вм. въ Катовѣ (мѣстность), любо́й вм. любо́вь, ла́йки вм. лавки (лафьки. См. выше), прі́озють вм. привозятъ — 3 л. мн. числа, жіу́ вм. живу́—1 л. ед. ч., Пятро́й день вм. Пятровъ день, тряо́жылъ вм. тревожилъ, за́тря вм. завтра, „эта ся“ вмѣсто „эта вся“, зять вм. взять, цара́ вм. вчера (вчяра́, авчяра-сь), „сё равно“ вм. „все равно“ [1]).

Разсмотрѣнныя явленія въ области звука *в* засвидѣтельствованы также памятниками рязанской письменности. Такъ, въ Правой и Разъѣзжей грамотѣ 1563 года (Ркп. Ряз. Архива. N 7) читаемъ: на *в*о́лху, т. е. на о́льху (дерево). Въ Рязанской губерніи и до сихъ поръ говорятъ: *в*о́ляшникъ вм. о́лешникъ, т. е. ольховая роща (слышано въ с. Бараковѣ и Перикахъ Скоп. у.). Лари*в*о́нья, Лево́нъ (Пискаревъ. Акты. NN 5, 3, 13). Всѣ акты XIV—XV

---

[1]) Всѣ примѣры изъ Тумскаго края Касимовскаго уѣзда привожу по сообщеніямъ сослуживца моего А. И. Смирнова, которому приношу здѣсь благодарность за помощь.

вѣка. Судъ *вопчей* — Собраніе Госуд. Гр. и Договоровъ. I. N 127. (Договорная грамота в. к. рязанскаго Ивана Васильевича съ братомъ) — 1496 года. (Срв. Соболевскій. Лекціи. 2-е изд., стр. 114).

Замѣны звука в. Въ числѣ мелкихъ случаевъ замѣны звука *в* мы помѣщаемъ и случаи употребленія гласнаго *у* вмѣсто *в*, т. е. случаи перехода звука *в* въ гласный *у*. Такъ какъ это явленіе въ рязанскомъ нарѣчіи во всякомъ случаѣ не частое и мѣстное (см. выше слово „вдарить"), то въ числѣ основныхъ признаковъ даннаго нарѣчія нельзя и помѣщать его. Мѣна *в* на *у* и обратно — явленіе очень раннее въ русскомъ языкѣ, такъ какъ примѣры такой мѣны находятся въ памятникахъ XI—XII вѣка (см. Колосова. Очеркъ исторіи зв. и формъ р. яз. В. 1872. Стр. 62 и 78), но что касается рязанской письменности, то ранній памятникъ мѣстнаго языка, въ которомъ мы нашли употребленіе *у* вмѣсто *в*, принадлежитъ 1520 году. Въ одномъ „Спискѣ съ суднаго дѣла о грабежѣ и пожогѣ" (Пискаревъ. N 13) — 1520 года мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ „*у* поле" вм. „*въ* поле". Несомнѣнно, эта особенность вошла въ образовавшееся мало-по-малу рязанское нарѣчіе не ранѣе прочихъ, а позднѣе, такъ какъ она не повсемѣстная и засвидѣтельствована позднимъ памятникомъ письменности, а слѣдовательно, въ числѣ прочихъ нынѣшнихъ особенностей рязанскаго говора должна быть отнесена къ тому говору или нарѣчію, которое отличалось издавна этой особенностью и могло вліять на образованіе нынѣшняго рязанскаго нарѣчія черезъ колонистовъ, приходившихъ изъ разныхъ мѣстностей для населенія рязанскаго края. Въ данномъ случаѣ эту особенность можно отнести насчетъ вліянія бѣлорусскаго нарѣчія [1]), которое до образованія рѣзкихъ мѣстныхъ осо-

---

[1]) См. *Недешевъ.* Историч. обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. В. 1884. Стр. 32—33 и слѣд.

бенностей своихъ, до полнаго обособленія, успѣло сообщить и центральнымъ мѣстностямъ Россіи, въ томъ числѣ Рязанскому краю, многія черты и отличія своего произношенія. Такъ, мы видѣли рязанское *h*, неизвѣстное Москвѣ и сѣверно-великорусскому нарѣчію, ниже увидимъ замѣны звука *ф*, составляющія почти повсемѣстную принадлежность рязанскаго нарѣчія, наконецъ, въ области гласныхъ—полное аканье и др.

Въ теперешнемъ рязанскомъ нарѣчіи извѣстны слѣдующіе случаи замѣны звука *в* звукомъ *у*: дѣўка, дѣушка — вѣроятно, черезъ форму *дѣўушка, откуда по выпаденіи краткаго *у* получилось „дѣушка“ (сс. Городецъ, Горицы Спасскаго уѣзда), *у* пячѣ вм. *въ* пячѣ, „*у*хо́жъ въ домъ“ вм. „*в*хожъ въ домъ“ (Киструсъ, Деревенское, Гавриловское, Ста́риково и др. Спас. уѣзда), *у* по́ли, *у* до́ми вм. въ полѣ, въ домѣ (с. Деревенское, ibid.). Въ Касимовскомъ уѣздѣ (сс. Ерахтуръ, Нармушадь, Куземкино и др.) почти постоянно говорятъ вмѣсто предлога *въ* — *у*: *у* Каси́мовъ, *у* Каси́мовѣ. Также: *у* лѣсъ вм. въ лѣсъ — с. Путятино Сапожковск. уѣзда; наконецъ, въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда слышимъ: „*у* под͡ла́хъ *у* бѣ́лыхъ“ = „*въ* подола́хъ *въ* бѣлыхъ“, *у* ку́цки = въ ку́чкѣ и даже „*у* в-ызбу“ вм. „въ и́збу“, при чемъ послѣдніе примѣры слышатся преимущественно въ с. Ча́русъ Касимовскаго уѣзда. (Срв. сѣверно-великорусскій говоръ. *Потебни*. Два изслѣдованія. 1. с. Стр. 91). Стало быть, проф. Соболевскій несправедливо говоритъ, что въ Рязанской губерніи замѣны звука *в* звукомъ *у* вовсе нѣтъ (Лекціи. 2-е изд., стр. 110).

Что касается до замѣны звука *л* звукомъ *в* въ прошедшемъ времени глаголовъ, то въ данномъ случаѣ мы считаемъ удобнымъ упомянуть о томъ, что А. А. Потебня справедливо сомнѣвался въ точности показанія Даля насчетъ этой особенности рязанскаго нарѣчія (см. Потебня. Два изсл. 70; срв. Даля. О нарѣчіяхъ. Стр. LXII. Пунктъ 7. „онъ ходи́увъ“). Мы съ своей стороны положительно можемъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ въ Рязанской гу-

берніи мы не слыхали такой замѣны звука *л* звукомъ *в* въ прош. времени, да и вообще замѣны звука *л* звукомъ *в*, и никто намъ о таковой замѣнѣ ничего не сообщалъ, не смотря на наши письменные вопросы. Кстати сказать, что Даль и въ прочихъ пунктахъ, въ которыхъ онъ перечисляетъ особенности рязанскаго нарѣчія, иногда погрѣшаетъ противъ истины: такъ, въ пунктахъ 3 и 4, гдѣ говорится о звукѣ *г* (Срв. настоящее сочиненіе стр. 2. Даль. Ук. Соч. LXII), сказано, что *г* только *передъ гласною* измѣняется въ *h*, между тѣмъ какъ изъ предыдущаго обзора этого звука здѣсь видно, что такое произношеніе *г* = *h* рѣшительно господствуетъ, можно сказать, почти единственно существуетъ, и мы знаемъ только по письменному сообщенію изъ Зарайскаго и Михайловскаго уѣзда о произношеніи звука *г*, какъ латинское g, т. е. звонкій мгновенный задне-небный, но сами мы нигдѣ этого не слыхали. Въ пунктѣ 4 сказано, что *г* въ род. падежѣ не замѣняется звукомъ *в*, между тѣмъ какъ окончаніе *оhо* и *аhо* гораздо рѣже обыкновеннаго *ово, аво,* и извѣстно только въ вольныхъ селахъ и деревняхъ, каковыхъ, правда, довольно много. Въ пунктѣ 9 сказано (Даль. Ук. соч. l. c.), что *в* близится въ произношеніи къ *у*, но, какъ видно изъ предыдущаго (здѣсь, стр. 66), эти случаи приближенія *в* къ *у* сравнительно рѣдки и во всякомъ случаѣ не представляютъ повсемѣстной особенности рязанскаго нарѣчія, а извѣстны въ одной мѣстности болѣе (на сѣверо-западѣ Рязанской губерніи), въ другой — менѣе. Чтобы сказать такъ, что „*в* никогда не произносится твердо, не звучитъ какъ *ф*“ (Даль. ibidem), надо бы было побывать въ каждомъ уголкѣ Рязанской губерніи, а изъ прочихъ замѣчаній Даля о рязанскомъ нарѣчіи ясно видно, что онъ этого не сдѣлалъ. Напротивъ того, *в* обыкновенно передъ согласнымъ звукомъ звучитъ „твердо“, какъ *ф*, и самое слово „вда́рить“, употребляемое повсемѣстно, доказываетъ, что *в* не приближается къ звуку *у*, и лишь въ указанныхъ случаяхъ и мѣстностяхъ намъ приходилось слышать приближеніе звука *в* къ звуку *у*, да и то это

бываетъ исключительно передъ согласными звуками, какъ показываютъ вышеприведенные примѣры (Срв. касимовское „у вы́збу", гдѣ передъ гласнымъ, начинающимъ слово, вставлено *в*, передъ которымъ предлогъ *въ* звучитъ, какъ *у*). Такимъ образомъ, разобравъ пункты, указанные Далемъ, мы приходимъ къ заключенію, что его обзоръ рязанскаго нарѣчія во многихъ отношеніяхъ неточенъ и поверхностенъ, но всетаки даетъ общую картину рязанскаго нарѣчія, и большаго ожидать было-бы несправедливо при громадѣ обнятаго Далемъ матеріала для изслѣдованія и описанія. (Потебня повторяетъ за Далемъ замѣчаніе насчетъ *в*. Ук. соч. Стр. 69).

Изъ другихъ замѣнъ звука *в* намъ встрѣтилось произношеніе общерусское звука *р* вмѣсто звука *в* въ словѣ „скрось", „наскро́сь" = сквозь, насквозь, употребляемое повсюду, а затѣмъ — замѣна звука *в* звукомъ *м* въ дѣепричастномъ суффиксѣ: *вш—мш*, напр., держа́*м*ши, ѣ*м*ши, пи́*м*ши и проч. Явленіе — общевеликорусское. Эта замѣна въ рязанскомъ нарѣчіи слышна въ каждой формѣ дѣепричастія прош. времени, при чемъ она не оказываетъ никакого вліянія на сосѣдній гласный звукъ справа или слѣва (Срв. Колосова. Обзоръ. Стр. 169). Въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда нерѣдко слышишь эту замѣну звука *в* звукомъ *м* въ словѣ „да*м*но" вм. „давно". Наконецъ въ этой-же мѣстности извѣстны случаи замѣны звука *в* звукомъ *л* въ серединѣ слова, напр., Е*л*даки́мъ вмѣсто Евдокимъ. Наконецъ, въ одномъ словѣ мы встрѣтили замѣну звука *в* звукомъ *б* передъ гласной, именно, въ словѣ „ватру́шка", которое звучитъ „*б*атру́шка". Это слово мы слышали въ с. Яблоновѣ Скоп. у., но такъ какъ другихъ подобныхъ примѣровъ намъ не удалось найти, то мы упоминаемъ объ этой особенности лишь вскользь, хотя она извѣстна русскому языку. (См. Колосова. Обзоръ. Стр. 168, 169). Впрочемъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ Тумскомъ краю, извѣстно также произношеніе „о́*б*ащь" вм. „о́вощъ".

Замѣны звука б намъ встрѣтились двоякаго рода: этотъ звукъ иногда замѣняется звукомъ *п* передъ гласной, именно, въ словѣ „боспко́мъ", которое въ Тумскомъ краю Касимов. уѣзда слышится, какъ „*п*асико́мъ", или-же звукъ *б*, находясь въ положеніи передъ согласнымъ глухимъ или въ концѣ слова по общему закону перехода звонкихъ въ глухіе переходитъ въ *п*: аптяса́ть = обтесать, зо́пъ = зобъ и проч. Въ Курской губерніи также извѣстна замѣна перваго рода передъ гласной, напр., въ словѣ „шу́*п*ачку" = „шу́бочку", шу́*п*ка = шу́бка (Колосовъ. Обзоръ. Стр. 169). Съ другой стороны, самъ звукъ *п* иногда замѣняется передъ согласной и передъ гласной другими звуками; напр., передъ гласной мы слышали обратную замѣну его, т. е. звукомъ *б*, въ словѣ „*б*але́знай" вм. „поле́зный" (с. Яблоново, д. Щелево Скоп. у.). Такимъ образомъ, звукъ *б* замѣняется звукомъ *п*, а звукъ *п* замѣняется звукомъ *б* при одинаковыхъ, повидимому, условіяхъ. Большаго количества примѣровъ на эти замѣны не удалось намъ слышать. Въ положеніи-же передъ согласной звукъ *п* замѣняется звукомъ *т* въ словѣ: „па*т*ро́бовать" вмѣсто „по*п*робовать" (Тумскій край Касим. у.). Не вліяла-ли тутъ аналогія какого-нибудь слова, напр., „утро́ба" или что-нибудь подобное, сказать трудно.

Замѣны звука м. Звукъ *м* передъ звукомъ *б* очень часто замѣняется звукомъ *н*, какъ и вообще губной-носовой звукъ *м* въ влр. языкѣ имѣетъ способность переходить въ зубной-носовой *н* даже и передъ гласнымъ слѣдующимъ звукомъ. Напр., передъ *б* мы видимъ *н* вмѣсто *м* въ словѣ Та*н*бо́въ вм. Тамбо́въ въ одной Челобитной 1655 года (Пискаревъ. Акты. N 30), также, напр., въ словѣ ту́*н*ба вм. ту́мба и др. Передъ гласной въ рязанскомъ нарѣчіи *м* довольно рѣдко переходитъ въ *н*: такъ, намъ встрѣтилось слово „ни́ма" вм. „ми́мо" (с. Сопчаково Сапожковск. уѣзда), хотя наклонность къ такой замѣнѣ звука *м*, очевидно, въ нарѣчіи существуетъ, что̀ видно изъ произношенія клички собаки „Ни́мка" вм. „Ми́мка" (Сапожков. у.

ibid.). Въ этихъ послѣднихъ примѣрахъ замѣтна какая-то диссимиляція носовыхъ звуковъ. Наоборотъ, звукъ *н* при такомъ-же положеніи, передъ гласнымъ, способенъ переходить въ звукъ *м*, и это наблюдается въ рязанскомъ нарѣчіи повсемѣстно, какъ и вообще въ великорусскомъ языкѣ: *М*ики́та, *М*ико́ла, *М*ики́фаръ и проч. Сюда же слѣдуетъ отнести интересные случаи замѣны звука *м* въ серединѣ слова передъ гласной, напр., Харла́*н*афъ вмѣсто Харла́мовъ (фамилія) и передъ согласной: Евла́*н*тій вм. Евла́мпій (Тумск. кр. Касим. у.), гдѣ замѣчается переходъ обоихъ губныхъ въ зубные по ассимиляціи звуковъ.

Замѣны звука ф. Весьма распространенной почти во всѣхъ уѣздахъ Рязанской губерніи является замѣна звука *ф* звукомъ *х* или *хв* (иногда *хф*), такъ что, собственно говоря, звукъ *ф* почти неизвѣстенъ простому народу, хотя нельзя сказать, чтобы его совсѣмъ не было: иногда онъ слышится и на своемъ мѣстѣ, и вмѣсто звука *в* въ концѣ словъ, гдѣ обыкновенно звонкіе переходятъ въ глухіе звуки. Но иногда произношеніе конечнаго звука *в* въ закрытомъ слогѣ, какъ *ф*, служитъ причиной новообразованій, гдѣ вслѣдствіе одинаковости произношенія звуковъ *в* и *ф* въ указанномъ положеніи появляется передъ гласнымъ звукомъ, т. е. въ открытомъ слогѣ, звукъ *в* вмѣсто *ф*, какъ будто бы форма слова была произведена отъ такого слова, въ которомъ послѣднимъ согласнымъ былъ звукъ *в*, а не *ф*. Такъ, напр., слово „штофъ" въ предложномъ падежѣ мы слышали „въ што́ви" = въ што́фѣ, а именит. п. множ. числа—„штава́"=што́фы (с. Яблоново Скоп. у.). Другіе примѣры замѣны звука *ф* звукомъ *х* и *хв*: *х*авра́ль=февраль, штра*х*ованъ, *хв*у́нтъ, кап*хв*е́тка, *Хв*ё́даръ, *хв*артё́ра, *ф*у́торъ, ку́*ф*ня, ку*ф*а́рка, *хв*а́ртукъ, *Х*амина́ нядѣ́ля, пина*ф*и́да = панихи́да (села и деревни: Перики, Яблоново, Бараково, Павелецъ, Корневое, Рюмки, Свистовка, Сѣкирня, Рудинка, Скопин. уѣзда, с. Петрово Ряжск. у.). Далѣе: *хв*и́линъ = фи́линъ (Черные Курганы Скопинск. у.). *Х*а́ртукъ, *Хф*ё́даръ, *хф*атё́ра (с. Ижевское

Спасск. у.), *хв*атéра и *хф*атéра (с. Юшта Спасск. у.); такъ-же произносятъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ сс. Тереховѣ, Инякинѣ, Деревенскомъ, Спасскомъ, Иваньковѣ Спасскаго уѣзда, а равно и въ селахъ: Киструсѣ, Гавриловскомъ, Стариковѣ, Горицахъ и принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ тоже Спасскаго уѣзда. Отмѣтимъ еще: *Х*ёдаръ и *Х*éдькя, сара*х*áнъ (сарафáнъ), *х*анáрь (фонáрь), кó*х*та (кóфта) — сс. Ерахтуръ, Нармушадь, Куземкино Касимов. уѣзда, гдѣ, по сообщеніямъ, звукъ *ф* вообще почти никогда не слышенъ, а замѣняется звукомъ *х*. Точно такъ-же въ Тумскомъ краю Касимов. уѣзда: „на *х*атéри“, кó*х*та, *Хв*ёдаръ, *Хв*якóла (Θекóла), *Х*илúпъ (Филиппъ), Цу*хв*úлово и Цу*х*úлоскай (=Чуфúлово и Чуфúловскій — селенія) или Чу*х*úлоскай. Въ Михайловскомъ, Сапожковскомъ, Зарайскомъ, Пронскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ также всегда *ф*атéра, пана*ф*úда, иногда *ф*ýторъ вм. *х*ýторъ и *Х*амá вм. Θомá и друг. (Срв. Тихвинскаго. Говоръ Яросл. губ. Р. Ф. В. 1890. N 3, стр. 52). Изъ предыдущаго видно, что и южновеликорусскому языку извѣстна замѣна звука *ф* звукомъ *х* или *хв* и наоборотъ, хотя въ малорусскомъ языкѣ она еще чаще встрѣчается. (Срв. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 125—126, гдѣ есть неточность относительно замѣны звука *ф* звукомъ *х* въ ювр. языкѣ). Замѣчаніе проф. Соболевскаго относительно того обстоятельства, что замѣна звука *ф* звукомъ *х* будто-бы рѣдко встрѣчается въ ювр. и свр. языкѣ, находится въ противорѣчіи съ фактами, собранными Колосовымъ въ его „Обзорѣ“ (стр. 171), и съ фактами, приводимыми здѣсь выше изъ рязанскаго нарѣчія. Эта взаимная мѣна звуковъ *ф* и *х* завѣщана стариной: мы читаемъ въ Записи 1510 года (Пискаревъ. N 10): „сынъ Е*х*имьевъ“, а въ Рапортѣ Спасскаго монастыря 1650 года (Ряз. Достопамятности. Стр. 60. Труды Ряз. Ученой Арх. Ком. Т. IV) — Еѳтиѳей вмѣсто Евтихій. Въ сѣверно-влр. нарѣчіи также: я́фонты (Гильфердингъ. Онежск. Был. Стр. 1076), пофасташь, фостъ и проч. (ibid. 1106, 1107).

Наконецъ, въ рязанскомъ нарѣчіи извѣстна замѣна

звука *ф* звукомъ *п* передъ гласными: *п*е́ршалъ (фе́ршалъ = фельдшеръ) — с. Спасское Спасск. уѣзда, потра́*п*ить = потра́фить (Малая Олѣшня Ряжск. у., с. Яблоново и др. Скоп. уѣзда).

Зубные звуки. Здѣсь прежде всего замѣтимъ переходъ мягкаго звука *т* въ *ч* въ словѣ „стрѣ*ч*енье“, „встрѣ*ч*епье“ (вѣроятно, въ связи съ словомъ „встрѣча“). Такъ, мы постоянно слышимъ: „жывётъ у встрѣ*чи*ᵉнья“ (названіе церкви), „ка встрѣ*чи*ᵉнью“, „званя́ть у стрѣ*чи*ᵉнья“ и т. п. Но иногда это слово слышится и безъ вставочнаго звука *т*: „у срѣ*чи*ᵉнья“.

Вставка звука т. Звукъ *т* иногда вставляется между согласными и на концѣ слова послѣ звука *н*: *ст*рѣчиᵉнье, *ст*рамъ, *ст*рамати́тца—неопр. накл. = срами́ться (с. Яблоново. Скоп. у.), пла́н*тъ*, пла́п*ты́*, рязо́н*тъ*, „такимъ жа пла́п*т*амъ“=такимъ-же манеромъ (с. Во́слябово. Скоп. у.), онъ план*ту́*я—3 л. ед. числа вм. „планту́етъ“ =размѣряетъ (с. Мишино, Михайловскаго уѣзда).

Звукъ *т* иногда замѣняется звукомъ *л*, напр., въ словѣ: „ми́лас*л*ивай“ вм. „ми́лостивый“, но можетъ быть, что въ этомъ словѣ произошло просто выпаденіе звука *т*, упрощеніе, какъ „жа́ласливай“ вм. „жа́лостливый“, если допустить подобное же образованіе съ суф. *-лив* и въ прилагательномъ отъ сущ. *милость*, какъ отъ сущ. *жалость*, тѣмъ болѣе, что оба эти существительныя, какъ и прочія, имъ подобныя по образованію, въ говорѣ слышатся безъ звука *т*: „ми́лась“, „жа́лась“. Вообще, въ отношеніи упрощенія согласныхъ сочетаній подъ вліяніемъ ассимиляціи рязанское нарѣчіе, какъ и слѣдуетъ, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ влр. нарѣчій. (Срв. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 103—104).

Звукъ *д* иногда переходитъ въ *т* въ серединѣ слова передъ гласной и согласной, а иногда въ звукъ *н* — тоже въ серединѣ слова или при сочетаніяхъ съ звукомъ *н*. Такъ, напр., мы слышимъ: пара́*т*най вм. пара́дный, фун*та́*ментъ вмѣсто фунда́ментъ (с. Корневое. Скопинск. у.).

въ звукъ *н* переходъ звука *д* наблюдается повсемѣстно въ словѣ ка́*ж*най вм. ка́ждый и особенно въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда, гдѣ постоянно слышимъ: а*н*на́= одна, а*н*на́жды=однажды, съ а*н*наво́=съ одного, уго́*н*но= угодно, ві́*н*на=видно, два *н*ні́=два дни, Ильина́ *н*ня́= Ильина дня, ла́*н*на=ладно, абѣ́*н*ня=обѣдня, по а*н*наму́= по одному и проч.

Звукъ *ц* переходитъ иногда въ *т*, иногда въ *с*: слово „цвѣтъ", „цвѣтетъ" произносится въ вольныхъ селахъ и деревняхъ нерѣдко такъ: „*т*ьвѣтъ", „*т*ьвяты́", „рошъ *т*ьвяте́ть"=рожъ цвѣтётъ (*е* означаетъ *е*, а не ё; сс. Пупки, Топила, Баршевое, Чернава Скоп. уѣзда). Въ Касимовск. уѣздѣ также: „а*т*ьвяла́ рошъ", *т*ьвяту́ть — 3 л. множ. ч. и проч. Явленіе это въ русскомъ языкѣ сравнительно новое, не ранѣе XV—XVI вѣка. (См. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 118). Что же касается рязанскаго нарѣчія вообще, то оно, какъ можно судить по этому признаку и по разсмотрѣннымъ выше, въ нынѣшнемъ его составѣ восходитъ не ранѣе, какъ тоже къ XV—XVI вѣку. Въ барскихъ селахъ и принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ обыкновенно слышимъ: *с*вяты́, *с*вято́къ, *с*вятётъ и проч. (с. Яблоново, Щелево, Перики, Бараково Скоп. уѣзда). Наоборотъ, звукъ *с* всегда переходитъ въ *ц* повсемѣстно въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ, оканчивающихся на *-ся* послѣ *-тъ*: купа́т*ц*а, дра́т*ц*а, проси́т*ц*а и проч.; иногда твердость согласныхъ *т* и *ц* въ данномъ случаѣ бываетъ очень замѣтна, такъ что въ неопр. наклоненіи слышится почти окончаніе *-цца*. Въ рязанскомъ нарѣчіи въ большинствѣ случаевъ мѣстоименіе *ся*, присоединяемое къ глаголамъ, произносится *-си*: взялси́, дралси́, жани́лси и т. п., но объ этомъ мы скажемъ въ отдѣлѣ мѣстоименій, въ морфологіи.

Звукъ *с* также переходитъ иногда въ *ш* и наоборотъ: повсемѣстно — ша*ш*на́тцать=шестнадцать, ра*ш*ко́льники= раскольники (Тум. край, Касим. уѣзда), *ш*ашники́=сошники́, пали́ца (с. Корневое Скоп. у.), повсемѣстно—страшно́й, стра*ш*на́я нядѣ́ля=страстно́й, страстная недѣля; *ш*тра-

хо́ванъ = страхо́ванъ и проч. Звукъ *ш* переходитъ въ *с* всегда въ окончанiи 2-го лица ед. числа глаголовъ *-шь*, если за нимъ слѣдуетъ *-ся*, возвратное мѣстоименiе: лажы́съси = ложишься, дярё́съси = дерешься, вы́мапсъси = вымоешься, нажа́рисъси = нажаришься, апыбе́съси = ошибёшься (с. Вослябово Скоп. у.), апали́съси = опалишься, разђуля́иᵉсъси = разгуляешься и проч. Далѣе въ словѣ: смыслё-най вм. смышлёный, вѣроятно, черезъ форму „смы́слить": „онъ ня смы́сля" = онъ не смыслитъ (с. Вослябово и другiя вольныя села). Сравнительная степень отъ этого прилагательнаго — посмысле́няй, гдѣ *е*, вѣроятно, обусловлено влiянiемъ слѣдующаго мягкаго слога. (С. Вослябово Скоп. уѣзда. Срв. выше о замѣнѣ звука *е* звукомъ *е* (ѣ) въ отдѣлѣ гласныхъ. Вообще, обратимъ вниманiе на то обстоятельство, что въ вольныхъ селахъ рязанскаго нарѣчiя выступаетъ во многихъ случаяхъ архаизмъ языка; напр., влiянiе слѣдующаго мягкаго слога, который препятствуетъ расширенiю предыдущаго гласнаго *е* въ ё въ глагольныхъ формахъ, имѣющихъ мягкое личное окончанiе. Объ этомъ см. въ отдѣлѣ глаголовъ, въ морфологiи.).

Носовые звуки м и н. Здѣсь мы скажемъ только о зубномъ-носовомъ звукѣ *н*, такъ какъ о губномъ-носовомъ *м* мы говорили въ отдѣлѣ губныхъ звуковъ и видѣли замѣну звука *н* звукомъ *м*. (Миколай, Мина вм. Нина, между прочимъ, въ Зарайскомъ уѣздѣ и т. п.). Замѣчательно повсемѣстное смягченiе звука *н* передъ звукомъ *ц*: напр., со́*нь*ца — имен. и вин. падежъ = солнце, „на со́*нь*ца", „со́*нь*ца нѣтъ" и проч., звяри́*нь*цафъ — род. пад. мн. ч. отъ слова „звѣри́нецъ", ка*нь*цо́мъ" — твор. пад. ед. ч. отъ слова „конецъ", платé*нь*ца или палатé*нь*ца — имен. и род. пад. ед. ч. отъ слова „полоте́нце", палѣ́*нь*ца — им. ед. ч. отъ слова „полѣ́нце", Румя́*нь*цафъ — фамилiя Румянцевъ, „въ Ильи́*нь*цуᵘ" — предл. пад. отъ слова „Ильи́нецъ" (Ильи́няцъ — названiе села въ Скоп. уѣздѣ — Ильи́нское), Ама́*нь*цы (поселяне с. Аманова, Скоп. у.), Ярли́*нь*цы (поселяне села Ерлина, Скоп. уѣзда), до́*нь*це = до́нце,

дно. По собраннымъ свѣдѣніямъ, такъ говорятъ въ Скопинскомъ уѣздѣ (сс. Яблоново, Моховое, Ерлинъ, Аманово, Ильинское, Немѣрово, Гремячка, Журавинка, Корневое и др.), въ Спасскомъ уѣздѣ (сс. Гавриловское, Киструсъ, Деревенское, Стариково, Горицы, Городецъ и др.), въ Зарайскомъ у. (сс. Булыгино, Николо-Кобыльское, Щурово и др.), въ Касимовскомъ уѣздѣ (сс. Ерахтуръ), Нармушадь, Куземкино и др.), въ Рязанскомъ уѣздѣ (сс. Поляны, Солодча, Самсоново и др.), въ Сапожковскомъ уѣздѣ (сс. Сопчаково, Путятино и др.). Эту особенность звука *н* раздѣляетъ и звукъ *р* въ рязанскомъ нарѣчіи, находясь передъ звукомъ *ц*, да и вообще звукъ *р* обнаруживаетъ склонность къ смягченію во всѣхъ уѣздахъ, чѣмъ рязанскій звукъ *р* рѣзко отличается отъ бѣлорусскаго звука *р*, отвердѣвшаго еще въ XVI-мъ столѣтіи окончательно [1]). Примѣромъ такого отвердѣвшаго *р* въ концѣ слова и перешедшаго въ языкъ образованныхъ классовъ, въ языкъ литературный, можетъ служить звукъ *р* въ словѣ „теперъ" вм. „теперь" (ряз. тапе́рь, тапе́ря, тапе́рича и тяпе́рь).

Объяснить себѣ происхожденіе этого мягкаго звука *н* передъ *ц* мы не можемъ, но этимологически онъ можетъ быть оправданъ, такъ какъ стоитъ передъ суф. *ъц*, сохраняя воспоминаніе о присутствіи *ъ*, оставившаго по себѣ слѣдъ въ мягкости произношенія предшествующаго согласнаго.

Замѣтимъ еще чередованіе звуковъ *н* и *л* или замѣну звука *н* звукомъ *л* въ нѣкоторыхъ словахъ въ рязанскомъ нарѣчіи. Эта замѣна, конечно, встрѣчается и въ другихъ нарѣчіяхъ великорусскаго языка, но въ рязанскомъ она нѣсколько болѣе распространена. Напр., мы встрѣчаемъ произношенія: ма*л*ӑстырь вм. монастырь (гдѣ ӑ=почти ъ), фанта́*л*ъ вм. фонтанъ, па*л*тало́ны вм. пантало́ны; наоборотъ: шкату́*н*ка вм. шкату́лка, также: шшыкату́*н*ка и щикату́*н*ка, цалова́*н*ьникъ вмѣсто цѣловальникъ (с. Старый Келецъ), ма*н*е́нькя, ма́*н*инькяй вм. маленькій (с. Кремлево, Скоп. у. и друг.).

---

[1]) *Недешевъ*. Ук. Соч. Стр. 30—32. Примѣры такого твердаго *р* см. ниже, въ отдѣлѣ плавныхъ звуковъ.

Наконецъ, въ словѣ „вѣтрива“ вм. „вѣтрено“ можно усматривать замѣну звука *н* звукомъ *в*, если не считать этого слова „вѣтриво“ словомъ другого образованія, съ другимъ суффиксомъ, на что, кажется, имѣется достаточное основаніе въ единичной замѣнѣ звука *н* звукомъ *в* встрѣтившейся намъ только въ этомъ словѣ въ рязанскомъ нарѣчіи.

Плавные звуки л и р. Въ области плавныхъ звуковъ замѣтимъ прежде всего замѣну этихъ звуковъ одного другимъ. Это явленіе обыкновенно наблюдается въ тѣхъ словахъ, гдѣ встрѣчается по два *р* или по два *л* въ разныхъ слогахъ. Напр., ка*л*идо́ръ, про́*л*убь, флі́га*р*ь и флига*р*ёкъ (флигель, флигелекъ), кле́ньдярь, кленьдярю́шка вм. кре́ндель, кренделю́шка, но и кле́ньдель (с. Рюмки, Скоп. уѣзда), сик*л*ята́рь вм. секрета́рь, ди*л*е́хтаръ вм. дире́кторъ, ста*л*авѣ́ръ вм. старовѣ́ръ, ба*л*ьéръ вм. барье́ръ (с. Малая Олѣшня Ряжск. у.), *л*ясо́ры вм. ресо́ры (с. Рожествено Скоп. у.), апи^е^*р*ьси́нъ вм. апельси́нъ. Чередованіе *р* и *л* мы замѣтили въ словахъ: чилёнокъ (воробей) — чи*л*я́та и и чи*р*я́та, чи*л*икать и чи*р*икать (срв. кри́кнуть и кли́кнуть, кри́къ и кли́къ) и др. Проф. Соболевскій (Лекціи. 2-е изд., стр. 123—124) усматриваетъ въ этомъ явленіи диссимиляцію плавныхъ звуковъ, но, кажется, проще здѣсь видѣть замѣну одного звука другимъ не съ цѣлью диссимилировать непремѣнно одинаковые плавные звуки, такъ какъ такой диссимиляціи противорѣчатъ нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, между тѣмъ какъ простая замѣна подтверждается и вышеприведенными примѣрами и примѣрами у проф. Соболевскаго на стр. 123. Эта замѣна происходитъ независимо отъ того, находится-ли въ словѣ два одинаковыхъ плавныхъ звука, или нѣтъ, и мы ее видимъ постоянно въ такихъ словахъ, гдѣ стоитъ всего одинъ только какой-нибудь плавный; такая замѣна идетъ изъ глубокой старины.

Выше мы говорили о смягченіи звука *р* въ рязанскомъ нарѣчіи въ положеніи передъ звукомъ *ц*. Объ этомъ

смягченіи мы можемъ сказать то-же чамое, что говорили по поводу смягченія звука *н*, такъ какъ они смягчаются при одинаковыхъ условіяхъ. Что-же касается другихъ случаевъ мягкаго произношенія звука *р* въ рязанскомъ нарѣчіи, то объ нихъ мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить вообще о смягченіи и отвердѣніи согласныхъ звуковъ въ рязанскомъ нарѣчіи. Примѣры такого мягкаго *р* передъ *ц* мы видимъ, напр., въ словахъ: се́*р*ьца — им. п. ед. ч. вмѣсто „се́рдце", два*р*ьца́—род. п. ед. ч. отъ слова „дворе́цъ", аһу*р*ьцы́=огурцы́, аднадво́*р*ьцы=однодворцы (с. Бараково, Перки—„Пе́рики", по народному произношенію, Яблоново, Рожествено и друг. Скоп. уѣзда).

Передне-небные (шипящіе) звуки. Отличительной чертой рязанской фонетики служитъ также произношеніе звука *щ* какъ *шш*; это произношеніе распространено повсюду и принадлежитъ поэтому къ отличительнымъ особенностямъ рязанскаго говора. Правда, что иногда слышится въ произношеніи *шч* вмѣсто *шш*, хотя рѣже, а произношеніе *щ* встрѣчается совсѣмъ рѣдко, и только въ городахъ. Звукъ *щ* удержался только въ вольныхъ селахъ и деревняхъ въ мѣстоименіи „что", которое здѣсь всегда произносится *що* (вѣрнѣе *щё*) и составляетъ отличительный признакъ говора вольныхъ крестьянскихъ селъ и деревень въ отличіе отъ барскихъ селъ и деревень, гдѣ, какъ и въ городахъ, произносится „што". Поэтому напрасно проф. Соболевскій (Лекціи. 2-е изд., стр. 102) думаетъ, что произношеніе „*що*" извѣстно только въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ. Такое произношеніе звука *щ*, какъ *шч*, есть собственно древнее русское произношеніе, такъ какъ *щ* представляется комплексомъ звуковъ *ш* и *ч*, т. е. *шч*, и это произношеніе принадлежало русскому языку до окончательнаго отвердѣнія шипящихъ звуковъ, такъ что звуковое сочетаніе *шш* является какъ-бы вторичнымъ, происшедшимъ изъ *шч* послѣ ассимиляціи звука *ч* съ звукомъ *ш*; нынѣшнее рязанское *шш* почти вездѣ произносится твердо. Для примѣра приводимъ нѣсколько словъ

съ этимъ звуковымъ сочетаніемъ изъ различныхъ мѣстностей Рязанской губерніи. Остановимся прежде всего на существующихъ произношеніяхъ слова „еще"; мы слышимъ: ишшѐ, ишшо́, яшшо́, ашшо́, ашчо́, ашчѐ; въ предложеніи: „нѣтъ ишша", „жыла́ ишшо́ у насъ" и проч. По замѣченному выше закону рязанской фонетики, это слово должно бы было начинаться съ звука *и* въ томъ случаѣ, если слѣдующій за начальнымъ звукомъ *е* (еще) согласный звукъ мягкій; такъ оно и слышалось, вѣроятно, прежде, какъ и теперь въ произношеніяхъ: ишшѐ или ишчѐ, зато при отвердѣніи *шч* въ ассимилированномъ сочетаніи *шш* появилось ашшо́ или яшшо́, прочія же формы произошли, вѣроятно, по аналогіи съ этими основными. Примѣры звукового сочетанія *шш* въ другихъ словахъ: ве́шшы, шшаɦла́—род. ед.=щегла́, шшыко́чить—3 л. ед. ч. наст. вр., и́шшуть—3 л. мн. ч. наст. вр., и́шшаᵃ—3 л. ед. ч. наст. вр. (въ вольныхъ селахъ и деревняхъ); ташшы́тца—3 л. ед. ч. наст. вр., шшанка́—род. ед. ч.= щенка́, шшапо́къ = щенокъ, шшо́тка = щётка, шшо́лкъ = щёлкъ!, учи́лишша, и́шшыть — 3 л. ед. ч. = и́щетъ, чи́шшей — сравн. ст. = чи́ще (*е* очень широкое), „шшалка́ть аряхи́" = щелка́ть орѣ́хи, паишшу́ — 1 л. ед. ч. буд. вр., прашша́й, шша́веⁱль=щавель, „намы́ку шшо́тють шшо́тками". Въ послѣднемъ примѣрѣ, кромѣ того, есть особый глаголъ, образованный отъ сущ. шшо́тка = щетка и означающій „чесать или чистить щеткой". Далѣе: пача́шшей (*е* широкое) = поча́ще (см. ниже объ образованіи сравн. степени, въ Морфологіи), абъѣ́шшыкъ (*шш* изъ сочетанія „здч" — „объѣздчикъ" черезъ выпаденіе *д* и ассимиляцію звука *з* со звукомъ *ч* — *шч*, откуда *шш*. Сравни: вишша́ть=визжать, „не вишчи́"—пов. накл.=не визжи́, вишшы́ть и вишчи́ть—3 л. ед. ч. наст. вр. Быть можетъ, по аналогіи съ другими глаголами, какъ: пишша́ть, тряшша́ть—3 л. множ. числа; а быть можетъ — черезъ форму *вишча́ть, какъ ряз. до́шшъ=дождь, черезъ форму *до́шчь изъ *до́шть, но родит. падежъ всегда „дажжа́"). Далѣе: управля́ющшай, прика́шшыкъ, дами́шша, наташша́къ, смуш-

шаеть—3 л. ед. ч.=смущаетъ, пришшамилъ=прищемилъ, выкряшшенъ=выкрещенъ, въ шшалѣ=въ щели—предл. пад. ед. числа отъ слова „щель“, шшарбатая=щербатая, тряшшѣла=трещала и друг. Такое произношеніе звукового сочетанія *щ* есть всеобщее въ Рязанской губерніи; его мы находимъ во всѣхъ уѣздахъ: въ Скопинскомъ, въ Спасскомъ, въ Рязанскомъ (напр., въ Бѣльской волости), въ Касимовскомъ, въ Егорьевскомъ, въ Сапожковскомъ, въ Зарайскомъ (хотя въ послѣднемъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, произношеніе *шш* вмѣсто *щ* не повсемѣстное: есть мѣста, гдѣ слышится ясно *щ*), въ Михайловскомъ, въ Данковскомъ, въ Пронскомъ, въ Ряжскомъ и Раненбургскомъ, — и во всѣхъ мѣстностяхъ, названія которыхъ приводились нами выше въ нашемъ трудѣ.

Иногда звуковое сочетаніе *щ* замѣняется звукомъ *ч*, напр., сму*ч*аю вмѣсто сму*щ*аю—с. Вослябово и друг. Скопинск. уѣзда.

Произношеніе же *щ*, какъ *шш*, извѣстно давно рязанскому говору, и надо думать, что оно въ рязанскомъ говорѣ принадлежитъ къ числу исконныхъ его особенностей, т. е. начало жить въ этомъ нарѣчіи съ тѣхъ самыхъ поръ, съ которыхъ обособилось само нарѣчіе, т. е. вѣка съ XV—XVI, когда рязанское нарѣчіе выработало свой нынѣшній типъ. Такъ, мы читаемъ въ одной грамотѣ Солотчинскому монастырю, принадлежащей первой половинѣ XV-го вѣка (Пискаревъ. Ук. Соч. N 3), слово: „боров*ш*икъ“, въ другой грамотѣ XV-го же вѣка (ibid. N 8): „ям*ш*икъ“ и „боров*ш*икъ“. Въ Отпискѣ чернеца Тарасія преосв. Іосифу, митрополиту Рязанскому и Муромскому, съ представленіемъ трехъ грамотъ, относящихся до постройки Собора въ Переяславлѣ Рязанскомъ, 1674—1682 года, читаемъ: „камен*ш*иковъ“ (Пискаревъ N 40), въ Записи 1677 года о построеніи города и собора въ Переяславлѣ Рязанскомъ читаемъ: камен*ш*иковъ и камень*ш*икомъ, тол*ш*иною (ibid. N 43), въ одной Заемной Памяти 1681 года (Пискаревъ N 47) встрѣчаемъ: „заим*ш*икомъ“. Наконецъ, собственное имя „Солодча“, „Солодчинскій“ встрѣ-

чается часто съ такимъ написаніемъ: Солод*щ*у — вин. п. ед. ч., Солод*щ*инскій или Солот*щ*инскій, а иногда и: Солод*ш*у, Солод*ш*инскій. (См. напр. Пискарева NN 1, 5, 6, 10, 9, 8, 7, 12 и друг.).

Звукъ *ш* иногда не принимаетъ этого мягкаго произношенія, если онъ образовался отъ звука *х*, а остается этотъ послѣдній звукъ *х* вмѣсто *ш*; напр. у́хи вм. уши (Ряжскъ), дыха́ть, слу́хай и проч. — Ряжскъ. Хотя, вѣроятно, извѣстны и другія произношенія, и приведенные случаи могутъ свидѣтельствовать лишь объ образованіи по аналогіи: у́хи — у́хо, дыха́ть — дыха́ніе, слу́хай — слу́хъ и проч.

Зато самъ по себѣ звукъ *ш* въ окончаніи 2-го лица ед. ч. глаголовъ наст. времени, находясь передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся*, которое въ рязанскомъ нарѣчіи обыкновенно произносится *си*, обращается по ассимиляціи тоже въ *с*: ашыбе́*съ*си (въ вольныхъ селахъ)=ошибёшься, лажы́*съ*си — 2 ед. = ложи́шься, дяре́*съ*си = дерёшься, вы́маи*съ*си = вы́моешься и проч. (См. выше, въ отдѣлѣ о звукѣ *с*).

Звукъ *ж* въ иныхъ словахъ переходитъ въ *ч*: напр., һлу́бь*ч*е(й)= глу́бже, сравн. ст. отъ прилагательнаго „глубокій“; фонетически-правильное написаніе для передачи рязанскаго произношенія въ этомъ словѣ было-бы: һлу́пьчей и һлу́пьче[а], такъ какъ въ этомъ словѣ мы слышали произношеніе и безъ послѣдняго *й*, присоединяемаго обыкновенно въ рязанскомъ говорѣ къ краткому окончанію сравнительной степени. Это-же слово слышится и въ другой формѣ; съ другимъ образованіемъ, безъ суф. *ѣш*, именно, „һлу́бяй“ или паһлу́бяй“. Во всякомъ случаѣ въ формѣ һлу́пьчей звукъ *ч* стоитъ вмѣсто древняго *ш*, что̀ видно изъ стрсл. формы сравн. ст. ж. р. **глѫбльши**, такъ что прямой потомокъ этой формы былъ-бы *глу́бше, но въ влр. языкѣ звукъ *ш* въ этомъ словѣ перешелъ въ звонкій *ж* подъ вліяніемъ предшествующаго звонкаго звука *б*, случай довольно рѣдкій. Разсматривая съ исторической точки зрѣнія, рязанское произношеніе этой сравнительной сте-

пени держится до сихъ поръ ближе къ старинѣ, чѣмъ произношеніе другихъ губерній и литературное—„глу́бже“.

Случаи перехода звука *ж* въ *з* въ рязанскомъ нарѣчіи почти не встрѣчаются, и намъ извѣстенъ одинъ только примѣръ изъ Касимовскаго уѣзда произношенія *з*алѐза вмѣсто *ж*алѐза или *ж*ылѐза (Тумскій край). Такъ-же произносится это слово: *з*ылѐза въ Касимовск. уѣздѣ, въ сс. Ерахтурѣ, Нармушади, Куземки́нѣ. Это явленіе, какъ видимъ, очень рѣдкое, если звукъ *ж* стоитъ передъ гласнымъ, но если онъ стоитъ передъ согласнымъ, то переходъ его въ *з*, именно, передъ суффиксомъ *ск*, наблюдается постоянно, и это объясняется ассимиляціей звуковъ, за которой слѣдуетъ потомъ сокращеніе или упрощеніе согласныхъ сочетаній. Такъ, мы всегда слышимъ: Ря́скъ или Ря́зское, Ря́ское, въ Ря́скомъ вмѣсто Ря́жскъ, въ Ря́жскѣ и проч. Это слово также давно такъ произносится въ рязанскомъ нарѣчіи, на что̀ мы находимъ указа́ніе въ одной грамотѣ бояръ Трубецкого и Заруцкаго пронскому воеводѣ 1612 года (Пискаревъ. N 21), гдѣ читаемъ: „въ *Рязскомъ* велѣли ямъ устроити“. Или, напр., въ Выписи съ Ряжскихъ писцовыхъ книгъ 1629 года читаемъ: „Въ *Ряскомъ* внутри города мѣсто дворовое“ (Пискаревъ. N 26) и друг. Обратную замѣну звука *з* звукомъ *ж* мы видимъ въ такихъ словахъ, какъ: дра*ж*ни́ть вм. дразни́ть и др.

Повсемѣстной особенностью великорусской фонетики, раздѣляемой и рязанскимъ нарѣчіемъ, служитъ произношеніе звука *ч* въ группѣ согласныхъ передъ звукомъ *н*, составляющимъ суффиксъ прилагательнаго, какъ *ш*, т. е. переходъ звука *ч* въ звукъ *ш* въ указанномъ положеніи. Такъ, мы всегда слышимъ: „падьвяне́*ш*ная платья“, „таба́шнай“, „ску́*ш*на“, „аһуре́*ш*най“, „свято́*ш*най“ = цвѣто́чный, „дабы́*ш*най“ = добычный (мужикъ, напр.,). Но также: „по́шта“ вм. по́чта, и обратное явленіе перехода звука *ш* въ звукъ *ч* мы видимъ въ словѣ: „раско́*ч*ьная жысь“ вмѣсто „роско́шная жизнь“ (сс. Кельцы, Корнеевое Скопин. у.). Слово „овощно́й“ по правилу произносится „авашно́й“, такъ какъ, по вышесказанному, въ рязанскомъ

нарѣчіи вообще *щ* = *шш* или *ш*. Сравни произношеніе „апри́шъ“ вм. „опри́чь“ въ Тумско́мъ краю Касимовскаго уѣзда.

Наконецъ, къ числу частныхъ признаковъ рязанскаго нарѣчія, извѣстныхъ только мѣстами, но не повсемѣстно, относится чередованіе звуковъ *ч* и *ц* и ихъ взаимная мѣна. Это явленіе извѣстно по преимуществу въ Касимовскомъ, въ Егорьевскомъ и въ Спасскомъ уѣздахъ, хотя у насъ есть основаніе для предположенія, что такое звуковое явленіе, будучи занесено въ эпоху колонизаціи Рязанскаго края сѣверными выходцами-колонистами великороссами, развилось здѣсь въ однѣхъ мѣстностяхъ болѣе, въ другихъ менѣе, но во всякомъ случаѣ нашло благопріятную почву для развитія во всей Рязанской губерніи, и предрасположеніе къ замѣнѣ звука *ч* звукомъ *ц* и обратно коренится въ самомъ рязанскомъ нарѣчіи, которому эта замѣна свойственна. Такое звуковое явленіе служитъ намъ новымъ подтвержденіемъ того положенія, что рязанское нарѣчіе, какъ таковое, не есть исконное, а сравнительно недавно образовавшееся (XV—XVI в.) изъ тѣхъ великорусскихъ и отчасти бѣлорусскихъ элементовъ, указанія на которые мы находимъ въ нынѣшнемъ рязанскомъ нарѣчіи. Большее же или меньшее развитіе той или другой звуковой особенности въ разныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи объясняется дальнѣйшей исторіей и образомъ жизни народа, поселившагося въ Рязанскомъ краю еще въ XII—XIII-мъ вѣкѣ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ (Тумскій край, Чарусъ и проч.) мы слышимъ: а*ц*арё́днай=очередной, Бы*ц*ко́вскимъ = Бычковскимъ, башма*ц*кй, бо́бы*ц*ка [1]), вили*ц*а́ють = величаютъ, ве*ц*е́рню, кры*ц*ы́ть = кричитъ, *ц*атве́рхъ, *ц*арвя́къ, це́*ц*ъ, кате́ль*ц*ыкъ = котёльчикъ, ни*ц*аво́= ничаво́, ничего, си*ц*а́съ = сейчасъ, ску*ц*а́ = скучаетъ 3 л. ед. ч. наст. вр., съ ко́хты*ц*куй = съ ко́фточкой, самау́*ц*куй = самоучкой, Васили*ц*ъ, тре*ц*ью = третью, гдѣ *ц* изъ *тъ*, срѣ́*ц*енья, срв. общерязанское срѣ́*ч*енья — выше, изъ

---

1) Игрушечка.

„срѣтенье“, хорашéнпи*ц*ка = хорошéнечко, хó*ц*ышъ — 2 л. ед. ч. = хóчешь, *ц*ытáть, *ц*ýть, *ц*атыря. Наоборотъ: авé*ч*ъ = овецъ, *ч*áрь = царь, *ч*éрковь = церковь, *ч*ѣ́пь, *ч*апó*ц*ка и *ч*апóчькя и проч. Слово *ч*ѣ́пь, *ч*апóчькя — произношеніе повсемѣстное, извѣстное во всѣхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. (Мы пишемъ „чѣ́пь“, а не „чéпь“, какъ надо было бы писать, потому, что мы видимъ въ этомъ произношеніи рязанскаго нарѣчія не другое, отдѣльное слово, а тоже самое „цѣпь“, гдѣ звукъ *ч* показываетъ лишь *способъ* произносить всякое *ц*. По отношенію къ рязанскому нарѣчію очевидно, что это слово есть то-же самое — „цѣпь“, а не сохранившееся др.-русское „чéпь“. Срв. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 129). Въ Егорьевскомъ уѣздѣ намъ извѣстны произношенія: чéрковь, овчá, чáрь, чапóчькя, цатыря, уцанúца = ученица, это означаетъ „учúтельница“, уцы́тель, уцы́лишша и уцы́лища. Въ Спасскомъ уѣздѣ (сс. Ижевское, Юшта, Терехово, Инякино, Деревенское, Иваньково, дер. Тóнино, Нефёдово и др.) слышимъ: цавó, чапóчькя, чигáнъ, чиганёнáкъ и др. Въ селеніяхъ: Ерахтурѣ, Нармушади, Куземкинѣ Касимовскаго уѣзда всегда почти звукъ *ч* замѣняется звукомъ *ц*, напр., дóцка, пéцка, цай вмѣсто дочка, печка, чай, а слово „дóцка“ еще обыкновенно переноситъ удареніе на послѣдній слогъ: „дацкá“. Въ нѣкоторыхъ селахъ Сапожковскаго уѣзда (сс. Путятино, Чýтково) также есть эта замѣна: авчá, чарь, царь, чéрковь, целовѣкъ, пéцка, цужóй. Какъ видно изъ предложеннаго обзора, занимающее насъ теперь звуковое явленіе распространено преимущественно въ сѣверо-западной половинѣ Рязанской губерніи и наблюдается, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, особенно часто въ мѣстностяхъ, населенныхъ когда-то мещерóй, мещерякáми, такъ что и селенія эти и самый край слывутъ до сихъ поръ подъ названіемъ „мещéрскихъ“ селъ и „мещéрскаго“ края, а самый мещеря́къ называется „цýрикомъ“, вѣроятно, за свое цоканье. Есть случаи такой звуковой замѣны и въ Рязанскомъ уѣздѣ (с. Спасъ-Кляпики и другія мещерскія села): поцухай = почýхай = понѣ́жь — пов. н. „пѣ́жить“, цаbó =

чаво, чего, турбацы́ть = тормошить, пицу́шка = пичу́жка, птичка, уцупи́зникъ=уполо́вникъ и др. Но что эта замѣна усвоена самимъ рязанскимъ говоромъ и, такъ сказать, лежитъ въ самомъ рязанскомъ нарѣчіи во всѣхъ его частяхъ, это видно изъ того факта, что нѣкоторыя слова съ такой замѣной произносятъ во всѣхъ уѣздахъ Рязанской губерніи [1]), напр., слово „чапо́чькя", „чѣпь" извѣстны и постоянно въ ходу и въ Скопинскомъ уѣздѣ (сс. Яблоново, Корпевое, Гремячка), и въ Ряжскомъ (с. Быково); слова „церемо́ниться" даже совсѣмъ мы не слыхали, а постоянно слышали: *ч*ирямо́нитца, также „при*ч*янда́лы". (Въ Словарѣ Даля помѣчено только Курской губерніей, и онъ пишетъ „причинда́лы", но въ Рязанской губерніи такъ не произносятъ. Словарь Ж. В. Я. s. v.). Несомнѣнно, въ былое время около нынѣшняго Рязанскаго края группировались цокающія нарѣчія русскаго языка, къ которымъ принадлежало прежде всего новгородское, псковское и полоцко-смоленское нарѣчія; суздальское нарѣчіе, составлявшее какъ-бы часть новгородскаго и жившее одною жизнью съ нимъ, въ XIV-мъ вѣкѣ цокало, на

[1]) Что рязанцы смѣшиваютъ звуки *ч* и *ц*, на это указываетъ слѣдующій интересный случай: когда я, находясь подъ впечатлѣніемъ прочитанной статьи Даля о рязанскомъ нарѣчіи (О нарѣчіяхъ. Стр. LXII), началъ толковать съ одной крестьянкой деревни Щелева Скоп. уѣзда и спросилъ ее: „Что у васъ называется цупи́зникомъ? Что значитъ: уцупизни яво цупизникомъ?" То получилъ отъ нея отвѣтъ слѣдующій, который я и записалъ: „Што тако́я *ч*упи́зникъ? Я ня знаю е́тава: у*ч*упи́зни *ч*упи́зникамъ". „Какой такой *ч*упи́зникъ"? Она хотѣла повторить слово за мной, но повторила его со звукомъ *ч* вмѣсто *ц*. Другой примѣръ: когда я былъ въ селѣ Корневомъ Скоп. уѣзда, то разговорился съ однимъ крестьяниномъ о мѣстной церкви и, слыша, что онъ называетъ ее „це́рковь", т. е. со звукомъ *ц*, а не *ч*, я замѣтилъ ему, что всегда слышалъ это слово такъ: че́рковь, а не церковь, и что онъ, вѣроятно, картавый. На это онъ мнѣ сказалъ: „и у насъ скажуть „че́ркафь"! Вѣдь, паһаво́рка-та адна́, што че́ркафь, што це́ркафь".

что мы находимъ указанія въ спискѣ Лаврентьевской лѣтописи 1377 года, гдѣ довольно часто встрѣчаемъ замѣну звуковъ *ч* и *ц*, а, какъ ближайшіе сосѣди къ Рязанскому краю, суздальцы, конечно, находились въ числѣ колонистовъ въ Рязанскомъ княжествѣ [1]). Такъ, въ Лавр. спискѣ находимъ: ци вм. чи—вопросит. частица—119. 1. (Стр. 119, столб. 1, по изданію фотолитографированному), ѡтцьство—л. 77, аци вм. ачи—союзъ, л. 132, столб. 1. Затѣмъ: ис Торцьскаго—подъ 1184 годомъ вм. ис Торчьскаго (городъ), какъ въ другихъ спискахъ; Лучьская — подъ 1185 г. вм. Луцкая, какъ въ другихъ спискахъ, и др. Вообще, надо замѣтить, что языкъ Лаврентьевскаго списка начальной лѣтописи съ фонетической стороны представляетъ замѣчательное сходство съ фонетикой рязанскаго говора, и это обстоятельство даетъ намъ право предполагать, что главнѣйшей составной частью рязанскаго нарѣчія служило нарѣчіе сѣверно- и средне-великорусское; что же касается аканья, то оно не замѣчается въ спискѣ лѣтописи потому, что языкъ ея не былъ чисто-народнымъ, а съ примѣсью церковнаго, книжнаго элемента, хотя аканье въ XIV-мъ вѣкѣ несомнѣнно уже установилось, какъ было говорено объ этомъ выше, и, развившись въ Москвѣ и около нея, перешло отсюда вмѣстѣ съ московскими выходцами въ Рязанскую землю. Такимъ образомъ колонизація Рязанскаго края, по всей вѣроятности, шла по преимуществу съ сѣвера и вносила съ собой въ языкъ мѣстнаго населенія особенности московскаго и сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Не лишено основанія мнѣніе, приводимое, но не раздѣляемое Далемъ (О нарѣчіяхъ. LXII), что на сѣверѣ Рязанской губерніи говорили прежде на *о*, т. е. óкали; мы основываемся на томъ фактѣ, что передразнивая очень старыхъ старухъ, здѣсь стараются передать ихъ слова съ произношеніемъ на *о*, говоря, что такъ говорятъ старые люди, и смѣясь надъ этимъ; а затѣмъ намъ при-

---

[1]) См. *Иловайскаго.* Исторія Рязанскаго княжества. Гл. I. Стр. 7. Пр. 5., Гл. II. Стр. 39—55. М. 1884.

шлось самимъ слышать разговоръ одной старухи изъ деревни Пронскаго уѣзда, которая произносила „молóдчикъ" и „прoo" вмѣсто „праа"=право (=въ самомъ дѣлѣ). „Сокóликъ", „подú-ка", с. Дурново Пронскаго у. Быть можетъ, сначала слѣды сѣверно-великорусскаго (или точнѣе— владимирскаго и суздальскаго) нарѣчія слышались явственнѣе, чѣмъ теперь, въ рязанскомъ говорѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя цоканье рязанскаго говора считать элементомъ не русскимъ, а мещерскимъ въ Рязанской губерніи, въ виду исконнаго цоканья сѣверно-великорусскаго нарѣчія, а слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, видѣть въ этомъ явленіи указаніе на сѣверную колонизацію Рязанскаго края. Въ свр. нарѣчіи издавна и до сихъ поръ это цоканье составляетъ отличительную черту; для примѣра достаточно обратиться къ Сборнику былинъ Гильфердинга или Рыбникова, чтобы убѣдиться въ распространенности этой звуковой замѣны *ц* и *ч*. Постоянно встрѣчающееся у Гильфердинга въ былинахъ „Илья Муроме*чъ*" (напр., былина о Дюкѣ. Столб. 1036) очень напоминаетъ рязанское выраженіе: „откуда молодечь"? — „Спасскій купечь"! Выраженіе, которымъ хотятъ обыкновенно съ шуткой указать на цоканье. Такимъ образомъ, выводы на основаніи данныхъ современнаго рязанскаго говора вполнѣ соотвѣтствуютъ выводамъ на основаніи историческихъ памятниковъ относительно состава и образованія Рязанскаго княжества, которое, подобно Суздальскому, обязано своимъ существованіемъ системѣ княжеской колонизаціи [1]) и не имѣло въ своихъ предѣлахъ никакихъ мѣстныхъ особенностей *исконнаго* рязанскаго нарѣчія, какъ части древне-русскаго языка.

Переходъ звонкихъ въ глухіе звуки. Это явленіе самое обычное во всемъ великорусскомъ языкѣ и состоитъ оно собственно въ ассимиляціи двухъ разностепенныхъ звуковъ въ зависимости отъ ихъ положенія въ словѣ и

---

[1]) См. Ук. Соч. *Иловайскаго.* Стр. 217. Выводъ I.

въ рѣчи. Рязанское нарѣчіе, строго говоря, въ этомъ отношеніи не отличается отъ прочихъ великорусскихъ нарѣчій, но представляетъ нѣкоторыя интересныя частности. По разнымъ поводамъ мы уже говорили выше о переходѣ звонкихъ въ глухіе и глухихъ въ звонкіе (напр., случаи такого перехода въ положеніи передъ гласнымъ звукомъ; сюда-же присоединимъ теперь произношеніе „*к*арапи́ть" вм. *х*оропи́ть въ сс. Ерахтурѣ, Нармушади, Куземкинѣ и друг. Касимов. уѣзда), но вообще можно сказать слѣдующее: каждый звонкій, находясь въ концѣ слова и рѣчи или въ серединѣ слова передъ глухимъ, переходитъ въ глухой. Этотъ общій законъ оказалъ вліяніе и на случаи другого положенія звонкихъ звуковъ, такъ что, благодаря этому фонетическому закону, сдѣлались возможными нѣкоторыя новообразованія по аналогіи съ тѣми формами, въ которыхъ проявленіе этого звукового закона было обязательнымъ. Напр., въ рязанскомъ нарѣчіи нерѣдко въ деревняхъ слышится названіе „һасъ" вмѣсто „караси́нъ"—керосинъ; въ словѣ „һасъ"=газъ переходъ звука *з* въ *с* обязателенъ, но мы слышимъ и въ прочихъ падежахъ съ гласными суффиксами: „һа́*с*у", „һа́*с*амъ" и пр. Наоборотъ, названіе птицы „чи́бисъ" произносится „чи́бя"съ", гдѣ гласный звукъ послѣ *б* звучитъ почти какъ *я*, во множественномъ-же числѣ постоянное произношеніе: „чибяза́", гдѣ *з* явилось подъ вліяніемъ такихъ словъ, какъ „о́бразъ"—„образа́" и т. п. Точно такъ-же: што́*ф*ъ, въ што́*ви*, шта*ва́* (с. Яблоново, Щелево, Кельцы Скоп. у.): сравни, напр., „рука́*ф*ъ"—„рука*ва́*". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается переходъ звонкаго *д* передъ звонкимъ-же *н* въ *т*, напр., пара́*т*най вм. пара́*д*ный, аһрама́*т*най вм. грома́*д*ный и нѣкр. др. Срв. въ былинѣ о Дюкѣ: „Выходили на улицу пара*т*ную" (Гильфердингъ. Онежск. был. Столб. 1074). Такой переходъ звонкихъ въ глухіе — общее правило при произношеніи звонкихъ въ концѣ слова и рѣчи — не нашелъ себѣ мѣста въ нашемъ смѣшанномъ правописаніи, но случайно прикрѣпился на письмѣ къ слову „прыть", „пры́ткій", хотя это слово въ этимологиче-

скомъ написаніи должно бы изображаться черезъ *д* вмѣсто *т*. (См. Соболевскаго. Лекціи. 2-ое изд., стр. 109. Срв. Miklosich. Etym. Wtb. s. v. prytĭ). Какъ общее правило, въ фонетикѣ рязанскаго нарѣчія наблюдается переходъ конечнаго *г* въ *х*, а не *к*, какъ въ иныхъ влр. говорахъ, напр., часто въ московскомъ. (См. Потебня. О звуковыхъ особен. рус. нар. Ф. З. 1865. I. Стр. 70). Вообще, надо замѣтить, что въ рязанскомъ нарѣчіи, измѣняющемъ *г* на *h*, конечный *г* тоже измѣняется на *h*, но по вышеизложенному закону это *h* въ концѣ слова переходитъ въ *х*, напр., Бохъ, нохъ, друхъ и проч. — Бо́hа, наhа́, дру́hа—въ родительномъ падежѣ. Такому же переходу въ *х*, хотя безъ посредствующаго звука *h*, подвергается въ рязанскомъ нарѣчіи и звукъ *к*, находясь въ извѣстномъ положеніи, какъ на это было указано выше: напр., *хъ* па́пи, *хъ* тя́ти и проч., но *къ* ма́ми, *къ* ня́ни, *h* ба́би, *къ* Ва́ськи, (сравни: *h* ва́шимъ — въ Тумскомъ кра́ю Касимовскаго уѣзда), *h* дя́ди, *h* жанѣ́, *хъ* каму́, *къ* лю́дямъ, *къ* рякѣ́; мы видимъ, что звукъ *к* остается только передъ губными-носовыми, передъ губнымъ *в* и передъ плавными-язычными; въ прочихъ случаяхъ онъ переходитъ въ *х*, который передъ звонкими слышится какъ *h* по аналогіи съ случаями, гдѣ этотъ звукъ *h* вмѣсто звука *г* передъ звонкими. Въ московскомъ нарѣчіи такой правильности нѣтъ въ этомъ отношеніи, какъ нѣтъ строгости и въ аканьѣ, что, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ рязанскомъ нарѣчіи сохранилась эта правильность, какъ-бы, въ видѣ осадковъ, которые осѣли на дно, т. е. остались въ основаніи рязанскаго нарѣчія, будучи получены въ эпоху колонизаціи края извнѣ, изъ московскаго нарѣчія и, быть можетъ, суздальскаго, начавшихъ жить и развиваться быстрѣе подъ вліяніемъ историческихъ условій и потому, быть можетъ, не сохранившихъ (по крайней мѣрѣ, можно сказать про московскій говоръ) кое-чего изъ прежнихъ особенностей. Иначе какъ себѣ объяснить произношеніе московское „Бо*х*ъ“ и „дру*х*ъ“ или „поро́*х*ъ“ (=поро́гъ), до́ро*х*ъ (=до́рогъ) и до́ро*к*ъ и род. множ. чи-

сла доро́хъ=доро́гъ. (Пословица: „Разсы́пался горо́хъ по сту доро́хъ“...). См. Лекціи Соболевскаго. 2-е изд., стр. 108. Сравни: ряз. ля*х*хо́, моск. ли^е^*х*ко́; ряз. пале́*х*шыла, моск. пале́*к*чила или пали^е^*к*ча́ла; ряз. мя́*х*ка, моск. мя́*х*ка; ряз. мя*х*чи́ть, моск. ми^е^*к*чи́ть; ряз. таваро́*х*ъ, моск. тваро́*к*ъ; ряз. тавра*h*о́мъ, моск. твараго́мъ.

Вставка и перестановка согласныхъ звуковъ. Нѣкоторые случаи вставки согласныхъ звуковъ мы видѣли выше; здѣсь мы приведемъ примѣры вставочныхъ звуковъ, оправдываемыхъ давностью и фонетикой старославянскаго языка. Къ такимъ примѣрамъ надо прежде всего отнести слово „з*д*ря́“ (Тумскій край Касимов. у.) вмѣсто „зря“, срв. старосл. **раздрѣшити, издржкы** и проч. Эта вставка звука *д* послѣ *з* и передъ *р* указываетъ, по мнѣнію Н. П. Некрасова, на физіологическую связь звука *з* съ звукомъ *д* [1]). На это же обстоятельство указываетъ и вставочный звукъ *т* послѣ *с* и передъ *р*—явленіе, встрѣчаемое и въ рязанскомъ нарѣчіи въ общеизвѣстныхъ словахъ. Напр., ряз. „с*т*рамати́тца“ вмѣсто „страми́ться“ или „срами́ться“ и др. Вѣроятно, образовано прямо отъ слова „страмата́“. Кромѣ этого явленія, отмѣтимъ еще произношеніе „бляс*к*ну́лъ“, гдѣ звукъ *к* имѣетъ этимологическое значеніе, но въ общерусскомъ языкѣ выпускается; съ указаннымъ произношеніемъ это слово извѣстно намъ также въ Тумскомъ краю Касим. у. Наконецъ общерязанское произношеніе „здаро́в*к*атца“ вмѣсто „здороваться“ представляетъ тоже вставочное *к*, но неясное по своему значенію.

Что касается перестановки согласныхъ звуковъ между собою или съ сосѣднимъ гласнымъ, то такое явленіе

---

[1]) *Н. Некрасовъ.* Очеркъ сравнит. ученія о звукахъ и формахъ др. цсл. языка. СПб. 1889. Стр. 76. Слово „здря́“ извѣстно съ такимъ-же вставочнымъ звукомъ *д* въ ярославскомъ говорѣ. См. статью А. Тихвинскаго. Особенности говора Ярославскаго уѣзда. Р. Ф. В. 1890. N 3. Стр. 51.

чаще всего встрѣчается въ сочетаніяхъ съ плавн. звукомъ, преимущественно *р.* Напр., „смардъ“ (произн. „сма́ртъ“) вмѣсто „смрадъ“ (Скоп. и друг. уѣзды), вра́ть вм. рва́ть (Касим. у. сс. Нармушадь, Куземкино и проч.), „савра́лъ“ вм. „сорва́лъ“ (Касим. у. Тумскій край) [1], „и́скрики́ми“ вм. „и́скарками“ — твор. пад. мн. ч. отъ „и́скорка“ (См. здѣсь пѣсню N 2). О другихъ случаяхъ перестановки мы говорили выше, по поводу перестановокъ гласныхъ звуковъ.

Выпаденіе согласныхъ звуковъ. Выпаденіе согласныхъ звуковъ имѣетъ, по большей части, своею цѣлью упрощеніе согласныхъ сочетаній, образовавшихся въ словѣ съ теченіемъ времени послѣ различныхъ фонетическихъ видоизмѣненій, какъ напр., послѣ исчезновенія глухихъ звуковъ. Случаи такихъ упрощеній мы видимъ, напр., въ словѣ „Ря́скъ“ вм. Ряжскъ черезъ форму *Рязскъ (см. выше о замѣнѣ звука *ж* звукомъ *з*), „въ Ря́скамъ уѣзди“, „Ря́скава прихо́ду“—род. п. ед. ч., „Бара́ка́скай“ вм. Бараковскій, „Маско́скай“ вм. Московскій и т. п. „Крёснай“ и „хрёснай“ вм. кре́стный, „нявѣ́ска“ вм. невѣстка, „ра́дась“ вм. ра́дость, „жы́сь“ и „жы́сть“ вм. жизнь. Нерѣдко видимъ выпаденіе цѣлаго слога: „кстúть“, „пирякстúть“ вмѣсто крестúть, перекрестúть [2]), „встрѣ́ла“ вм. встрѣтила, „бла́һастють“ и „бла́һистють“ вм. бла́говѣстятъ—3 л. мн. ч. наст. вр. Сюда-же относимъ произношеніе „куру́за“ вмѣсто „кукуру́за“ (Скоп. уѣздъ); впрочемъ, вмѣсто этого слова обыкновенно говорятъ „пача́токъ“, „пача́тки“ въ здѣшнемъ краю; „съ ми́намъ“ вм. съ тми́номъ, „ра́зя“ вм. „развѣ“ и проч. (См. Лекціи. Соболевскаго. 2-е изд.,

---

[1]) Такая-же перестановка согласныхъ звуковъ извѣстна въ этомъ словѣ и въ сѣв.-влр. языкѣ, напр., въ Вологодской губерніи. См. *Н. Бѣлоруссовъ.* Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. В. 1887. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. Стр. 43.

[2]) Такое-же произношеніе этого слова извѣстно и въ Вологодской губерніи. См. Ук. Соч. *Бѣлоруссова.* Стр. 42.

стр. 102—103). Выпаденіе звука *н* извѣстно въ словѣ „восемнадцать“, которое почти всегда произносится „асьма́ццать“ (напр., въ Тумскомъ краю Касим. уѣзда и въ другихъ). Выпаденіе цѣлаго слога въ словѣ „баславля́ть“ или „блаславля́ть“ объясняется прежде всего особымъ произношеніемъ звука *г* въ этомъ словѣ какъ *h*.

Твердость и мягкость согласныхъ звуковъ. Отвердѣніе первоначально мягкихъ согласныхъ и смягченіе первоначально твердыхъ началось въ языкѣ вообще очень рано: это явленіе слѣдуетъ признавать столь-же древнимъ, какъ и явленіе аналогіи въ языкѣ. Старославянскій языкъ самъ уже указываетъ намъ примѣры какъ того, такъ и другого явленія, а др.-русскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи еще большее количество случаевъ. Обыкновенно наблюдается смягченіе или отвердѣніе согласнаго звука или въ серединѣ слова или въ концѣ его. Необходимо допустить, что нѣкоторые согласные звуки въ концѣ словъ отвердѣли или, по крайней мѣрѣ, начали твердѣть еще въ эпоху общерусскаго языка и таковыми были получены изъ этой эпохи русскими нарѣчіями. Такъ, напр., конечный звукъ *м* въ падежныхъ или личныхъ окончаніяхъ произносится теперь твердо во всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчіяхъ, что̀ доказываетъ собой принадлежность этого твердаго согласнаго эпохѣ общерусской, во всякомъ случаѣ, очень древней. Звукъ *ш* въ личномъ окончаніи 2-го лица также отвердѣлъ очень рано, какъ показываютъ современныя русскія нарѣчія. (Окончанія *ши* во 2-мъ лицѣ въ русскомъ языкѣ, вѣроятно, не было). Напротивъ того, отвердѣніе звука *т* въ окончаніи 3-го лица ед. числа произошло сравнительно недавно и потому мягкое *ть*, принадлежавшее искони русскому языку въ окончаніи этой формы, еще во многихъ русскихъ нарѣчіяхъ сохранилось, не успѣвши отвердѣть, и представляетъ собой остатокъ древности. Къ числу такихъ нарѣчій принадлежитъ и рязанское изъ великорусскихъ (также—курское) и бѣлорусское, и малорусское; да вообще можно сказать, что окон-

чаніе *ть*, т. е. мягкое *т*, въ 3-мъ лицѣ ед. ч. наст. времени глаголовъ извѣстно пока еще всему русскому языку, и мѣстностей съ отвердѣвшимъ *т* въ этой формѣ пока еще меньше, чѣмъ сохраняющихъ древнюю мягкость этого звука въ указанномъ случаѣ. Къ такимъ-же недавно отвердѣвшимъ звукамъ принадлежитъ звукъ *р* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, почти неизвѣстный другимъ русскимъ нарѣчіямъ. Этотъ процессъ отвердѣнія звука *р* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи начался и завершился въ эпоху, какъ надо полагать на основаніи памятниковъ языка, отъ XIV до XVI-го столѣтія. (См. Недешевъ. Ук. Соч. Стр. 30—32). Такимъ образомъ, мы видимъ, что нѣкоторые звуки въ русскомъ языкѣ находятся еще въ процессѣ своего отвердѣнія или смягченія, еще процессъ не кончился, и можно ожидать дальнѣйшихъ измѣненій. Наблюденія надъ языкомъ уже давно показали, что возможною причиною такого отвердѣнія или смягченія согласнаго звука является положеніе этого звука въ словѣ и въ рѣчи, т. е. вліяніе сосѣднихъ звуковъ на качественное измѣненіе ихъ. Такое вліяніе слѣдующихъ звуковъ или слоговъ на предыдущіе звуки было предположено даже для эпохи старославянскаго языка, и, именно, акад. Ягичъ этимъ вліяніемъ объясняетъ такіе случаи правописанія (быть можетъ и произношенія) въ Зографскомъ Евангеліи, какъ: **ѕъдати** и **бьдѣти** или **вѣръны** и **вѣрьни** и проч. (V. Jagić. Studien über das Zographos-evangelium. Archiv für slav. Philologie. I. 53. II. 258). Несомнѣнно, что въ современномъ русскомъ языкѣ также главною причиною отвердѣнія или смягченія согласныхъ звуковъ является ихъ сосѣдство съ слѣдующими твердыми или мягкими звуками или слогами. Это наблюдается почти во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка, и этимъ объясняются случаи качественнаго измѣненія согласныхъ звуковъ и въ рязанскомъ нарѣчіи. Примѣры въ родѣ: пиръвярну́лъ, дѣ́фъки, Ма́ръфи, ша́пъки, пая́ръчитай (=поярковый, сдѣланный изъ шерсти поярка, овцы, стриженной осенью: по-я́р-ок-ъ) и проч., мы приводили выше, въ отдѣлахъ соотвѣтственныхъ смяг-

чаемыхъ согласныхъ, а потому мы, оставляя въ сторонѣ эти и подобные примѣры, обратимъ вниманіе теперь на тѣ случаи, которые составляютъ особенность рязанскаго нарѣчія. Здѣсь мы припомнимъ прежде всего, что въ рязанскомъ нарѣчіи наблюдается вообще рѣдкое явленіе — вліяніе предыдущаго, а не послѣдующаго мягкаго слога; это явленіе мы видѣли, именно, при смягченіи звука *к* подъ вліяніемъ, по крайней мѣрѣ, какъ намъ кажется, предыдущаго мягкаго слога или конечнаго звука въ предыдущемъ слогѣ; отсюда получается возможность сочетаній: -кё, -кя, -кю, встрѣчаемыхъ въ Курской губерніи, а отчасти, впрочемъ рѣдко, и въ сѣв.-влкр. нарѣчіи. (См. указ. соч. Халанскаго, Бѣлоруссова, Тихвинскаго). Кромѣ этого явленія, мѣстною особенностью рязанскаго нарѣчія, обусловленною вліяніемъ слѣдующаго слога, а не предыдущаго, какъ въ смягченіи согласнаго *к*, служитъ переходъ звука *ё* въ *е* въ настоящемъ времени глаголовъ, но такъ какъ мы разсматриваемъ теперь согласные звуки, то объ этой особенности мы упомянули только постольку, поскольку она обусловливается сосѣдствомъ съ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ или звукомъ. Такимъ образомъ, говоря вообще, въ рязанскомъ нарѣчіи извѣстны оба фактора качественныхъ измѣненій звуковъ: вліяніе предыдущаго и послѣдующаго слога на измѣняемый согласный или гласный звукъ, причемъ послѣдующій слогъ оказываетъ рѣшительное дѣйствіе и на гласный, и на согласный элементъ предыдущаго слога. (О переходѣ *ё* въ *е* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога см. ниже). Особенность рязанскаго нарѣчія состоитъ по отношенію къ разсматриваемому вопросу въ томъ, что здѣсь иногда встрѣчается смягченный или отвердѣвшій звукъ въ серединѣ или въ концѣ слова тамъ, гдѣ въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ такого явленія не наблюдается. Напр., смягченіе звуковъ *р* и *н* передъ слѣдующимъ *ц*: се́рьца, каньца́, вяньцо́мъ (=вѣнцо́мъ), къ вяньцу́ и проч. Нѣчто подобное, правда, мы видимъ и въ свр. нарѣчіи (Вологодск. губ. См. указ. соч. Бѣлоруссова. Стр. 28, 31), но здѣсь звукъ *ц* при этомъ

сохраняетъ свою мягкость, въ рязанскомъ же нарѣчіи *ц* остается твердымъ, какъ показываютъ вышеприведенные примѣры, и, несмотря на это, звуки *р* и *н* звучатъ совершенно мягко. О томъ, что въ этой мягкости звуковъ *р* и *н* сохраняется слѣдъ гласнаго *ъ* суффикса *ъц*, не можетъ быть и рѣчи: такой слѣдъ можно усматривать развѣ только въ мягкости другихъ согласныхъ, напр., *л*: палецъ—пальца и проч., а звуки *р* и *н* не представляютъ основаній для такого предположенія [1]). Явленіе, подобное рязанскому, встрѣчается еще только въ курскомъ говорѣ, какъ можно видѣть изъ пѣсенъ, собранныхъ Халанскимъ, но и въ этомъ говорѣ звукъ *ц* въ такомъ случаѣ самъ мягкій, если только транскрипція точна. (См. пѣсню Путивльскаго у. Курск. губ. N 1). Кромѣ этого смягченія, приведемъ также отдѣльныя слова съ качественнымъ измѣненіемъ согласныхъ звуковъ въ серединѣ или концѣ словъ, которыя покажутъ особенность рязанскаго произношенія. Напр., особенною склонностью къ смягченію обладаетъ звукъ *р*: му́сарь — жен. рода — вмѣсто му́соръ: „му́сарь *вся* ляжы́ть“; кама́рь -ря -рю и т. д., до́хтурь -ря -рю и т. д., до́хтурёмъ—твор. ед. (с. Свистовка Скоп. у.), дохтуря́—им. п. мн. ч. (с. Яблоново, Скоп. у.). Послѣднее слово, быть можетъ, по аналогіи съ „лѣкарь“— „лѣкаря́“, диря́ вм. дыра́, ди́рькя вм. ды́рка, нутрёмъ вм. нутро́мъ, изъ нутря́ вм. изъ нутра́, старьшына́, у старьшынѣ́, ста́рьша^ей — сравн. ст.=ста́рше; канто́ръшыкъ -ки и проч. вмѣсто конто́рщикъ, гдѣ *р* произносится въ литературномъ русскомъ языкѣ *мягко* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго звука *щ*, но въ рязанскомъ стоитъ не *щ*, а твердое *ш*, а *р* всетаки остается *мягкимъ;* абря́щикъ вм. обра́щикъ (с. Вослябово, Скоп. у.), сте́рьва—с. Яблоново, Скопин. у., чиръве́й—род. мн. ч., но чи*р*вако́фъ и чя*р*ва́къ — с. Кельцы, Скоп. у.; также: це́*р*кафь съ твердымъ *р*. Нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ представляютъ

[1]) Въ рязанскомъ-же нарѣчіи мы видимъ въ этомъ отношеніи правильность: *ста́рецъ, ста́ръца, ста́ръцы* (=нищіе) и проч.

остатки стараго смягченія звука *р* въ положеніи не передъ твердымъ зубнымъ звукомъ, а другіе представляютъ мѣстную особенность рязанскаго говора и, вѣроятно, могутъ быть объяснены какой-нибудь аналогіей [1]). Кромѣ

---

[1]) Слово „ста́ръшій" съ мягкимъ *р* произносится въ русскомъ языкѣ уже давно и не въ одномъ рязанскомъ говорѣ, а и въ московскомъ, какъ и другія слова съ мягкимъ *р* въ положеніи не передъ твердымъ зубнымъ. Написаніе: „старишимъ", встрѣчаемое во многихъ грамотахъ, напр., въ рязанской грамотѣ 1433 года: „имѣти имъ мене себѣ братомъ ста*р*ишимъ" (Собр. госуд. гр. и догов. I. N 48. Срв. N 127 и др.), объясняемъ мы себѣ, именно, тѣмъ, что въ этомъ словѣ звукъ *р* произносится мягко, такъ, какъ онъ произносится и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ, въ томъ числѣ и въ рязанскомъ. Такимъ образомъ, видно, что влр. нарѣчія обладаютъ свойствомъ смягчать звукъ *р* въ отличіе отъ блр. нарѣчія, которому единственно свойственно отвердѣніе *р*, рѣзко отличающее это послѣднее нарѣчіе отъ прочихъ нарѣчій влр. и отчасти млр. языка. Справедливо мнѣніе, что такое отвердѣніе звука *р* въ бѣлоруск. нарѣчіи объясняется, вѣроятно, близостью къ польскому языку, гдѣ мягкій *р* переходитъ по существу въ другой звукъ, принимая въ себя новый элементъ— шипящій (rz). Примѣры такого твердаго *р* въ блр. языкѣ мы видимъ не только въ языкѣ народномъ, но и въ оффиціальной литературѣ, и очень рано, съ самаго конца XIV-го вѣка, съ начала XV-го; напр., въ Грамотѣ 1469 г. князя Ивана Юрьевича читаемъ: олта*р*омъ, пономa*р*омъ; въ Грамотѣ 1499 года: к*р*ывду, напе*р*одъ; въ Грамотѣ 1507 года: всимъ в*р*адникомъ и др. Срв. въ Грамотѣ 1589 г.: у*р*адника. (См. Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ. I. М. 1824. NN 2, 3, 5, 24 и др.). И чѣмъ новѣе грамота, тѣмъ такихъ случаевъ больше въ ней встрѣчается. Въ народномъ же языкѣ это явленіе твердаго *р* можно прослѣдить, напр., хоть по пѣснямъ, изданнымъ и собраннымъ г. Шейномъ: въ Могилевской губерніи — зап*р*агай (N 57), дво*р*анинъ (N 60); въ Минской губ.: го*р*аць—3 л. мн. ч. наст. вр. (N 67), за*р*а (N 73), господа*р*ъ (N 74), к*р*аститель (N 77), мо*р*а (N 79), на той *р*эцѣ (N 86), ва*р*ыла (N 165); въ Витебской губ.: бя*р*оза ко*р*анастая (N 221), въ Гродненской губ.: п*р*асци—неопр. накл. (N 546. а.); куд*р*аво (N 471) и мн. др. (Матеріалы для изученія быта и языка р. населенія сѣв.-зап. края. Собр. *Шейномъ*. Т. I. Ч. I. СПб. 1887).

звука *р*, мы видимъ еще смягченіе и отвердѣніе звуковъ *н*, *д*: ко́ршу*нь* — с. Яблон. Скоп. у., но палы́*нъ*, твор. п. палы*но́мъ*—муж. р. (Ср. пѣсню N 14. Щигров. у. Курск. губ. у Халанскаго: „Павили́ка съ палы*но́мъ*"). Съ другой стороны мы видимъ: ты́*нь* — твор. пад. ты*нямъ* вм. ты́*нъ*, ты́*номъ*. (См. здѣсь Приложенія. Пѣсня N 10). Также: прасти*на́* вм. прастыня́ и уса*д*бы, гдѣ *д* твердое. (С. Корневое. Скоп. уѣзда).

Частные признаки рязанскаго нарѣчія. Изъ обзора фонетики рязанскаго нарѣчія мы видѣли, что нѣкоторыя особенности принадлежатъ полному составу рязанскаго говора, другія-же преимущественно извѣстнымъ мѣстностямъ. Къ частнымъ признакамъ относятся слѣдующіе: чередованіе *ч* и *ц*, переходъ *д* въ *н* передъ *н* (анна́жды, два нні́, ви́нна; и передъ *д*: андахну́ть. Срв. Потебни. О звуковыхъ особ. р. нар. Ф. З. 1865. I. Стр. 91. и Н. Бѣлоруссовъ. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губ. В. 1887. Стр. 30), окончаніе *аһо* и *оһо* въ именахъ прилагательныхъ, гдѣ *г* не перешло въ *в* (особенность вольныхъ селъ и деревень), переходъ *жд* въ *жж*: до́*шшъ* — да*жжа́*; да*жж*ала́съ и проч. вмѣсто до*жд*ала́сь (Касим. у. Тумскій край) и, наконецъ, самая важная изъ частныхъ особенностей принадлежитъ области гласныхъ звуковъ и составляетъ признакъ говора вольныхъ селъ и деревень: это, именно, отсутствіе обще-южновеликорусскаго расширенія звука *е* подъ удареніемъ передъ мягкими личными окончаніями глагола въ *ё*, гдѣ это расширеніе, конечно, не законное, а происшедшее по аналогіи съ формами, въ которыхъ звукъ ударяемый *е* стоитъ передъ твердыми личными окончаніями и потому расширяется. Но въ виду того обстоятельства, что это, такъ сказать, аналогичное расширеніе вошло въ правило, въ силу, мы и обозначили особенность говора нѣкоторыхъ мѣстностей Рязанской губерніи, какъ отсутствіе расширенія въ указанномъ положеніи звука *е*. Собственно говоря, точнѣе было бы выразиться такъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рязанскаго

говора, именно, въ вольныхъ селахъ и деревняхъ, замѣчается *сохраненіе* первоначальнаго (узкаго) ударяемаго звука *е* передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ въ формахъ глагола настоящаго времени, гдѣ въ прочихъ нарѣчіяхъ великорусскаго языка этотъ звукъ *е* расширился въ *ё* по аналогіи съ правильными формами. Такая формулировка нашего наблюденія точнѣе будетъ въ виду того, что самый законъ расширенія *е* въ *ё* въ русскомъ языкѣ формулируется слѣдующимъ образомъ: „Это расширеніе происходитъ подъ удареніемъ, передъ твердымъ согласнымъ". (Брандтъ. Лекціи по фонетикѣ р. языка. Стр. 17 и слѣд.). Такимъ образомъ, очевидно, что въ томъ случаѣ, гдѣ за звукомъ *е* не слѣдуетъ твердаго согласнаго, а мягкій, тамъ звукъ *е* не расширяется по закону фонетики, а сохраняетъ свою первоначальную узкость, свой первоначальный видъ. Вотъ это сохраненіе первоначальнаго звука *е* мы и видимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ рязанскаго говора: привязе́ть—3 л. ед. ч. (с. Городецкое, Скоп. у.), жыве́ть — ib., нясе́ть, вязе́ть, вяде́ть, дыхне́ть, падає́ть — с. Вослябово Скопин. у., тьвяте́ть — д. Пупки, Скоп. у., д. Топила Скопинск. у., бяре́ть—ib., һуде́ть—Вослябово, (=гудётъ), пляте́ть — ib., палзе́ть, быє́ть — с. Корневое, Скоп. у., тяче́ть—с. Гремячка, Скоп. у., жре́ть—с. Корневое, Скоп. у. (=жрётъ), пайде́ть, вазьме́ть — д. Побѣдинская, с. Вослябово, Скоп. у., һрызе́ть, начьне́ть, жыве́ть — с. Корневое, Скопин. у., с. Ильинское (Ильи́няцъ тожъ, по народному произношенію), Скоп. у., заряве́ть—с. Вослябово, замкне́тьца, заткне́тьца, заикне́тьца—с. Вослябово, стрясе́тьца, papаде́тьца — ib., дажде́теся — 2 л. мн. ч.—ib. и т. п. Такъ какъ въ рязанскомъ нарѣчіи сохранилось древне-русское произношеніе личнаго окончанія 3-го лица *ть* (это произношеніе единственное и повсемѣстное въ рязанскомъ говорѣ: окончанія *тъ* нѣтъ совсѣмъ), то звукъ *е* является законнымъ въ 3-мъ лицѣ ед. числа и во 2-мъ лицѣ множ. числа передъ мягкими согласными *т* въ окончаніяхъ *ть* и *те*, но сила аналогіи сказалась и въ этомъ случаѣ: тѣ-же мѣстности, гдѣ въ

указанныхъ лицахъ произносится звукъ *е* по закону, сохраняютъ этотъ звукъ *е* и въ прочихъ лицахъ при спряженіи; звукъ *е* является по аналогіи и во 2-мъ лицѣ ед. числа передъ окончаніемъ *шъ*, въ которомъ звукъ *ш* отвердѣлъ очень рано, и потому слѣдовало-бы звуку *е* расшириться въ *ё*, и въ 1-мъ лицѣ множ. числа, гдѣ окончаніе *мъ* съ твердымъ согласнымъ *м*. Такимъ образомъ, мы находимъ: привязе́шъ — 2 л., приде́шъ, вазьме́шъ, падажме́шъ, на́йдешъ (съ переносомъ ударенія на представку)—с. Вослябово, бяре́шъ, ашыбе́сьси (гдѣ *е* собственно правильно), напряде́шъ; привязе́мъ — 1 л. мн. ч., с. Вослябово; жыве́мъ, вазьме́мъ, бье́мса, пяке́мъ = печемъ, гдѣ *к* изъ 1-го лица ед. числа: пяку́; бяре́мъ, и́демъ (съ переносомъ ударенія на корень) — с. Кремлево, Скоп. у., на́йдемъ—тоже, ibid., при́демъ—тоже, с. Вослябово. Всѣ эти примѣры взяты изъ Скопинскаго уѣзда, но, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, это же явленіе наблюдается съ такою-же послѣдовательностью и въ другихъ уѣздахъ, напр., въ Данковскомъ уѣздѣ, въ Спасскомъ уѣздѣ, въ Пронскомъ, Ряжскомъ, Михайловскомъ и другихъ. Подобное явленіе мы встрѣтили еще въ говорѣ Курской губерніи, какъ намъ сообщилъ объ этомъ тамошній учитель, преподаватель мѣстной гимназіи, М. В. Куклинъ, которому приносимъ здѣсь свою благодарность за сообщеніе, но онъ замѣчаетъ въ своемъ сообщеніи только о 2-мъ лицѣ ед. числа и приводитъ примѣръ—иде́шъ; но изъ трудовъ Халанскаго мы знаемъ, что это явленіе извѣстно и въ Курской губерніи, въ Обоянскомъ и Суджанскомъ уѣздахъ, напр., въ пѣсняхъ: пашле́ть — N 1, бъе́ть — ib. и друг. (Свѣд. и Зам. о говорахъ р. языка. III. Саяны. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В.). Но всетаки строгой послѣдовательности здѣсь не замѣчается, и примѣровъ вообще очень мало; быть можетъ, это надо приписать неточности транскрипціи. Причины такого сохраненія первоначальнаго звука *е* въ мѣстностяхъ рязанскаго говора очень должны быть интересны, и мы старались себѣ ихъ уяснить въ Введеніи къ настоящему труду (см. выше). По нашему мнѣнію,

многія черты древности русскаго говора сохранились, именно, въ вольныхъ селахъ и деревняхъ Рязанской губерніи, такъ какъ послѣднія были всегда отдѣлены и естественными и культурными условіями отъ процесса литературнаго развитія языка и, не приходя почти въ столкновеніе съ элементами, развившимися въ русскомъ языкѣ книжнымъ путемъ, дольше другихъ сохраняли и сохраняютъ живыя силы русскаго языка, т. е. тотъ внутренній духъ, который скрывается въ самомъ языкѣ. Наши наблюденія и справки относительно вольныхъ селъ и деревень Рязанской губерніи подтверждаютъ наше предположеніе и тѣмъ обстоятельствомъ, извѣстнымъ самимъ мѣстнымъ жителямъ Рязанской губерніи, что въ таковыхъ селахъ и деревняхъ до сихъ поръ еще живутъ особые обычаи, обряды и даже одежды, которые уже выходятъ изъ употребленія или даже вышли въ барскихъ селахъ, деревняхъ и городахъ Рязанской губерніи. Такимъ образомъ, намъ кажется, въ языкѣ Рязанской губерніи нужно признать элементы различныхъ эпохъ, различной давности и пришлые изъ различныхъ русскихъ губерній или мѣстъ въ эпоху колонизаціи; несомнѣнно, что нѣкоторые элементы получили и свое мѣстное развитіе и составили современную особенность рязанскаго говора, какъ мы видѣли выше.

Точки соприкосновенія рязанскаго говора съ другими русскими говорами оказываются слѣдующія: по своему аканью, произношенію звука *г*, окончанію *тъ* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ, чередованію звуковъ *в* и *у*, произношенію звука *ф* и взаимной мѣнѣ звуковъ *ц* и *ч* рязанскій говоръ близко стоитъ къ бѣлорусскому, причемъ послѣдняя фонетическая особенность должна быть признана существовавшей нѣкогда въ говорахъ, сосѣднихъ съ чисто-бѣлорусскими (см. Соболевскаго. Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. Стр. 2, 14, 15, 17); какъ показываютъ памятники письменности, древній говоръ смоленско-полоцкихъ кривичей былъ промежуточнымъ звеномъ между говорами сѣверныхъ кривичей (Новгородъ-Псковъ), съ одной стороны, и дреговичей, предковъ

нынѣшняго бѣлорусскаго нарѣчія, съ другой. По исторіи извѣстно, что рязанскій край населялся колонистами съ сѣвера и юго-запада; такимъ образомъ, мѣна звуковъ *ч* и *ц* могла осѣсться въ рязанскомъ нарѣчіи, какъ результатъ двусторонняго теченія съ запада и сѣвера въ рязанскій край, а чередованіе звуковъ *в* и *у* въ рязанскомъ нарѣчіи доказываетъ собой, что западная струя была болѣе широкой и могла нести съ собой свои элементы уже съ XIII-го вѣка, вѣка кипучаго колонизаціоннаго движенія въ рязанскомъ краю, благодаря политикѣ рязанскихъ князей. Само собой разумѣется, что развившаяся въ историческое время мѣна звуковъ *в* и *у* въ новгородскомъ нарѣчіи могла и въ рязанскомъ нарѣчіи развиться впослѣдствіи и придти съ сѣвера, но за неимѣніемъ данныхъ мы этого вопроса точно рѣшить не можемъ, а противъ того предположенія, что рязанскій говоръ долженъ былъ складываться и получать готовыми извнѣ тѣ зерна, которыя съ теченіемъ времени лишь развивались, въ эпоху заселенія края, высказаться рѣшительно также трудно. Думаемъ, что еслибы мѣна *в* и *у*, а также чередованіе *ц* и *ч* въ рязанскомъ нарѣчіи были явленіемъ новымъ, развившимся недавно, то какъ одно, такъ и другое фонетическое явленіе было бы распространеннымъ, а не отживающимъ и спорадическимъ, равно какъ и оканье, жалкіе слѣды котораго слышатся кое-гдѣ изъ старыхъ устъ въ рязанскомъ нарѣчіи, на этомъ самомъ основаніи и безспорно не можетъ быть признано принесеннымъ недавно или зародившимся въ недавнее время. Съ сѣверно-великорусскимъ рязанское нарѣчіе, конечно, тоже имѣетъ много точекъ соприкосновенія: мѣна *ч* и *ц*, переходъ *в* и *у* взаимный, опущеніе окончанія *ть* въ глаголѣ, случаи произношенія *ѣ* какъ *и*, чередованіе звуковъ *ф* и *х*, щоканье (Черновецкій уѣздъ Новгородской губерніи), произношеніе ударяемаго *я* какъ *е*, *щ* какъ *шш*, умягченіе звука *к* въ разсмотрѣнныхъ выше положеніяхъ, умягченіе звуковъ *р* и *н*, переходъ *д* въ *н*, наконецъ,— различные случаи морфологическаго характера (смѣшеніе падежей: у сястрѣ, отъ

жанѣ; род. падежъ множ. ч. именъ ж. р. на *овъ*: картинковъ, подушковъ, комнатовъ и нѣкр. друг.). Всѣ эти особенности мы находимъ въ говорѣ или новгородскомъ, или суздальскомъ, шуйскомъ, вологодскомъ, тверскомъ, торжковскомъ, ржевскомъ, псковскомъ, устюжскомъ, муромскомъ, олонецкомъ, костромскомъ, вятскомъ и нѣкр. другихъ. (См. статью *Даля*. О нарѣчіяхъ р. языка. *Колосова*. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области свр. нарѣчія. Первые два отчета Отдѣленію р. языка и словесности. СПб. 1876. Стр. 17 et passim. Указ. соч. *Бѣлоруссова* о Вологодскомъ нарѣчіи. Стр. 17, 22—24, 26 - 28, 30, 31, 37, 39, 40, 42. *Гильфердинга* Он. был. и *Рыбникова* Пѣсни. Passim.).

Такимъ образомъ, мы видѣли, что почти всѣ элементы нынѣшняго рязанскаго нарѣчія находятся порознь въ прочихъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, но то обстоятельство, что въ рязанскомъ нарѣчіи эти элементы находятся вмѣстѣ и смѣшаны, есть очень интересный фактъ и даетъ намъ нѣкоторый матеріалъ для предположенія относительно первоначальнаго состава населенія рязанскаго края и отношенія рязанскаго нарѣчія къ прочимъ нарѣчіямъ русскаго языка на западѣ и сѣверѣ.

МОРФОЛОГІЯ.

Членъ. Прежде всего въ рязанскомъ нарѣчіи обращаетъ на себя вниманіе членъ, который присутствуетъ совершенно замѣтно въ говорѣ и особенно прозраченъ при именахъ существительныхъ женскаго рода, принимая постоянно окончаніе стоящаго передъ нимъ имени существительнаго. Такъ, напр., ћли́на-та, ћли́ны-ты, ћли́ни-ты, ћли́ну-ту, ћли́най-та, въ ћли́ни-ты. Или: въ ла́фьки-ты, ла́фьку-ту; де́ньћи-ты, „въ кра́йнимъ до́ми-ты, въ харошымъ-та“; „въ друћу́я по́ћу-ту“ (с. Кремлево, Скоп. у.); до́ски-ты и проч. Такъ-же измѣняется членъ и въ томъ случаѣ, если онъ присоединяется не къ имени существительному, а къ другой части рѣчи: къ имени прилагательному или къ прош. времени глагола; напр., „до́ски-ты, высо́кији-ты“, „ѣ́хали-ты“ и проч. При именахъ мужескаго рода, насколько мы замѣтили, такого правильнаго измѣненія члена нѣтъ, а большею частью онъ остается въ неизмѣняемой формѣ—*та*; но въ формахъ, имѣющихъ окончаніе *ы* или *и* (изъ *ъ* или изъ *и*), а равно и во множественномъ числѣ съ такимъ окончаніемъ членъ принимаетъ форму—*ты*: въ ћо́ради-ты, въ по́ли-ты, дѣ́фьки-ты, ба́бы-ты, мужики́-ты и т. п. Такимъ образомъ, членъ въ русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, въ великорусскомъ еще живетъ и, если не въ полной силѣ, то всетаки съ достаточной энер-

гіей. (Срв. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 203 – 204, гдѣ сказано только про свр. говоръ).

Родъ. Вслѣдствіе фонетическихъ причинъ, именно, строгаго аканья въ рязанскомъ нарѣчіи почти совершенно исчезъ средній родъ, и его признаки теперь слышатся довольно рѣдко въ просторѣчіи. Процессъ этотъ прежде всего охватилъ тѣ имена существительныя, которыя оканчивались на безударное *о* или *е*, произносившіяся, какъ *а* или *я*; такимъ образомъ, естественнымъ путемъ эти имена переходили въ женскій родъ въ именительномъ падежѣ. Отсюда вытекала необходимость ставить при такихъ именахъ существительныхъ и прилагательныя части рѣчи въ женскомъ родѣ. Такъ, мы постоянно слышимъ: кра́сная пла́тья, бѣ́лая плате́ньца, го́рькая ма́сла, жа́ркая лѣ́та и проч. Сила аналогіи сказалась въ употребленіи именъ прилагательныхъ и мѣстоименій женскаго рода при такихъ существительныхъ и въ томъ случаѣ, когда прилагательныя или мѣстоименія имѣли удареніе на родовомъ окончаніи. Напр., худа́я вядро́, вся́ лѣ́та, святна́я пла́тья, бальша́я акно́, така́я вино́, адна́ палѣ́на, чья́ по́ля и пр. Правда, что при склоненіи обнаруживаются нерѣдко падежныя окончанія средняго (мужескаго) рода, но это далеко не всегда: напротивъ того, часто склоненіе прилагательныхъ или мѣстоименій естественнымъ путемъ принимаетъ женскія падежныя окончанія: таку́ю вино́, пьють јее́ (вино), э́ту вино́, „ма́сла вся́ ко́нчиласъ, ана́ ушъ испо́ртиласъ", „выбралъ любу́я, э́ту пла́тья", всю́ лѣ́та, „падъ мали́навай адя́лай" и т. п.

Рядомъ съ этимъ явленіемъ перехода именъ средняго рода въ женскій замѣчается употребленіе именъ женскаго рода въ мужескомъ; это, большею частью, бываетъ въ томъ случаѣ, если родовыя окончанія мужескаго и женскаго рода одинаковы, т. е. въ именахъ съ окончаніемъ имен. пад. на *ъ*: такъ, слово „мы́шъ" всегда мужескаго рода: „какой большо́й мы́шъ", „ска́терть" также употребительно въ муж. родѣ. Отдѣльно отмѣтимъ слова: „о́б-

лакъ" — муж. р. — „о́блакъ нибальшо́й", „за о́блакъ зашла́"; „сту́ла" вм. „стулъ" (вѣроятно, средняго рода — „сту́ло"), „сяку́нтъ" вм. секу́нда: „въ одинъ сяку́нтъ"; „ти́ђра"—жен. рода вмѣсто „ти́гръ" и нѣкот. друг., напр., болѣзнь—„корь"—муж. рода и проч.

Склоненіе. Имя существительное. Въ склоненіи именъ существительныхъ мужескаго рода не представляется рѣзкихъ особенностей, за исключеніемъ того, что особенно часто и охотно употребляются окончанія *у* въ родительномъ и предложномъ падежахъ ед. числа вмѣсто *а* и *ѣ*: Баћавленскава прихо́ду, изъ ђо́раду; въ пяску́, па коню́, па сто́лику [1]) на ма́линькимъ, въ корю́, на дьячькю́; даже иногда и въ среднемъ родѣ: „въ ка́жнамъ акну́". Въ этомъ падежѣ вообще замѣчается удареніе па падежномъ окончаніи, хотя намъ встрѣтилась и форма „въ Ильи́ньцу" (Вослябово) вмѣсто „въ Ильи́нцѣ", отъ названія села „Ильи́пяцъ" (по-народному, вм. „Ильинское"). Рядомъ съ этимъ явленіемъ замѣчается склонность употреблять въ именит. п. множ. числа отъ именъ муж. рода этого-же склоненія (съ основой на ă°—о—ъ) окончаніе *а* съ удареніемъ на немъ: што́фъ—штава́, возъ—ваза́ (формы „возы́" мы ни разу не слыхали). Обычнымъ окончаніемъ для всѣхъ разновидностей именъ этого склоненія въ род. падежѣ множ. числа служитъ окончаніе *овъ* и *евъ;* это окончаніе господствуетъ до такой степени, что почти постоянно употребляется даже въ род. падежѣ множ. числа отъ именъ женскаго рода на *а* (*я*). Окончаніе же *ъ* въ род. падежѣ множ. числа именъ муж. рода на *ъ* (*ь*) или окончаніе *ей* этого-же падежа крайне рѣдки. Такъ, напр., постоянно слышится съ окончаніемъ *ъ* въ родит. множ. числа только слово „зубъ", отъ котораго форма

---

[1]) Такія формы мы встрѣчали вообще очень рѣдко, и онѣ объясняются, вѣроятно, аналогіей. Напр., данная форма „на сто́лику" быть можетъ употреблена по аналогіи съ формой „на столу́", которая слышится часто.

„зубовъ“ совершенно не употребляется, а всегда: „пѣтъ зубъ“, „безъ зубъ“, „трёхъ зубъ“ и проч. Слово „глазъ“ допускаетъ въ род. п. мн. числа двоякую форму въ живомъ употребленіи: глазо́въ и глазъ. Напр., „ка́рта апъ трёхъ һла́съ“=тройка. Ср. ниже объ управленіи предлога „объ“: „абъ дяло́въ“. Замѣтимъ также род. мн. числа: „для во́ласъ“ вм. „для воло́съ“, хотя есть и „во́лосо́въ“. Обыкновенно же употребляется, какъ сказано, окончаніе *овъ* и *евъ*: „һрачо́фъ“—род. п. мн. ч. отъ „грачъ“, „спаси́телефъ“—род. п. мн. ч. отъ слова „спаси́тель“. (Кстати сказать, слово „спаси́тель“ въ деревняхъ служитъ названіемъ для церковной хоругви: „спаси́теляᵉфъ пясу́ть“= хоругви несутъ); һо́стяᵉфъ или го́стяфъ — род. п. мн. ч. отъ слова „гость“: „по́ня һо́стяфъ у насъ ня бу́дя“; салда́тафъ, арши́нафъ и проч. Это-же окончаніе употребительно и при именахъ существительныхъ, образованныхъ съ окончаніемъ имепит. падежа множ. числа для именъ собирательныхъ: тарака́нья (формы „тарака́ны“ нѣтъ)—тарака́ньяфъ, а также въ именахъ средняго рода на *о* (*е*): һнѐздафъ—род. мн. отъ „гнѣздо́“, сѐлафъ—род. мн. отъ „село́“, бѐрнафъ“ — род. мн. ч. отъ слова „бярно́“, употребляемаго обыкновенно вмѣсто слова „бревно́“; родит. падежъ множ. числа „бёрянъ“ намъ приходилось слышать, но рѣже. Наоборотъ, имен. падежъ множ. числа отъ именъ средн. рода на *о* (*е*), въ силу аканья, постоянно имѣетъ окончаніе *ы*, если оно безударное, и въ этомъ сходится съ этимологическимъ окончаніемъ именъ муж. рода: о́кны, һнёзды, сёлы, ко́льцы и проч. (какъ и въ Москвѣ). Замѣтимъ еще им. падежи множ. числа: проса́, овсы́, ржи́, сѣмя́ и конопи́ отъ словъ: просо, овесъ, рожь, сѣмя и конопля, которое рѣдко употребляется въ ед. числѣ въ этой формѣ.

Въ именахъ существительныхъ женск. рода на *а* (*я*) обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, три особенности: употребленіе родительнаго падежа ед. числа съ окончаніемъ современнаго дательнаго падежа — *ѣ* (въ слогѣ послѣ ударяемаго звучитъ, какъ *и*), родительный

падежъ множ. числа на *-овъ* и *-евъ* по аналогіи съ именами муж. рода, и творит. падежъ множ. числа съ окончаніемъ *-ими* вм. *-ами* и *-ями*, преимущественно послѣ задне-небныхъ звуковъ *г, к, х.* Прежде всего насъ поражаетъ въ рязанскомъ нарѣчіи строго выдержанное употребленіе въ род. пад. ед. числа отъ именъ сущ. женскаго рода на *а* (*я*) окончаніе *ѣ* (*и*); это употребленіе повсемѣстное и такъ укоренилось, что формы на *ѣ* (*и*) въ род. падежѣ слышишь не только въ селахъ и деревняхъ, но и въ городахъ, и часто отъ лицъ грамотныхъ и образованныхъ. Такъ, напр., у сястрѣ́, у стянѣ́, у казѣ́, „бáюсь казѣ́" (д. Щелево, Скоп. у.), „атъ зямлѣ́ не видáть", „съ травѣ́ пыль абмачи́ла", у старьшынѣ́, съ адно́й старанѣ́, у лисѣ́, атъ вадѣ́, у вдавѣ́, атъ жанѣ́ и т. п. Если съ этими формами мы сравнимъ слѣдующія: у нявѣ́сти, безъ шля́пи, у Мáрьфи, у Надéжди Ивáновни, у Стипани́ди, „Матрéни нѣ́ту", „о́коло Ту́ли", у Аграфéни Яһо́ровни, у Мико́ли, у пáпи, атъ мáми, атъ лáмьпи, у ку́кли, у стáрасти (= у стáросты), съ рабо́ти, для скоти́ни и проч., то обнаружится, что въ послѣднихъ формахъ, гдѣ слышится въ род. падежѣ ед. числа на концѣ *и*, это *и* произошло изъ *ѣ*, стоящаго въ слогѣ безъ ударенія.

Трудно предположить, чтобы рязанскій говоръ оказался въ этомъ отношеніи архаичнѣе другихъ и сохранилъ въ падежномъ окончаніи именъ сущ. съ основой на $\bar{a}$ съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или j рефлексъ старославянскаго ѧ, т. е. древне-русское *ѣ*, но несомнѣнно, что въ древне-русскомъ-то языкѣ эти формы на *ѣ* должны быть объясняемы изъ основныхъ на ѧ = $\bar{a}n+s$ въ родительномъ падежѣ [1]). Формы такія, какъ „съ

[1]) Собственно говоря, эта форма и это окончаніе принадлежитъ не родительному падежу ед. числа, а винительному множественнаго, откуда оно перешло сначала въ именит. множ. ч., а затѣмъ въ родит. единств. числа для избѣжанія совпаденія формъ различнаго значенія. См. Ф. Ѳ. Фортунатова. Лекціи по сравнит. склоненію. Изд. 1884—5 г. Стр. 255, 257, а также 244—245.

высотѣ" извѣстны русскому языку уже съ XI-го вѣка (Минея 1096 г., стр. 64) и должны объясняться вліяніемъ формъ мягкаго склоненія, гдѣ родительный падежъ имѣлъ окончаніе *ѣ*. Вопросъ этотъ былъ подробно разсмотрѣнъ и обсужденъ проф. Соболевскимъ въ сочиненіи: „Изслѣдованія въ области русской грамматики" (Варшава. 1881. Стр. 1—40). Что касается современнаго рязанскаго нарѣчія, то мы объясняемъ себѣ эту морфологическую особенность въ немъ не слѣдствіемъ его архаичности вообще, не тѣмъ, что, именно, въ рязанскомъ нарѣчіи живетъ остатокъ глубокой старины — древне-русское *ѣ* изъ ѧ въ род. падежѣ ед. числа именъ женскаго рода на *а* (*я*), а, такъ сказать, повторившимся, вторичнымъ процессомъ аналогіи слѣдующаго рода: всѣ имена женскаго рода, принадлежащія этому склоненію, мягкаго различія, а также и тѣ, которыя стали таковыми въ рязанскомъ нарѣчіи вслѣдствіе особенности послѣдняго умягчать звукъ *к*, стоящій послѣ мягкаго согласнаго или j, если только они не имѣли ударенія на падежномъ суффиксѣ, представляли въ дат. и родит. падежахъ ед. числа формы, тождественныя въ звуковомъ отношеніи, такъ какъ *ѣ* въ слогѣ послѣ ударяемаго произносится въ падежныхъ суффиксахъ всегда, какъ *и* (см. Фонетику). Такимъ образомъ, получается звуковое тождество формъ: „по во́ли" и „безъ во́ли", „къ ба́ни" и „у ба́ни", „къ Ва́ни" и „безъ Ва́ни", „къ пе́чки" и „у пе́чки", „къ скаме́йки" и „у скаме́йки", „къ тя́ти" и „у тя́ти" и проч. Съ другой стороны, исконное тождество разсматриваемыхъ формъ въ именахъ женскаго рода съ основой на ъ (ĭ), какъ: ко́сти, но́чи, ло́шади, две́ри въ род. и дат. падежахъ ед. числа — таковымъ же осталось и въ нынѣшнемъ рязанскомъ нарѣчіи. Эти два обстоятельства, по нашему мнѣнію, оказали вліяніе и на тѣ имена женскаго рода мягкаго различія, которыя имѣли удареніе на падежномъ суффиксѣ, какъ напр.: земля́ — дат. землѣ́ и родит. сдѣлался: землѣ́, а ужъ отсюда аналогія коснулась и именъ женскаго рода твердаго различія, сперва съ безударнымъ окончаніемъ, а затѣмъ и съ ударяемымъ: у ма́-

ни, у Матре́ни; а затѣмъ: у водѣ́, отъ жанѣ́, у сястрѣ́, у казѣ́ и проч. Такимъ образомъ, былъ процессъ слѣдующій: уже съ XIV-го вѣка (когда вообще развилось аканье) въ произношеніи безударный падежный суффиксъ *ѣ* смѣшался съ *и*, эта звуковая причина повлекла за собой морфологическія новообразованія по аналогіи, которая получила широкое развитіе въ склоненіи именъ женскаго рода на *а*. Собственно говоря, въ этомъ морфологическомъ явленіи конечной причиной служитъ фонетическая особенность акающихъ говоровъ. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, сильнѣйшимъ падежомъ оказался дательный, отъ котораго и распространилось вліяніе на родительный, быть можетъ, оттого, что дательный, въ свою очередь, былъ сходенъ также съ предложнымъ падежомъ въ этомъ склоненіи женскаго рода, и потому болѣе употребительное окончаніе оказало перевѣсъ. Стало быть, въ рязанскомъ нарѣчіи формы: у водѣ́, у жанѣ́, у сястрѣ́ и проч. образовались не непосредственно отъ вліянія формъ — зямлѣ́ и т. п., а черезъ посредство формъ съ неударяемымъ окончаніемъ, такъ какъ сама форма—зямлѣ́ обязана своимъ существованіемъ формамъ: волѣ́(и), банѣ́(и), вишнѣ́(и) и проч. Дательный и родительный типа „во́ли“ и дательный типа „Матре́ни“ повліяли на родительный „Матре́ны“, откуда и произошелъ потомъ родительный „Матре́ни“. А мягкія основы съ удареніемъ не на падежномъ суффиксѣ повліяли на мягкія основы съ удареніемъ на падежномъ суффиксѣ, откуда получилось, какъ „во́ли“ въ род. и дат. п., такъ и „зямлѣ́“ — род. и дат. п. Твердыя основы съ удареніемъ не на падежномъ суффиксѣ повліяли на твердыя основы съ удареніемъ на падежномъ суффиксѣ, откуда получилось какъ „Матре́ни“ въ род. и дат. падежахъ, такъ и „жанѣ́“ въ род. и дат. падежахъ. Во всякомъ случаѣ всѣ эти формы сводятся къ древне-русскимъ формамъ родительнаго падежа ед. числа на *ѣ* въ именахъ женскаго рода съ основой на *а* мягкаго различія, такъ какъ это окончаніе *ѣ* есть древнѣйшее окончаніе народнаго русскаго языка. (См. Соболевскаго. Лекціи.

2-е изд., стр. 134). Если бы здѣсь дѣло шло не о рязанскомъ нарѣчіи, то, конечно, весь вопросъ сводился бы къ смѣшенію твердыхъ и мягкихъ основъ женскаго рода и къ вліянію мягкихъ основъ на *а* на твердыя основы. Несомнѣнно, что рязанскій говоръ въ этомъ отношеніи представляетъ намъ интересный образецъ и доказываетъ, что формы род. падежа на *ѣ* не исчезли изъ живого русскаго языка, тѣмъ болѣе, что въ рязанскомъ нарѣчіи другихъ формъ, кромѣ вышеназванныхъ и подобныхъ имъ, не существуетъ: обыкновенныхъ литературныхъ формъ род. падежа ед. ч. женскаго рода на *ы* или *и* (ударяемыя) нѣтъ.

Такимъ образомъ, предложеннымъ разборомъ женскаго склоненія вносится нѣкоторая поправка въ изслѣдованіе проф. Соболевскаго о русской грамматикѣ (В. 1881. Стр. 33), гдѣ онъ говоритъ, что „формы на *ѣ* вмѣсто *ы* въ современныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *мало извѣстны*" [1]).

Что касается родительнаго падежа множ. числа именъ этого склоненія, то почти единственнымъ окончаніемъ его служитъ окончаніе *овъ* и *евъ*, перешедшее сюда изъ именъ мужескаго склоненія, которое, какъ сказано выше, охотно пользуется въ рязанскомъ нарѣчіи флексіями утратившагося склоненія съ основой на й (ъ). Такъ, напр. мы постоянно слышимъ: ко́мнатафъ, де́ньгафъ, пу́шкафъ (имен. ед. пу́шка), ле́нтафъ, барано́фъ (им. ед. борона́), рю́мкафъ (им. ед. рю́мка), лю́лькёᵃфъ (им. ед. лю́лькя), пе́чькёᵃфъ (им. ед. пе́чькя), пѣсняфъ, пла́тьяфъ (им. ед. пла́тья), пасте́ляфъ (им. ед. посте́ля) и проч. А также: ча́шкафъ, ва-

[1]) Впрочемъ, проф. Соболевскій здѣсь-же оговаривается въ скобкахъ, что малоизвѣстность этого явленія слѣдуетъ, можетъ быть, приписать небрежности, съ которой записываются у насъ произведенія народнаго слова. Однако, сравни у того-же Соболевскаго (Лекціи. 2-е изд. 1891 г., стр. 167), черезъ десять лѣтъ повторяется то-же утвержденіе о небольшомъ количествѣ формъ род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* въ современномъ русскомъ языкѣ.

ро́нафъ, ђа́лкафъ, вѣ́дьмафъ, дѣ́вкафъ (им. ед. дѣ́вка), западнё́въ, мущи́нафъ, куха́ркафъ, ку́хняфъ, карто́шкафъ, кало́шафъ, ка́ртафъ и пр. Замѣчательна также форма „господо́въ“ (гаспадо́фъ) вм. госпо́дъ (Журавинка, Скопин. у.) и „сѣмяно́въ“—ib. въ муж. и ср. р.

Выше, въ отдѣлѣ фонетики, мы вскользь упомянули, что такія формы извѣстны не въ одномъ рязанскомъ нарѣчіи: ихъ мы находимъ, напр., въ тверскомъ нарѣчіи, въ старицкомъ нарѣчіи, въ колязинскомъ и отчасти въ псковскомъ говорѣ [1]).

Наконецъ, къ этому же склоненію, а равно и къ мужескому и среднему, принадлежитъ третья особенность, рѣзко подмѣчаемая въ рязанскомъ говорѣ, именно, окончаніе *ими* вм. *ами* въ творит. падежѣ множ. числа, преимущественно послѣ звуковъ *г*, *к*, *х*. Эта особенность, вѣроятно, фонетическаго происхожденія, хотя можно думать и объ аналогіи съ прилагательными, такъ какъ звукъ *а* (*я*) фонетически не переходитъ обыкновенно въ *и*, кромѣ случаевъ, указанныхъ выше, въ отдѣлѣ фонетики. Такъ, мы слышимъ: свя́ткими, де́ньгими, бу́лкими, бара́шками, „дорога устлана вё́шкими“ (=вѣшками, отъ сл. „вѣха“; срв. нё́бо вм. небо въ значеніи coelum), була́вькими, ни́ткими,

---

[1]) Нѣсколько странно, что среди богатыхъ примѣчаній, которыми дополнена „Сравнительная морфологія“ Миклошича въ переводѣ Н. Шлякова подъ редакціей проф. Р. Ѳ. Брандта, нигдѣ не упомянуто объ этихъ формахъ родит. падежа множ. числа именъ женскаго рода на *овъ* и *евъ*. См. Сравнит. Морфологію Миклошича. Русскій переводъ подъ ред. Р. Брандта. Вып. III. М. 1886. Стр. 404—422. Кстати замѣтить, что родительнаго падежа „со́лнцевъ“ мы сами также не слышали, но въ рязанскомъ говорѣ скажутъ не иначе, какъ „со́ньцафъ“. (См. ук. соч. Миклошича. Стр. 418, пр. 1). На это явленіе мы не нашли указанія также въ трудѣ проф. Соболевскаго „Лекціи по исторіи рус. языка“ ни въ 1-мъ, ни во 2-мъ изданіи. Срв. Колосова „Обзоръ звук. и форм. особенностей нар. рус. языка“. В. 1878. Стр. 215—216, а также статью Даля „О нарѣчіяхъ р. языка“. Стр. XLVII—XLVIII и др.

соба́ками, лавьками, кесё́мьками, абшы́вьками, ша́йками, падако́ньниками, зу́бками, колоко́льчиками, па́лками, ро́жками, вяза́нками, по́жками, ко́шками, кре́спиками и друг., но также мы слышали и я́йцыми, пе́рьими, сту́льими и проч., гдѣ это окончаніе стоитъ не послѣ гортанныхъ звуковъ. Надо замѣтить, что оно вообще распространено, но особенно бросается въ глаза въ положеніи послѣ гортанныхъ звуковъ. (Срв. Колосова. Замѣтки о языкѣ.... въ области свр. нарѣчія. Отчетъ 4-й. СПб. 1877. Стр. 24. Муромское нарѣчіе). Иногда и въ дат. пад. множ. числа вмѣсто окончанія *амъ, ямъ* слышится окончаніе *имъ* или *ъмъ*. Напр., въ Касим. у. слышимъ: „па уго́дь*имъ*-та нашимъ" и т. п. Иногда творит. падежъ множ. числа отъ именъ этого склоненія имѣетъ окончаніе -*ми* по аналогіи съ именами женскаго рода на ъ (основа на ĭ); напр., душми́ вм. душа́ми, какъ лошадьми́, дверьми́ и т. п. Въ рязанскомъ нарѣчіи вообще такихъ примѣровъ не много, и всѣ они имѣютъ удареніе на падежномъ окончаніи, напр., слезми́ и проч., а потому, кажется, могутъ быть объясняемы единственно аналогіей съ именами склоненія на ъ женскаго рода [1]). Въ склоненіи съ основой на ĭ (ъ) женскаго рода замѣчается также особенность въ предложномъ падежѣ единственнаго числа, особенность, уже засвидѣтельствованная памятниками др.-русскаго языка, — это, именно, *смѣшеніе основъ*, т. е. окончаніе *ѣ* въ предложномъ падежѣ вмѣсто *и* по аналогіи со склоненіемъ основъ на *а* (*я*) женскаго рода. Это *ѣ* въ рязанскомъ нарѣчіи носитъ на себѣ всегда удареніе, а формъ, нынѣ употребительныхъ въ литературномъ языкѣ, не встрѣчается. Напр., всегда говорятъ: на дварѣ́, на пачѣ́, въ (по) һрязѣ́, на

---

[1]) О выпущеніи гласнаго звука передъ окончаніемъ -*ми* едвали можно думать, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ рязанскому нарѣчію, такъ какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣтъ причины къ такому выпущенію. Срв. Колосова Обзоръ.... Стр. 222, а также Сравнит. Морфологію Миклошича, русскій пер. III. Стр. 420—421.

лошадѣ́, въ пылѣ́, въ шарьстѣ́, на чяпѣ́, въ шшалѣ́, на зямѣ́ (отъ имен. пад. „земь", на́ земь); срв. на пирядѣ́ и внутрѣ́ вм. напереди́ и внутри́. Форма „внутрь" показываетъ, что это слово измѣнялось по двумъ склоненіямъ, имѣя въ языкѣ двѣ основы: на *о* (нутро́, ряз. путрё, -я́, -ёмъ, нар. изнутря́ и проч.) и на *ѣ*: вну́трь, внутрѣ́ вм. внутри́; па стяпѣ́ и т. п. Такимъ образомъ, нельзя сказать, что только сѣверно-великорусскіе говоры имѣютъ въ этомъ падежѣ и склоненіи *ѣ* вмѣсто *и*, какъ сказано это въ „Лекціяхъ" Соболевскаго (2-е изд., стр. 165). Срв. Колосова Обзор. Стр. 223. Само собой разумѣется, что всѣ эти неточности своимъ происхожденіемъ обязаны изученію русскихъ нарѣчій по изданнымъ сборникамъ и книгамъ, а не на мѣстѣ ихъ употребленія. Легкость перехода именъ съ основою на ĭ (ѣ) въ склоненіе именъ съ основою на ā (*а*, *я*) во множественномъ числѣ засвидѣтельствована даже литературнымъ, книжнымъ языкомъ, какъ указано въ Сравнительной Морфологіи Миклошича (русск. пер. III, стр. 429), а потому такой переходъ естественъ и въ единственномъ числѣ. Въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи разсматриваемое явленіе обычно, между тѣмъ какъ въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ рязанскаго, оно не встрѣчается, и потому намъ кажется, что въ рязанскомъ нарѣчіи его надо считать пришлымъ изъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія; но въ приволжскихъ губерніяхъ оно также встрѣчается довольно часто. Даже въ нарѣчіи нѣкоторыхъ уѣздовъ Курской губерніи, напр., въ Щигровскомъ, Путивльскомъ, Обоянскомъ, которое наиболѣе сходно съ рязанскимъ нарѣчіемъ, даже до деталей, насколько можно судить по изданнымъ г. Халанскимъ пѣснямъ, и то подобныхъ формъ дат.-предл. падежа на *ѣ* вмѣсто *и* не встрѣчается [1]).

---

[1]) Много такихъ формъ мы встрѣчаемъ въ народныхъ произведеніяхъ, изданныхъ въ Запискахъ Русскаго Географ. Общества по Отдѣлу Этнографіи. XII. Напр., степѣ́ — N 4 стр. 29, въ кровѣ́ — N 19 стр. 101, на цѣпѣ́ — N 23 стр. 111,

Въ именахъ существительныхъ съ основой на согласный звукъ въ рязанскомъ нарѣчіи поражаютъ случаи архаическихъ окончаній, съ одной стороны, и полная потеря слѣдовъ согласнаго склоненія,—съ другой. Напр., для слова „свекровь“ есть только названіе „свякры́“: моя свякры́, „маёй свякро́ви“ и проч., но рядомъ съ этимъ при именительномъ падежѣ ед. числа „мать“ и „дочь“ винительный постоянно „ма́терю“ и „до́черю“, какъ будто бы именительный былъ съ основой на *а* (*я*). Срв. Колосова Обзоръ. Стр. 209, 218. Въ Сборникѣ русскихъ пѣсенъ Шейна приведена пѣсня изъ Калужской губерніи Малоаросл. уѣзда (N 91, стр. 139), гдѣ встрѣчается также слово „свекры“ въ именит. падежѣ, но въ этой-же пѣснѣ попадается нѣсколько выше и „свекровь“; въ рязанскомъ же нарѣчіи слова „свекровь“ отъ простыхъ людей мы не слыхали ни разу. (См. также Сравн. Морфол. Миклошича. III. 431 и 435. Прим. 3, гдѣ приведена форма „до́черю“ изъ Сказокъ Аѳанасьева).

Что касается прочихъ именъ согласнаго склоненія, то надо замѣтить, что оно почти цѣликомъ по своимъ падежнымъ окончаніямъ перешло въ склоненіе на *о* или *а* или *ъ*: такъ, слово „время“ склоняется по склоненію на *о* безъ всякаго воспоминанія о согласной основѣ; косвенные падежи слова „время“ въ народномъ говорѣ рязанскомъ предполагаютъ именительный пад. ед. ч. въ формѣ средн. рода „време“, которая въ силу аканья совпадаетъ съ древней формой „время“. О формѣ „време“ или „времё“ см. Колосова Обзоръ. 215. Пр. 3 и Сравн. Морфол. Миклошича. III. 433. Пр. 1 и 2. Слово „дитё“ вм. „дитя́“, образовано какъ и слово „времё“, причемъ твор. ед. „дитёй“ и „дитёмъ“; слово „це́ркафь“, склоняясь по образцу именъ на *ъ* женскаго рода, въ твор. пад. ед. числа имѣетъ и форму „це́рквай“, какъ-бы отъ именительнаго

на печѣ—N 60 стр 188. Срв. также: путѣ—ibid. N 5 стр. 44. („Путь“ въ народномъ языкѣ обыкновенно женскаго рода, во многихъ млкр. нарѣчіяхъ).

на *а* — „це́ркваˮ, котораго однако въ живомъ говорѣ не слышно. Наконецъ замѣтимъ, что слова „пла́мяˮ или „пла́меньˮ въ народѣ не слышно, а говорится постоянно „по́лыньˮ, род. ед.—„по́лынюˮ и проч.

Здѣсь-же отмѣтимъ нѣкоторые отдѣльные случаи аналогіи и управленія падежей: такъ, напр., предложный падежъ „въ дуплѣ́ˮ породилъ собой форму родительнаго падежа „до дупля́ˮ вм. „до дупла́ˮ (См. Колосова. Замѣтки о языкѣ... въ области свр. нарѣчія. Отчетъ 4-й. СПб. 1877. Стр. 18. Во Владим. губ.—дупле́—имен. падежъ); а предлогъ „приˮ нерѣдко употребляется съ формой род. пад. множ. числа на *ей* отъ именъ на ъ: напр., „при һасте́йˮ=при гостя́хъ; или предлогъ „объˮ соединяется часто съ родит. падежомъ множ. числа на *-овъ*: „ну́жна въ лю́дяхъ *абъ дяло́въ* ду́матьˮ (с. Яблоново, Скоп. уѣзда) и нѣкр. друг.

Имена прилагательныя. Измѣненія въ падежныхъ флексіяхъ именъ прилагательныхъ сравнительно съ флексіями русскаго литературнаго языка объясняются въ большинствѣ случаевъ особенностями фонетики рязанскаго говора и были разсмотрѣны нами выше. Такъ, напр., окончаніе *ай*, *яй* въ имен. пад. ед. ч. муж. р. вмѣсто *ый*, *ій*; окончаніе *ава*, *ява* (аһа, яһа) въ родит. п. ед. ч., окончаніе *уя* вм. *ую* въ вин. п. ед. ч. женскаго рода, наконецъ, окончаніе *ымъ*, *имъ* въ предл. пад. ед. числа муж.-средн. рода: въ бѣлымъ, на же́лтымъ на пяску́ [1]) и проч., хотя рядомъ съ этимъ и окончаніе *-амъ*, *-ямъ* въ предл. пад. ед. числа муж.-средн. рода; все это имѣло мѣсто въ обзорѣ фонетическихъ особенностей. Здѣсь же мы обратимъ вниманіе на особое образованіе сравнительной степени въ рязанскомъ нарѣчіи, чѣмъ это послѣднее очень

---

¹) Срв. у Шейна. Матеріалы для изученія быта и языка... и проч. „На желтымъ пяскуˮ. N 143, стр. 149. Пѣсня Смоленской губерніи.

близко походитъ на нарѣчіе бѣлорусское. Надо замѣтить, что въ рязанскомъ нарѣчіи есть только одного типа сравнительныя степени, т. е., если бы мы хотѣли сказать, какое окончаніе изъ существовавшихъ для сравнительной степени удержалось въ рязанскомъ нарѣчіи, то должны бы были выразиться такъ: что ему въ настоящее время почти исключительно извѣстно только стрсл. окончаніе сравнительной степени мужеск. рода *ѣй*, иногда — окончаніе, бывшее для средняго рода, — *ѣе*, такъ что всѣ прилагательныя образуютъ сравнительныя степени по типу формъ: добрѣ́й, бѣлѣ́й, краснѣ́й и проч. Такимъ образомъ, мы находимъ: пакоро́чей, у́жай, шыпьчѣ́й, рѣ́шшай (сравн. ст. отъ „рѣ́зко", что по-рязански значитъ: быстро, ши́бко и гро́мко, смотря по смыслу), бо́льшай, чи́шшей, лу́ччей, ху́жей и ху́жай, бли́жай и ближе́я: „э́та сяло́ ближе́я э́нтава" (с. Городецкое, Скопинск. у.); также: ху́жея, лу́чьчея (с. Корневое, Скоп. у.), жырьчѣ́й=жа́рче, далжѣ́й=до́льше, да́ляй = да́лѣе (с. Журавинка, Скоп. у.), ти́шай, пати́шай, бо́лѣй (срв. выше: бо́льшай) и проч. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, словахъ конечнаго звука *й* или *е* (*я*) не слышно; такъ, напр., паɦлу́бя = поглу́бже, пара́ня = пора́ньше, насла́шша=посла́ще (с. Мишино, Михайлов. у.). Впрочемъ, эти же слова въ другихъ мѣстахъ произносятся и съ конечнымъ звукомъ *й* или *е* (*я*). Въ Касимовскомъ уѣздѣ встрѣчаются также: попознѣ́ = попозднѣе, „побялѣ́ стала рошъ" и т. п. Въ этомъ отношеніи бѣлорусское нарѣчіе замѣчательно сходно съ рязанскимъ; здѣсь мы имѣемъ: часьцѣ́й, гусьцѣ́й, ширѣ́й, вышей (Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка . . . I. СПб. 1887. N 138, стр. 143. Минской губерніи); срв. N 142, стр. 148, Витебск. губ.; пригожай, высшай и проч. N 149, стр. 157, Могилевск. губ. и мн. др. Точно такія же окончанія употребительны нынѣ и въ ряз. нарѣчіи, а форму „вишей" мы встрѣчали уже въ древнихъ рязанскихъ грамотахъ. (Рядная Запись 1690 г. Ркп. Рязанск. Архива. N 147). Гласная въ окончаніи сравн. степени *ѣй* произносится разнообразно. Въ превосходной степени рязанское

нарѣчіе пользуется обыкновенно суффиксами: *ѣгшій, игшій:* бальшы́шшай, талсти́шшай, длинни́шшай и проч. Наконецъ, особаго замѣчанія заслуживаютъ краткія, или существительныя формы именъ прилагательныхъ въ виду того, что нѣкоторые полагаютъ [1]), что въ народѣ слышится архаическая форма на *и* вмѣсто *ѣ* въ именит. падежѣ множ. числа только въ трехъ прилагательныхъ: сыти, ради, богати, но надо замѣтить, что такихъ прилагательныхъ съ архаическимъ окончаніемъ въ рязанскомъ нарѣчіи гораздо болѣе трехъ; мы слышали: *сыти, богати, ради, го́лодни, винова́ти, мо́лоди, дово́льни* и *пья́ни*, но не знаемъ, всѣ-ли намъ пришлось слышать, или есть еще нѣкоторыя. Имена городовъ Рязанской губ., собственно прилагательныя краткой формы, въ народѣ не теряютъ слѣдовъ прилагательнаго склоненія съ полнымъ окончаніемъ, т. е. народъ дѣлаетъ изъ краткихъ формъ полныя, мѣстоименныя: Пронскъ — Пранско́й ћо́ратъ, Ряскъ — въ Ря́скомъ ћо́радѣ, хотя это далеко не всегда. Указаніе Я. К. Грота относительно произношенія „подъ Скопино́мъ" вм. „подъ Скопи́нымъ" (см. Сравн. Морф. Микл. III, стр. 422, прим. 4) совершенно справедливо: въ Скопинѣ мы постоянно слышали твор. п. ед. ч. „Скопино́мъ", „подъ Скопино́мъ". Но рядомъ съ этимъ: „подъ Ря́зскомъ и „подъ Ря́зскимъ".

Имя числительное. Въ именахъ числительныхъ, обходя фонетическія замѣны, намъ придется коснуться только древнихъ формъ: двуми́, трёми́ и четырьми, которыя постоянно слышатся въ рязанскомъ нарѣчіи. Эти формы обязаны своимъ происхожденіемъ въ рязанскомъ нарѣчіи, вѣроятно, вліянію формъ творительнаго падежа множ. числа отъ именъ съ основою на ĭ (ь): лошадьми́, костьми́, дверьми́ и проч., такъ какъ формъ какого-бы-то ни было

[1]) См. Буслаева. Историч. Грамматика. § 101. Прим. 2. Также Сравнительную Морфологію Миклошича. Русскій пер. III. Стр. 422. Прим. I.

падежа на *мя,* кромѣ, конечно, именит. п. ед. числа въ согласномъ склоненіи, рязанское нарѣчіе въ живомъ употребленіи не знаетъ. Форма „двуми́", вѣроятно, уже очень давно подпала вліянію формъ: „треми" и „четырьми" и замѣнила др.-русскую форму „двѣма", такъ какъ съ теченіемъ времени числительное „два" приняло падежныя окончанія множ. числа; съ другой стороны, наши формы: „тремя", „четырьмя" сами подъ вліяніемъ формы „двумя́" образовали такой творительный падежъ. Такимъ образомъ, форма „двумя" идетъ еще отъ того времени, когда было въ сознаніи двойственное число, а форма „двуми́", извѣстная въ живомъ народномъ говорѣ (см. Колосова. Обзоръ. Стр. 232), принoровилась уже ко множественному числу послѣ забвенія о значеніи двойственности подъ вліяніемъ формъ „треми", „четырьми". Во всякомъ случаѣ форма „двумя́", намъ думается, древнѣе, а форма „двуми́"—раціональнѣе образована, хотя и новѣе. Формы-же „тремя", „четырьмя" подпали вліянію формы „двумя", но причинъ такого вліянія мы себѣ уяснить не можемъ. (Срв. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изданіе, стр. 188 и 198).

Мѣстоименіе. Въ мѣстоименіяхъ личныхъ рязанское нарѣчіе сохранило также нѣсколько древнихъ русскихъ формъ. Напр., мѣстоименіе 1-го лица — *я* имѣетъ въ род. и винит. падежахъ — мене́(ѣ), въ дат. п. — мнѣ (иногда—менѣ), твор. п.—мной и предл. п.—мнѣ (иногда: „абъ менѣ"). Въ Касимовскомъ уѣздѣ слышится иногда въ винит. пад. форма — *мя:* „вади́ла мя". Мѣстоименіе 2-го лица — *ты* въ род. и винит. пад. имѣетъ также тебе́(ѣ), въ дат. п. — всегда табѣ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ иногда — таѣ и те́. Въ винит. п. тамъ-же иногда — *тя:* „благодари́мъ тя"; въ Михайловскомъ уѣздѣ часто — *те:* „куды́ те нясё" = куда тебя несетъ. Творит. п. — тобой, предл. п.—тебѣ. Въ возвратномъ мѣстоименіи: род., вин. и предл. пад.—себе́(ѣ), дат. п.—всегда сабѣ; творит. п.—собо́й. Въ Касимовск. у. иногда винит. п.—*ся:* „за ся" = за себя; также въ дат. падежѣ иногда: сяе́ – сяѣ = себѣ;

въ род. пад.: у се́я=у себя́. Формы: тобѣ́, собѣ́ извѣстны русскому языку уже съ XI-го вѣка: ихъ мы находимъ въ Изборникѣ 1073 г., въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. и въ Минеяхъ 1095—97 гг. Формъ меня́, тебя́, себя́ въ рязанскомъ говорѣ мы не находимъ, и въ этомъ состоитъ, можно сказать, архаизмъ послѣдняго, такъ какъ эти формы обязаны своимъ происхожденіемъ именному склоненію мужескаго рода. Рязанскія же формы: мене́, тебе́, себе́ сходны съ древне-русскими и съ нынѣшними малорусскими, но въ нихъ, конечно, послѣднее *е* умягчительное, не малорусское, и потому мы выше при этихъ формахъ вездѣ въ скобкахъ ставили букву *ѣ*. Во всякомъ случаѣ нынѣшнія формы великорусскихъ нарѣчій съ конечнымъ *е* въ родит. падежѣ, какого-бы качества это *е* ни было, возводятся къ древне-русскимъ формамъ на *ѣ*. (См. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 140, 169—170). Нѣкоторыя изъ формъ рязанскаго нарѣчія извѣстны свр. нарѣчію, напр., формы род. падежа: мине, тибе, се́й; формы дат. пад.: тобѣ́ (тоби́), собѣ́; формы вин. пад.: тя, те, ся и др. (Колосовъ. Обзоръ. Стр. 234) [1]). Говоря о личныхъ и возвратномъ мѣстоименіи, считаемъ умѣстнымъ здѣсь-же сказать о томъ, что въ рязанскомъ нарѣчіи отличительной чертой между прочими служитъ употребленіе при глаголахъ возвратнаго мѣстоименія *си* вмѣсто *ся*. Трудно сказать, фонетическое-ли это явленіе въ рязанскомъ говорѣ, или нѣтъ, но фактъ тотъ, что это мѣстоименіе *си* извѣстно еще въ старосл. и др.-русск. языкахъ при извѣстныхъ глаголахъ, конструкція которыхъ требовала дательнаго падежа, а отсюда это явленіе распространилось и на другіе глаголы; съ другой стороны, въ нынѣшнемъ рязанскомъ

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что возвратное мѣстоименіе дат. падежа *си* въ словѣ „свояси“ совершенно не чувствуется, какъ замѣтилъ Р. Ѳ. Брандтъ въ Сравн. Морфол. Миклошича, вып. III, стр. 436, прим. 1, и этому служитъ новымъ доказательствомъ употребляемое въ рязанскомъ нарѣчіи „своя́съ“ вмѣсто „своя́-си“.

нарѣчіи извѣстны и глагольныя формы съ мѣстоименіемъ *ся*, хотя онѣ гораздо рѣже употребляются, и подмѣтить условія ихъ употребленія намъ рѣшительно не удалось, такъ какъ, вѣроятно, таковыхъ условій и не существуетъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже примѣровъ. Это последнее обстоятельство заставляетъ насъ скорѣе признать это явленіе въ рязанскомъ нарѣчіи не фонетическимъ, а другимъ. Напримѣръ: завали́лси, расшо́лси, жани́лси, заһрахата́лси = засмѣя́лся (грохотать = по-рязански „смѣяться“), засмялси́ = засмѣя́лся (с. Журавинка, Скоп. у.), напилси́, забралси́, пакатa̋йси, паваля́йси, запярси́, вымаисьси, нажа́рисьси, взялси́, падрали́си и проч. Но: адьдьвиһа́итса = отодвигается, напи́ла́ся, ни биспако́йтися и проч.

Что касается мѣстоименія 3-го лица, то въ немъ почти всѣ измѣненія фонетическаго происхожденія, кромѣ нѣкоторыхъ формъ мѣстоименія женск. рода „она“; напр., въ род. п. ед. числа мы слышимъ: яѐ обыкновенно, но съ предлогами почти всегда *е́й*: у ей, бязъ ей, для ей и пр. Иногда слышимъ и древнюю форму—еѣ, откуда и винит. пад.—еѣ вмѣсто её, яё, тоже извѣстныхъ. Напр., „на неѣ“ (с. Мишино, Михайлов. у.). „Пра неѣ һаваря́ть“ (с. Вослябово, Скоп. у.). Эти формы составляютъ правило въ свр. нарѣчіи, напр., въ Тверской губерніи. Замѣтимъ также, что въ народномъ языкѣ при измѣненіи мѣстоименія 3-го лица очень рѣдко приставляется звукъ *н*, который мы привыкли приставлять послѣ предлоговъ въ личномъ мѣстоимеіи. Мѣстоименія: весь, кой, сей, оба во множ. числѣ въ род. падежѣ имѣютъ формы, какъ мѣстоименіе тотъ: тѣхъ, всѣхъ, кѣхъ, сѣхъ, абѣхъ, а послѣднее и въ дат. падежѣ — абѣмъ: „съ кѣхъ поръ“, „въ абѣхъ печькяхъ“, „я абѣмъ дала́“, „да кѣхъ поръ“, „да сѣхъ поръ“ и т. п. Мѣстоименія: весь, одинъ, самъ, тотъ въ вин. п. ед. ч. женск. рода имѣютъ: всеё, аднаё, самаё, таё, какъ личное—её. (См. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 65). Мѣстоименіе весь въ женскомъ родѣ въ творит. пад. ед. числа и въ предл. падежѣ, а также въ дат. и родит. пад.

имѣетъ чаще *ё*, чѣмъ *е*: всёй: „всёй душо́й“; подобное встрѣчается и въ прилагательныхъ мѣстоименіяхъ: мой, твой, свой и объясняется вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ это ударяемое *е* стоитъ передъ твердымъ согласнымъ: моёмъ, всёмъ и проч. Указательное мѣстоименіе „этотъ“ обыкновенно замѣняется разнообразными мѣстоименіями: э́фтотъ, э́стотъ и э́нтотъ, но нельзя сказать, что бы въ рязанскомъ нарѣчіи выборъ изъ этихъ мѣстоименій зависѣлъ отъ согласнаго звука въ управляющемъ ими предлогѣ: „въ э́нтамъ“ и „съ э́нтимъ“, а также „въ э́фтамъ“. Въ предложномъ падежѣ иногда употребляется флексія творительнаго отъ этого мѣстоименія, напр., „въ э́тимъ“ вм. „въ э́томъ“. Въ притяжательныхъ мѣстоименіяхъ: мой, твой, свой въ род. и дат. п. ед. числа муж. и ср. р. обыкновенно употребляются стяженныя формы: маво́, твраво́, сваво́; маму́, тваму́, сваму́, какъ и въ другихъ влкр. нарѣчіяхъ.

Спряженіе. Глаголъ. Спряженіе глаголовъ въ настоящемъ времени въ рязанскомъ нарѣчіи во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательно: съ одной стороны, рязанское нарѣчіе въ этомъ отношеніи роднится съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, такъ какъ имѣетъ для 3-го лица ед. и множ. числа личное окончаніе только *тъ* (блр. *цъ* согласно особенностямъ фонетики послѣдняго), съ другой стороны, — оно роднится съ свр. и млр. нарѣчіями, такъ какъ отбрасываетъ личное окончаніе *тъ* въ 3-мъ лицѣ ед. числа. Общее наблюденіе надъ глаголами въ рязанскомъ нарѣчіи показало намъ слѣдующее: глаголы или отбрасываютъ личное окончаніе *тъ* въ 3-мъ лицѣ единств. числа (всегда въ вольныхъ селахъ и деревняхъ), или не отбрасываютъ (въ городахъ и прочихъ мѣстностяхъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ: напр., бу́дя=будетъ). Если *тъ* откидывается, то глаголъ всегда переходитъ изъ 2-го спряженія въ 1-ое, т. е. измѣняетъ тематическое *и* на *е*; это *е* можетъ имѣть на себѣ удареніе въ глаголахъ 1-го спряженія, съ тематическимъ *е*, которое въ такомъ случаѣ въ живомъ языкѣ переходитъ въ *ё*, но въ вольныхъ селахъ

и деревняхъ Рязанской губерніи остается звукомъ *е*, и тогда окончаніе *тъ* обыкновенно не откидывается, хотя бываютъ случаи откидыванія *тъ*, и глаголъ оканчивается тогда на *ё* или *е*, но это вообще довольно рѣдко. Если тематическое *е* не имѣетъ на себѣ ударенія, то будетъ-ли оно принадлежать глаголу 1-го спряженія, или будетъ происшедшимъ изъ тематическаго *и* во 2-мъ спряженіи, оно во всякомъ случаѣ по законамъ рязанской фонетики переходитъ въ *я*. Глаголы 2-го спряженія съ ударяемымъ тематическимъ *и* не отбрасываютъ никогда окончанія *тъ*. Въ 3-мъ лицѣ множ. ч. *тъ* почти всегда остается [1]). Такимъ образомъ, формулируя наше наблюденіе въ болѣе краткой формѣ, слѣдовало-бы сказать такъ: глаголы съ ударяемымъ тематическимъ *е* или *и* обыкновенно не отбрасываютъ личнаго окончанія *тъ* въ 3 л. ед. числа; ударяемое тематическое *е* не переходитъ въ вольныхъ селахъ и деревняхъ въ *ё*, а остается *е*. Глаголы съ неударяемымъ тематическимъ *е* или *и* при отбрасываніи личнаго оконча-

---

[1]) Вѣроятно, впрочемъ, такія формы 3-го л. множ. числа безъ *тъ* извѣстны кое-гдѣ въ Рязанской губерніи: въ числѣ формъ глагола, записанныхъ въ Михайловскомъ уѣздѣ, значится одна—*ни вя́ля* вм. ни вя́ять=не веля́тъ (с. Мишино), но сами мы нигдѣ ни разу такихъ формъ не слыхали. Такія формы тѣмъ болѣе сомнительны, что изъ всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ нами, мы могли найти только одну такую форму, хотя устно намъ сообщали нѣкоторыя лица, что будто-бы кое-гдѣ говорятъ — *ядя́* вм. ядя́ть=ѣдя́тъ. Сравни подобныя формы въ курскомъ нарѣчіи:

На дярёвьяхъ ли́стики *шумя́*;
Равро́ваи ли́стики
Призаблёкнувшы *вися́*;
На ме́лкихъ, на ку́стикахъ
Дро́бны пта́шички *сидя́*,
У слу́хъ ре́чи *гаваря́*. и проч. Халанскій. Образцы народнаго говора южной части Курской и сѣверной — Харьковской губерніи. N 17. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. 1882 г. Срв. въ сѣв.-влкр. нарѣчіи у Гильфердинга: Онежскія былины. Стр. 682. „Оны заходя“ и друг.

нія *тъ* объединяются въ одномъ 1-мъ спряженіи, т. е. принимаютъ форму глагола съ тематическимъ *е*, которое въ такомъ случаѣ, по законамъ рязанскаго аканья, переходитъ въ звукъ *я*. Такимъ образомъ, мы имѣемъ: глаголы съ ударяемымъ тематическимъ *е* и *и* вообще въ городахъ и помѣщичьихъ селахъ: вязёть, нясёть, встаёть, жывёть, даёть, бярёть; кричи́ть, бяжи́ть, шуми́ть, һрями́ть, сиди́ть, вяли́ть и проч. Въ вольныхъ селахъ и деревняхъ: вязе́ть, нясе́ть, встайе́ть, жыве́ть, дайе́ть, бяре́ть, тяче́ть, бье́тца, мреть, запре́ть; глаголы съ тематическимъ ударяемымъ *и* и здѣсь такъ и остаются. Формы: жывё, идё, бярё, придё, растё, вязё, саткё (соткётъ), паспяё (=поспѣваетъ), а также формы: атдае́, жыве́ вообще встрѣчаются довольно рѣдко по сравненію съ приведенными выше. (Касимовскій уѣздъ, Тумскій край; Спасъ-Кляпики; Михайловскій уѣздъ, Ижеславль, Никольское, Мишино; Спасскій уѣздъ, Юшта, Терехово и иногда въ Скопинскомъ уѣздѣ, Сѣкирня, Пупки, Топи́ла). Глаголы съ неударяемымъ тематическимъ *е* или *и* принимаютъ однообразный видъ съ темой 1-го спряженія на *е=я*: ѣ́дя, хо́дя, ду́я, бу́дя, вѣ́ря, хва́тя, вы́дя, при́дя, вы́вязя, вы́ядя, во́зя, ру́бя, хвата́я, ду́мая, вы́растя, выраста́я, бывая, вѣ́дая, зна́я, лѣ́зя, куса́я, ука́зывая, натя́һивая, схва́тя, вы́һоря, расто́пя, ска́жа, хо́ча, но́ся, абви́сьня, влѣ́зя, задьви́ня, заиһра́я, надёрьня, вско́ча, сто́я, ста́ня, мо́жа, слѣ́дуя, у́ча, исто́пя, һута́ря, и́шша (=ищетъ), позати́хня, прися́дя, налива́я, ко́ся, рабо́тая, посмо́тря, планту́я (=размѣряетъ, дѣлаетъ планъ) и др. Формы безъ *тъ* въ 3-мъ л. ед. ч. извѣстны также въ свр. нарѣчіи. См. напр. Гильфердинга. Былины. Стр. 682: ѣде; стр. 1069: лета́е и мн. др. Въ Ряз. также: лята́я, һолоду́я, умира́я, до́хня, изрѣ́жа, обрѣ́жа, напи́ша, вяньча́я, помоһа́я, заболѣ́я, напо́лня и друг. Всѣ такія формы — принадлежность вольныхъ селъ и деревень Рязанской губерніи; въ городахъ и селахъ другого рода скажутъ всѣ эти глаголы съ окончаніемъ *тъ*: ѣ́деть, хо́дить, вѣ́рить, вы́вязеть, вы́ядеть, во́зить, ру́бить, хвата́еть, ду́маеть, вы́растеть, выраста́еть, быва́еть, зна́еть, лѣ́зеть,

хо́четь, ска́жыть, мо́жыть, задьви́неть, исто́пить, и́шшыть, ко́сить и т. п. [1]). Если въ глаголѣ въ 3-мъ лицѣ ед. числа стоитъ *є*, а не *ё* (ударяемое), то оно сохраняется и во 2-мъ лицѣ ед. ч., и въ 1-мъ л. множ. ч., и во 2-мъ л. множ. числа по аналогіи съ 3-мъ лицомъ ед. числа (конечно, только въ вольныхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ вообще такія формы извѣстны). Если же въ глаголѣ въ 3-мъ лицѣ ед. ч., стоитъ ударяемое *ё*, то оно также сохраняется въ прочихъ вышеозначенныхъ лицахъ, куда оно перешло изъ формъ, имѣвшихъ въ личномъ окончаніи твердую согласную, напр., изъ 1-го лица множ. числа. Если къ глаголу присоединяется мѣстоимѣніе *ся* (*си*), то окончаніе *ть* передъ нимъ въ большинствѣ случаевъ твердѣетъ, обращаясь въ *тъ* (*т*), которое чаще всего вмѣстѣ съ слѣдующимъ за нимъ звукомъ *с* (*ся, си*) переходитъ въ звукъ *ц*. Но въ вольныхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ вообще болѣе выдержана и архаична фонетика и морфологія, нерѣдко слышишь это мягкое *т′* (*ть*) въ 3-мъ лицѣ ед. числа передъ *ся* (*си*): смяє́ться. Во 2-мъ лицѣ ед. числа окончаніе *шь*, конечно, вездѣ произносится твердо, но передъ *ся* (*си*) обращается въ мягкое *с′* (*сь*): ашыбе́сьси=ошибёшься, заикне́сься=заикнёшься и т. п. Глаголы

---

[1]) Спѣшимъ оговориться, что, можетъ быть, и въ другихъ мѣстахъ Рязанской губерніи найдутся эти формы, или, можетъ быть, нѣкоторыя изъ формъ, отнесенныхъ нами къ вольнымъ селамъ и деревнямъ, окажутся извѣстными и въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ. Все это легко можетъ быть, такъ какъ не въ каждомъ уголкѣ Рязанской губерніи мы были, и не изъ каждаго уголка доносились до насъ звуки живой рѣчи, но въ общемъ едвали наше наблюденіе грѣшитъ противъ истины, такъ какъ мы его провѣряли лично на очень многихъ селахъ и деревняхъ Скопинскаго уѣзда, и во всемъ своемъ трудѣ старались быть, насколько можно, точными. Быть можетъ, болѣе продолжительное пребываніе въ Рязанской губерніи, чѣмъ два года, и совершенное погруженіе въ изслѣдованіе рязанскаго говора, не нарушаемое никакими другими занятіями, во многихъ отношеніяхъ пополнило бы и улучшило нашъ настоящій трудъ.

2-го спряженія, съ тематическимъ безударнымъ *и*, въ 3-мъ лицѣ множ. числа всегда и вездѣ переходятъ въ 1-е спряженіе съ окончаніемъ *утъ, ютъ:* постáвють, блáһасгють= блáговѣстятъ, ворóжуть = ворожáтъ и проч. Относительно образованія формъ настоящаго времени, слѣдуетъ еще замѣтить, что многіе глаголы образуютъ настоящее время отъ основы неопредѣленнаго наклоненія. Напр., спря́таю — въ значеніи будущаго времени; пря́таю, пря́таешь; вставáешь, давáешь, давáеть, давáемъ, стонáешь, стонáеть; продавáю, продавáють, вставáють, ми́лаваеть, оставáютца = остáются (с. Журавинка, Скоп. у.) и проч. Такія формы извѣстны также свр. нарѣчію, особенно въ Архангельской губерніи (Даль. О нарѣчіяхъ. LII). Съ другой стороны, извѣстны формы прошедшаго времени, образованныя въ нѣкоторыхъ глаголахъ отъ основы наст. времени, напр., завóилъ вм. завы́лъ и т. п. Извѣстно также (преимущественно въ деревняхъ и селахъ Касим. уѣзда) образованіе глаголовъ въ 1-мъ лицѣ наст. времени по аналогіи съ прочими лицами того же времени, напр., безъ смягченія губного звука: спю́, готóвю, лю́бю, ку́пю (послѣдніе два съ переносомъ ударенія); а также слѣдующіе глаголы представляютъ формы наст. времени, образованныя по аналогіи: пяку́, пяке́шь (пякёшь), пяке́ть (пякёть), пяке́мъ (сс. Корневое, Вослябово Скоп. у.), пякёмъ (с. Яблоново, д. Щелево Скоп. у.), пяке́тя (пякётя), пякуть. Или: стирягёть, памагёть, тякёть, бягёть; маґёть, магёмъ (Кас. у.), хóжу (съ переносомъ ударенія), хóжуть (Кас. у.); можу́ (Скоп. у.), мóжуть, хочу́, хóчють, стры́жуть (=стригу́тъ)— Скоп. у.; форма „купле́ють", извѣстная въ Касим. уѣздѣ въ значеніи „покупаютъ", вѣроятно, обязана своимъ образованіемъ желанію не смѣшивать двухъ глаголовъ: купáютъ и покупáютъ. Замѣтимъ также слѣдующія образованія глаголовъ: отъ глагола „мѣси́ть" — 1-е лицо будетъ „мяшу́", а дальше обыкновенно идетъ такъ: „мясёшъ" и проч. Глаголъ „смы́гать" имѣетъ въ 1-мъ лицѣ ед. числа „смы́жу", 2-е л.—смы́жешъ" и т. д. Какъ видно изъ представленныхъ примѣровъ, нѣкоторые глаголы въ настоя-

щемъ времени въ нѣкоторыхъ лицахъ обязаны вліянію формъ 1-го лица ед. числа; таковы, напр., тяке́ть, бяге́ть, стиряге́ть и мн. др. Другіе глаголы въ нѣкоторыхъ формахъ обязаны вліянію формъ 2-го лица ед. ч., а также 3-го лица ед. ч., 1-го и 2-го множ. числа, какъ, напр., формы: можу́, мо́жуть, стры́жуть, хо́жуть и проч. (конечно, есть и форма „хо́дють“).

Слѣдуетъ также упомянуть о рѣдкихъ стяженныхъ формахъ въ настоящемъ времени глаголовъ. Приводимыя ниже формы взяты изъ Касимовскаго уѣзда, при чемъ надо замѣтить, что этотъ уѣздъ ближе всего лежитъ къ Владимирской губерніи, а извѣстно, что владимирскій говоръ при прикосновеніи съ рязанскимъ постепенно переходитъ въ рязанскій (Меленковскій уѣздъ Влад. губ. и Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губерніи говорятъ почти по-рязански. Даль. О нарѣчіяхъ. LV, LVII), потому весьма вѣроятно, что и въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи чистота рязанскаго говора сильно страдаетъ. Намъ извѣстны, напр., такія формы изъ Касимов. уѣзда: абмѣ́ряшъ=обмѣ́ряешь, обмѣ́ришь; скуча́=скуча́етъ; слѣ́дова=слѣ́дуетъ (слѣ́довая, слѣ́дуя. См. выше), рабо́тутъ = рабо́таютъ, тре́бутъ = тре́буютъ. Другихъ формъ стяженныхъ, и въ особенности въ 1-мъ лицѣ ед. числа, намъ неизвѣстно [1]). Наконецъ, въ томъ же Касимовскомъ уѣздѣ, въ Тумскомъ краю, а также и въ Зарайскомъ уѣздѣ, извѣстны новообразованія для 3-го лица множ. числа наст. вр. и для неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ съ мѣстоименіемъ *ся* (*си*). Новообразованіе это состоитъ въ присоединеніи вторичнаго личнаго окончанія *тъ* къ формѣ глагола, оканчивающейся мѣстоименіемъ *ся*: аку́нутцутъ = оку́нутся, абсѣ́ютцутъ = обсѣ́ются, ко́тютцу́тъ = ка́тятся; а также въ неопредѣленномъ наклоненіи, напр., смѣя́тцыть=смѣя́ться и проч. Намъ кажется, что эти новообразованія объясняются естественнымъ желаніемъ окончить

---

1) См. нашу статью: „Русскій глаголъ сравнительно съ церковнославянскимъ“. Р. Ф. В. 1892 г. N 1.

глагольную форму обычнымъ окончаніемъ *тъ* (*тъ*). Чтобы покончить съ формами настоящаго времени, упомянемъ еще о глаголѣ „ѣзьдію", „ѣзьдишъ", „ѣзьдіить" (какъ въ Москвѣ), который не извѣстенъ въ формѣ „ѣзжу" и т. д., и о формѣ „вы́тыкнешъ" (Касимов. уѣздъ, Тумскій край) въ смыслѣ „вы́ткешь", отъ гл. „вы́ткать".

Теперь переходимъ къ другимъ глагольнымъ формамъ. Въ повелительномъ наклоненіи, кромѣ общеизвѣстныхъ формъ: па́й-кя=поди́-ка, гля́нь-кя и т. п., остановила наше вниманіе форма: посмяи́сь = посмѣйся (с. Яблоново, Скоп. у.), образованная по аналогіи съ формами повелительнаго наклоненія съ ударяемымъ окончаніемъ *и* послѣ согласныхъ звуковъ. Далѣе, отмѣтимъ форму прош. времени многократнаго вида „бы́вливали" = бывали (с. Кельцы, Скоп. у.) и неопр. наклоненіе отъ гл. идти, который всегда и со всѣми представками произносится съ вторичнымъ окончаніемъ неопр. наклоненія *тъ*: ити́ть, прити́ть, уйти́ть, пати́ть=пойти́ и проч.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ глаголахъ фонетическія причины измѣнили форму неопр. наклоненія до неузнаваемости. Напр., гл. кача́ться въ силу особенностей аканья произносится иногда *кача́тцы (см. фонетику), а черезъ эту форму, которой, впрочемъ, мы не слыхали, а потому и обозначили ее звѣздочкой, образовалась касимовская „кача́чи", такъ какъ въ Касимовск. уѣздѣ звукъ *ц* произносятъ, какъ *ч*, и наоборотъ [1]). Наконецъ, отмѣтимъ особенную любовь къ употребленію въ рязанскомъ нарѣчіи причастій прош. времени страд. залога съ суффиксомъ *тъ* вм. *нъ*. Напр., убрата́ вм. убрана́ = одѣта; даже отъ глаголовъ многокр. вида: „наискоски́ *вбива́та*" = то, что вбивали и вбили наискосокъ; говорилось про вбитые въ оконную раму гвозди (с. Журавинка, Скоп. у.).

---

[3]) Впрочемъ, кажется гораздо проще выводить эту форму непосредственно изъ формы „кача́тьси", такъ какъ въ рязанскомъ нарѣчіи мѣстоименіе *ся* почти всегда произносится *си*, а сочетаніе *тъси* дастъ *ци* или, по-касимовски, *чи*.

Въ остальномъ рязанскій глаголъ не представляетъ ничего особеннаго.

Въ синтаксическомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить употребленіе нѣкоторыхъ предлоговъ и родительнаго падежа „чего“ (чаво́, чиво́, чаһо́) вмѣсто винительнаго падежа „что́“. Напр., чяво дѣлать; подъ чяво плясать; „абъ чяво́“ вм. „обо что“; „въ чяво иһрать“; „крыть чяво-нибудь хотя́ть камышо́мъ“ и т. п. Глаголъ „иһрать“, т. е. играть на чемъ-нибудь, на какомъ-нибудь инструментѣ, требуетъ послѣ себя предлога „въ“ съ винительнымъ падежомъ. Напр., иһрать въ скрипку, въ трубу, въ ду́ду, въ рожокъ, въ арһа́нъ, въ шырма́нку, въ һармо́нію и т. п. А также замѣчательна конструкція глагола „курить“; напр., „курить въ тру́бку“ вмѣсто „курить тру́бку“, что̀ почти не употребительно. Что касается предлоговъ, то здѣсь обращаетъ на себя вниманіе употребленіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр., въ Касимовскомъ и Егорьевскомъ, предлога „на“ вмѣсто „въ“ для означенія направленія куда-нибудь или пребыванія гдѣ-либо. Напр., ѣхать, идти на̀ Шо́стью (Шо́стья—деревня), быть на Шо́стьи, ѣхать на Касимовъ и проч. (сс. Ерахтуръ, Нармушадь, Куземкино и проч. Касимовскаго уѣзда). Также: ѣхать на Ялмонтъ (с. Ялмонтъ-Николы Егорьевскаго уѣзда) и т. п. Для означенія времени на вопросъ *когда* обыкновенно употребляется предлогъ „объ“ съ предл. падежомъ: „абъ ма́сляной“ = на ма́сляницу; „абъ Рожаствѣ“ = на Рождество́ и проч. Случаи употребленія предлоговъ съ несоотвѣтствующими падежами, какъ: „при госте́й“, „объ дѣло́въ“, мы упоминали ранѣе. По сообщеніямъ, сдѣланнымъ намъ устно, мы знаемъ, что въ селѣ Ухоловѣ Ряжскаго уѣзда есть случаи употребленія дательнаго падежа множ. числа вмѣсто творительнаго — при глаголахъ, конструкція которыхъ требовала бы постановки творительн. падежа; напр., „страдаю нога́мъ“, „пей съ кренделя́мъ“ и т. п. Это явленіе, насколько намъ извѣстно, встрѣчается обыкновенно въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, и въ Рязанской губерніи мы сами нигдѣ ничего подобнаго не слыхали и ду-

маемъ, что и въ с. Ухоловѣ такое явленіе — заносное, такъ какъ это село торговое, и самое названіе крестьянокъ этого села — „ухля́нки“ — служитъ синонимомъ слова „торговки“. Это доказываетъ, что въ этомъ селѣ есть много пришлаго элемента, такъ что въ немъ можно встрѣтить самый разнообразный говоръ, и едвали теперь тамъ осталось много коренныхъ мѣстныхъ жителей, съ чѣмъ согласны и собранныя нами свѣдѣнія по этому вопросу.

ОТДѢЛЪ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКІЙ.

Въ этомъ отдѣлѣ мы помѣщаемъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣ слова, которыя намъ удалось слышать и собрать въ Рязанской губерніи. Само собой разумѣется, что этотъ отдѣлъ требуетъ постоянныхъ дополненій и потому вовсе не претендуетъ на полноту. Здѣсь мы представляемъ рязанскія слова двоякаго рода: одни изъ нихъ находятся уже въ Словарѣ Даля, другія тамъ пропущены. При помѣщеніи всѣхъ словъ подрядъ мы руководствовались двоякой цѣлью: 1) мы желали сдѣлать свою работу полнѣе, представивъ, хоть небольшой, собственно-рязанскій словарчикъ; 2) дополнить словарь Даля, въ которомъ мы замѣтили слѣдующій недостатокъ по отношенію къ словамъ, употребляемымъ въ Рязанской губерніи: рязанскія слова въ Словарѣ Даля въ большинствѣ случаевъ не отмѣчены, какъ извѣстныя въ Рязанской губерніи, а при нихъ стоятъ сокращенныя названія другихъ губерній, напр., *вор.*, *тамб.*, *кур.* и проч. Такимъ образомъ, читатель не знаетъ, употребительно-ли данное слово и въ Рязанской губерніи, или, на основаніи словарныхъ помѣтокъ, онъ долженъ утверждать, что этого слова въ Рязанской губерніи не знаютъ. Этотъ недостатокъ Словаря объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что Даль изучилъ рязанское нарѣчіе поверхностнѣе другихъ, какъ это мы видѣли и въ отдѣлѣ фонетики, при перечисленіи признаковъ рязанскаго нарѣчія. Многихъ-же рязанскихъ словъ у Даля въ Словарѣ совершенно нѣтъ, и потому они рѣшительно необходимы въ нашей работѣ. При каждомъ словѣ, для наглядности, мы помѣщаемъ въ скобкахъ и его про-

изношеніе рязанское; это мы сочли интереснымъ потому, что, никогда не слыхавъ извѣстнаго слова, и не поймешь его, такъ какъ этимологія его иногда бываетъ не прозрачна. Такимъ образомъ, нѣкоторыя слова, правда немногія, приходилось потомъ, послѣ записи со словъ крестьянина или крестьянки, теоретически перекладывать на общерусскую орѳографію, чтобы узнать его этимологію и значеніе, если таковое не удавалось узнать какимъ-либо другимъ способомъ. Въ прилагаемомъ перечнѣ словъ мы помѣщаемъ также и тѣ слова, которыя въ рязанскомъ произношеніи отличаются своимъ удареніемъ отъ общерусскаго, литературнаго произношенія. Гдѣ того не требуютъ обстоятельства, тамъ мы не пишемъ въ скобкахъ при словѣ его рязанскаго произношенія; это означаетъ, что произношеніе даннаго слова не отличается отъ общерусскаго произношенія.

А.

Аксюто́къ (уменьш.)—Акси́нья. Спас. у.
'Анбурхъ, 'Анбуръ—г. Раненбургъ.
'Арбузъ—арбу́зъ.

Б.

* Бадья́—деревянное ведро. Спас. у.
* Балабо́нить—болта́ть. Кас. у.
* Балавно́й—шаловливый. Скоп. у.
Ба́лы—болтовня.
Баранчики—растеніе { Primula veris? (См. Даль. s. v. Баранъ). Primula officinalis (Словарь Анненкова).
Баси́ть—лѣчить. Скоп. у.; -ся—лѣчиться.
* Басни́стый—говорли́вый. Кас. у.

---

* Звѣздочкой отмѣчаются тѣ слова, которыхъ нѣтъ въ Словарѣ Даля.

Ба́тинька (-кя)—свекоръ.

Бахи́лки—башмаки. Раненб. у.

Ба́цка—отецъ. Кас. у.

Берно́—бревно въ срубѣ. (Бярно́).

[1]) Бирю́къ—волкъ. Мих. у.

Бо́брень—воловій языкъ. Скоп. у.

* Бо́быцка—игрушечка. Кас. у.

* Бо́дрый—нарядный. Спас. у.

Болятки́ (-а-)—боля́чки. Скоп. у.

Болѣ́ (-а)—сильнѣе. Кас. у.

[2]) Бота́ть (-а)—болтать ногами. Скоп. у.

* Бо́язливый—боязли́вый. Скоп. у.

* Бри́ть—стри́чь. Скоп. у. (Кажется, „стричь" употребительно преимущественно про овецъ, про скотину: стрыгу́нъ, стрыгу́нчикъ — впервые остриженный, годовалый жеребенокъ).

* Бруха́ть—бода́ть рогами. Скоп. у.

[3]) Бура́вликъ—буравчикъ.

* Бурдо́вый—красный, цвѣта бордо.

Бу́ркалы—зѣнки, глаза.

[4]) Бухо́ный (-ай)—пухлый, рыхлый.

Бѣда́ (-я-)—масса, много: „бяда́ваго́новъ". Скоп. у.

В.

Вало́жнѣй—сла́ще, сдобнѣе. Кас. у. (Вало́жняй, вало́жни).

Вату́лка—плетеный, „своярушнай" половикъ (дерюга, веретье).

* Вачу́жки—овцы. Скоп. у.

Ве́рчь—все верчёное. Скоп. у.

Ве́сь, ве́сть—вязать (чулки). Скоп. у.

---

[1]) У Даля помѣчено Воронежской губерніей.

[2]) У Даля помѣчено Тамбовской губ.

[3]) У Даля помѣчено Воронежской губ.

[4]) У Даля помѣта кал.

[1]) Виски́—волосы на головѣ. Скоп. у.
Впсяло́—ве́село (и блр.).
Во́зьму—возьму́. Мих. Кас. Спас. у.
Восе́й (вусе́й, усе́й, усе́йкя)—намедни, недавно.
Во́згри—сопли. Ряз. у. (мещерскія села).
Взгля́ну—взгляну́. Скоп. у.
* Выпрядáть—выпадáть (о волосахъ). Кас. у.
* Вы́трескать—вытаращить (о глазахъ). Скоп. у.
Вы́трить—вытереть. Скоп. у. (См. фонетику).
Вьюга́—вью́га, метель.
Вѣтря́нка—вѣтряная мельница. Скоп. у.
Вязе́нки—вязаныя рукавицы (вяз. матерія).
[2]) Вя́холь—веревочная сѣтка для сѣна. (Вя́халь).

Г.

* Газъ—керосинъ. Раненб. у.
Гамазе́й, гамази́нъ—магазинъ. Мих. у.
[3]) Га́ркать—звать. Егорьев. у.
Гарлупа́ (ряз. һарлюпа́)—растеніе Primula officinalis (орл.) Bunias orientalis, Raphanus Raphanistrum.
* Га́сни́ца—лампа, родъ лампы. Раненб. Данк. у.
[4]) Гепанча́—войлокъ. Мих. у.
Гли́сты—глисты́.
Гле́ка (-сь)—гляди́. Мих. у.
* Голодо́й—голодный годъ, время. Кас. у.

---

[1]) У Даля—Курской, Воронежской губ.

[2]) У Даля почему-то только „вя́хе́ль“.

[3]) Даль отмѣчаетъ только Воронежской губерніей значеніе „звать“ для этого глагола: „сга́ркни его“ =закричи, позови. Въ такомъ же значеніи извѣстенъ этотъ глаголъ и въ Ряз. губерніи.

[4]) Даль отмѣчаетъ это значеніе въ Тамбовск. губерніи (s. v. епанча).

[1]) Гола́нка—шуба изъ овчинъ, обложенныхъ краснымъ французскимъ ситцемъ. Мих. у. (Гала́нка).

[2]) Голомя́—не очень давно. Ряж. Ряз. у. (мещерскія села).

Го́рбъ—спина; на һарбу, на һорбъ и проч.

[3]) Горну́шка—печурка.

* Го́рня—горница. Кас. у.

Гра́дскій (һра́цкай)—городской.

[4]) Гре́бовать—брезговать.

Гривна—три копейки. (Мѣдная монета). У Даля—„гривенная“, неточно.

Грохота́ть—смѣяться. Скоп. Мих. у.

* Гряба́тка—одежда съ длинными рукавами у крестьянъ. Скоп. у.; һряба́тки — особо длинные рукава на крестьянской одеждѣ, концы этихъ рукавовъ.

Гуски́—пушки́, перышки въ волосахъ для украшенія. Скоп. у.

Гу́стый (һу́стай)—густо́й.

[5]) Гута́рить—говорить.

Д.

Дацка́—до́чка. Кас. у.

* Дво́рица—дворъ. Кас. у.

Диде́къ—дядя. Спас. у.

Добре́ (дабре́)—очень; иногда: „очень дабре́“.

* Довлѣ—слѣдуетъ, сто́итъ. Ряз. у.

До́ила—доила. Кас. у.

Доке́ля, доке́два, доко́ля—до какихъ поръ, пока.

---

[1]) У Даля помѣчено — пермскимъ и костромскимъ словомъ.

[2]) У Даля—восточное и южное.

[3]) У Даля помѣчено—вост: восточное нарѣчіе.

[4]) У Даля—калужское, тамбовское, орловское и псковское.

[5]) У Даля—воронежское, тамбовское слово.

* Домстúла—отомстила. Кас. у.
[1]) Дрóбный—мелкій. Спас. у.
Духовúтый—душúстый, пахýчій. Скоп. у.
* Духóнисто (разодѣ́та)—пышно. Спас. у.
Дярýшка—см. ватýлка. (У Даля см. слово „дерю́жка“).

Е.

* Енчилъ -а, —я думалъ, думала. Мих. у.

Ж.

Жадóбный—желанный. Кас. у.
* Жáмка—мятный маленькій пряникъ. Скоп. у. (См. фонетику, стр. 46).
* Жамóдный—привередливый, разборчивый. Скоп. у.
* Жандáрка (жындáрка)—чугунная, желѣ́зная труба у печи въ избѣ.
[2]) Жúтничекъ—мышь. Мих. у.
[3]) Жмы́къ—выжимки.
Жýстрить—жевать скоро, съ аппетитомъ, чамкать. Скоп. у.
* Жýтъ—жгутъ, плеть. Скоп. у.
* Жылúть—жáлить. Скоп. у.

З.

[4]) Зáдникъ—лавка за печкой.
Закутáть (пéчкю)—закрывать трубу. Скоп. у.
Занавѣ́ска—женскій рабочій фартухъ. Скоп. Данк. у.
Зáпонъ—фартухъ съ рукавами. Скоп. у.
* Запрястúть—запретить. Скоп. у.
* Запя́тки толочь—пятки бить. Кас. у.

---

[1]) У Даля—орловское, курское, малороссійское.
[2]) У Даля—жúточникъ.
[3]) У Даля—жмы́хи, жмы́ха (тул.).
[4]) У Даля—псковское.

* Застопи́ть (сто́пка—заноза)—занозить. Скоп. у.
Захлю́снутый—загрязненный (подолъ). Скоп. у.
Званья (ни — нѣтъ) — ничего, ни капельки. Скоп. у. („поми́ну нѣтъ“—Даль).
[1]) Зва́ра—ушатъ. Кас. у.
Зелено́ (зиляно́)—зе́лено. Скоп. у.
Зна́тный — извѣстный, знакомый. „Мѣ́ста мнѣ́ зна́тная“. Скоп. у.
[2]) Зна́то—знамо, извѣстно.
* Зни́къ (те ста́нься)—ругань такого рода. Кас. у.
Зу́чный (зу́чнай), отзуча́ть — звучный, отзываться. Скоп. у.
[3]) Зы́бка—люлька. Раненб. у.
Зы́къ—звукъ. Скоп. у.

И.

[4]) Игра́ть—пѣть (пѣсни). См. это слово.
* Избо́йнина—избо́ина. Кас. у.
* Изверстье́—отверстіе. Кас. у.
* Изума́ла—поймала. Кас. у.
Истеря́ть—истратить, растратить (деньги). Скоп. у.

К.

[5]) Кабы́ть—если бы. Скоп. Раненб. и др. у.
Кады́, кали́—когда.
[6]) Кае́—куда, гдѣ. (Вольныя села).
* Кае́щя—пока. (Вольныя села).

---

[1]) У Даля—московское, рузское.
[2]) У Даля—воронежское.
[3]) У Даля—сѣверное и восточное слово.
[4]) У Даля помѣчено: Кур. и друг.
[5]) У Даля помѣта: Влд. Тмб. Вор. Арх.
[6]) У Даля — „малорус. кесь?“ См. это слово здѣсь и у Даля. s. v.

* Каза́нъ—желѣзное ведро. Спас. у.

Казати́нка, казати́нъ—родъ поддѣвки у крестьянокъ.

[1]) Каля́ный—твердый, жесткій. Напр., о бумагѣ. Скоп. у.

* Кандія́нъ (-я́нка)—комедіантъ (-а́нтка). Скоп. у.

Карпе́тки—носки (млр. польск.). Раненб. у.

[2]) Карто́хъ, карто́фь—картофель. Скоп. у.

[3]) Каса́точка (-кя)—ласточка. Скоп. у.

Кате́лка—баранка. Скоп. у. (и вообще „обручъ". См. у Даля „котёлка" — тул. s. v. коте́лъ. Въ Ряз. губ. такъ не говорятъ.

* Катя́ши—скотье кало. (Гр. Л. Толстой, описывая деревни Тульской губерніи, почему-то пишетъ „катьяши").

* Каща́—кощей. Скоп. у.

[4]) Квели́ть (квяли́ть)—дразнить, тревожить. Скоп. у.

Ке́сь, ке́сть—какъ-бы. Кас. у.

* Кисли́ка—очески съ овчины послѣ ея дубки. Скоп. у.

Кита́йка (-кя)—матерія (на́нка). Скоп. у.

Кля́дьба—клятва. Кас. у. (Даль—клятьба́ s. v. клясть).

Козырьки́—сани извѣстнаго рода, расписанныя. Скопинск. у.

[5]) Колове́ртъ—коловоротъ. Скоп. у.

* Коляска—маленькое колесо. Скоп. у.

Конопи́—конопля́. Скоп. у.

Ко́никъ—лавка подъ образами. Данк. у.

[6]) Коре́цъ, ко́рчикъ—ковшъ, ковшикъ (блр. также). Скопинск. у. Это слово есть уже въ Домостроѣ (глав. -на- по списку Общ. Ист. и Древ.).

---

[1]) У Даля—каля́ный—сар. „упрямый", „упорный".

[2]) У Даля—„карто́ха"—тул. мск.

[3]) У Даля помѣчено только—тмб. s. v. касатка.

[4]) У Даля „квели́ть"—ярс. ниж. влгд. тмб. орл. твр.

[5]) У Даля—„ко́ловертъ" съ удареніемъ на первомъ слогѣ и безъ обозначенія мѣста употребленія.

[6]) У Даля помѣта: умал. тмб. Никакихъ другихъ указаній на мѣсто употребленія этого слова въ влр. нарѣчіи нѣтъ.

Коротайка (-кя)—курточка, короткая поддѣвка. Скопинск. у.

Коротай—короткое пальто съ карманами и безрукавая кофта.

[1]) Корсетка—короткая женская поддѣвка.

[2]) Корябать—царапать ногтями. Срв. „чирябать“. Скопинск. у.

* Котельцикъ—глубокое мѣсто въ Окѣ. Кас. у.

Косникъ—платокъ на спинѣ подъ косой. Скопин. у. (Даль s. v. коса). Косоплетка.

[3]) Котухъ—хлѣвъ. Скоп. у.

Коты—родъ башмаковъ, туфель съ тупыми носками и „оборками“, т. е. тесемками или завязками.

Кочетъ—пѣтухъ.

* Кочетокъ—стебелекъ.

* Краить—кроить. Скоп. у.

[4]) Красовитый—красивый. Скоп. у.

* Крачеть (о воронѣ)—каркаетъ. Скоп. у. (У Даля s. v. кретать: „воронъ крячетъ“ безъ помѣты).

[5]) Кресбины (крезьбины)—ср. млр.—крестины. Мих. у.

* Кричать—плакать (по покойникѣ и вообще=плакать). См. слово „шумѣть“. Скоп. у., Мих. у. и др.

* Крыльца — клиросы въ церкви. („На крыльцахъ поють“). Скоп. у.

* Крымка—родъ шапки. Данк. у. (баранья шапка).

* Кстить—крестить. Скоп. у.

Кубы—если бы. Скоп. у.

Кубыть—какъ-бы, если бы. Скоп. Данк. у.

Кубыть—какъ будто. Скоп. Ряж. Ранб. и д. у.

[6]) Кумакъ—кумачъ. Скоп. у.

---

[1]) У Даля—„на югѣ“ и въ Москов. губ.

[2]) У Даля s. v. кора. „черябать“—съ помѣтою—тмб.

[3]) У Даля—тмб. влд. ярс. юж.

[4]) Слово, извѣстное и свр. нарѣчію: см. Рыбникова. Былины. II, N 52, ст. 18 и III, N 3, ст. 39.

[5]) У Даля кресбины твр., кресбины—нвг. влд.

[6]) У Даля—нвг. кал.

[1]) Курлы́чить (о лягушкѣ)—квакаетъ. Скоп. у.

Курпяки́—овчина, смушка. (У Даля помѣчено только—*вор.*).

[2]) Куру́шка—недогорѣвшее полѣно, головня. Скоп. у.

[3]) Ку́рчиня — доска противъ краснаго угла, грядка въ избѣ.

* Куса́чій — кусающійся (о собакѣ, о мухѣ и пр.), ѣдкій. Скоп. у.

* Куцова́то—нескладно. Кас. у.

* Кы́тюшки—почки на деревѣ, на березѣ. Скоп. у. Эти „кы́тюшки", по народному повѣрью, имѣютъ цѣлебное свойство при ушибахъ, лихорадкѣ и пр. Ихъ настаиваютъ на винѣ.

Л.

Лагу́нъ (лаһу́нъ)—бочка. Скоп. у.

Ла́диться—торговаться. Скоп. у., уговариваться.

Лато́къ—корыто. Данк. у.

[4]) Либо́-щё, либо́-шта—либо. Кас. у., что-либо.

* Ли́пчивый (ли́пчавай)—прили́пчивый (о болѣзни, напр.). Скоп. у.

Личма́нистый—полный (о лицѣ). Спас. у.

[5]) Ли́шай—лиша́й.

[6]) Лопота́ть—лепетать. Скоп. Мих. у.

[7]) Лохонье́—старое платье. Скоп. у. (лаханьё).

Любови́нка—мясо безъ жиру и жилъ. Скоп. у.

---

[1]) У Даля s. v. курлы́кать нѣтъ этого значенія.

[2]) У Даля съ удареніемъ на первомъ слогѣ и безъ помѣты.

[3]) У Даля—курчи́на—кал.—брусъ въ избѣ, балка, переводина. Въ этомъ словѣ въ ряз. нарѣчіи удареніе на первомъ слогѣ и, кромѣ того, мягкое *н*, какъ въ словахъ: ко́ршунь, кушы́нь (кувши́нъ), или мягкое *р*: кряпи́ва.

[4]) У Даля—юж. нвг. кстр.

[5]) У Даля только съ удареніемъ на второмъ слогѣ.

[6]) У Даля съ помѣтой—нвг. твр. вор.

[7]) У Даля „лохо́нье"—влд.—лохмотье, ветошь. Замѣ-

М.

* Ма́евскій (-ай)—майскій. Скоп. у.
* Ма́менька (-кя)—свекровь.
Ма́мушка—мать.
Мастю́шка—чашка для каши.
Махо́тка—маленькій горшокъ, кувшинъ для молока.
[1]) Мижавой (=межевой)—землемѣръ. Скоп. у.
* Мокряда́—мокрота́. Скоп. у.
* Морши́нки—лѣнивцы. Мих. у., негодяи. (ш—щ?).
Мо́стъ—крыльцо.
Моча́—сырость, мокрота. Скоп. у.
Моче́нецъ—родъ конопляной пакли, идущей на веревки и намоченной въ водѣ.
Мо́чки—завязки у башмаковъ. Мих. у.
Мочли́вый (-ай) — сырой, мокрый. Напр., „мачли́вая мѣста“. Скоп. у.
Мы́кать—чесать кудель, ленъ.
Мытъ—поно́съ. Скоп. у.
Мяре́стится—мере́щится. 3 л. ед. ч. Скоп. у.

Н.

[2]) Намы́ка—кудель.
Нѐбо—небо (coelum). Скоп. у.
Нѐколи—некогда. (Вольныя села).
* Неуго́жій (-ай)—негодный. Спас. Кас. у.
* Ни́шта—развѣ.

О.

Обмишу́лился—оплошалъ. Кас. у.
Обо́ры, обо́рки, обу́ры — завязки на лаптяхъ, кота́хъ, на упряжи („реме́нные обу́ры“—Кас. у.).

тимъ кстати, что въ ряз. нарѣчіи во многихъ словахъ ср. р. на *ѣе* переносится удареніе на конецъ. Напр., адданьё́ (отда́ніе праздника), палавеньё́ (преполове́ніе) и др.

[1]) У Даля безъ обозначенія мѣстности.

[2]) У Даля съ помѣтою—вор.

О́броть — узда. Мих. у. („падау́здокъ“ вм. „недоу́здокъ“ по-рязански). Это слово встрѣчается въ Домостроѣ, гл. н҃е по сп. Общ. Ист. и Др.

[1]) Обрядъ, -а—нарядъ.

* Ока́—всякая вода (?)—С. Спасъ-Кляпикѝ Рязан. у.

Окру́гъ (акру́хъ)—около. Скоп. у.

О́пухъ—опухоль. Скоп. у.

Орѣхѝ (аряхѝ)—орѣхи. Скоп. у. Это удареніе сохраняется и при склоненіи слова въ прочихъ падежахъ. (У Даля только съ удареніемъ на слогѣ „рѣ“).

[2]) Осе"нью́—о́сенью—тв. п. Скоп. у.

* О́сь—стебель у ржи. Скоп. у.

* О́сыпь - сыпь. Скоп. у.

* Отёкъ—отецъ. Спас. Мих. у. (О звукѣ *е* (ä) въ словѣ „отецъ“ см. Брандта. Лекціи по фонетикѣ р. яз., стр. 11).

Отке́ля, отку́ля (М. Олёшня, Ряж. у,)—откуда.

Отсе́ля (атце́ля)—отсюда.

Отте́ля—оттуда.

П.

* Пансѝвая краска — извѣстный родъ краски для конопли.

[3]) Пекѝшъ—горшокъ. (Спас.-Кляпикѝ. Мещерскія села Рязан. у.).

Пелена (пиляна́)—часть крыши. Скоп. у.

[4]) Перевя́зка—лента на лбу. Скоп. у.

---

[1]) У Даля съ помѣтою—сѣв. и кур.

[2]) Кромѣ слова „осенью“, также „ночью“ въ Скоп. у. съ переносомъ ударенія. У Даля ничего нѣтъ насчетъ ударенія въ этомъ словѣ. Намъ приходилось слышать произношеніе не только „асе"нью́“, но и „асяныо́“ съ яснымъ звукомъ *я* и довольно часто въ Скоп. у.

[3]) У Даля „пе́кишъ“ съ помѣтой—тмб. пен.

[4]) У Даля помѣта—сѣв.

Переру́бъ (пиряру́бъ) — мѣсто на полу, гдѣ одна доска имѣетъ поперечный конецъ, и гдѣ начинается другая доска, обрѣзъ.

[1]) Пе́рушко — лѣтняя юбка изъ китайки. Мих. у.

* Пе́тнадцатый — пятна́дцатый. С. Вослябово, Скоп. у.

* Петре́й (Пятре́й) — Петръ. Въ свр. нар. такъ-же.

Пе́хтерь — толкачъ.

Плету́шка (плятýшка) — корзина. Пронск. у.

* Плу́га (плу́һа, двѣ плу́һи, плу́һай — тв. п.) — плугъ. Скоп. у.

[2]) Погово́рка — нарѣчіе, говоръ, выговоръ.

* Пого́лчь — покличь. Пов. н. (Сп.-Кл. Рязан. у.).

* Погляду́ю — познакомлю. 1 л. ед. ч. Кас. у.

[3]) Подъе́мъ — приданое жениховo. Мих. у.

* Пожи́ленъ (?) — свѣтильня, фитиль. Скопин. Мих. у. Ряж. у.

Позе́мка — метель снизу. Скоп. у.

По́йду — пойду́. 1 л. ед. ч.

Покла́лъ — положилъ.

* Пола́дить — сосватать. Мих. у.

* Полове́нь — маленькая рига. Спас. у.

Поло́жу — 1 ед. — положу́.

По́лость — во́йлокъ. Мих. у.

* По́мога („на по́маһу звать“) — помощь, подмога. Скопинск. у.

По́нька (-кя), понёва — особая тканая клѣтчатая юбка у крестьянокъ.

Поря́докъ — рядъ. „Деревня въ два порядка“. Скоп. у.

Посвы́ше, посни́же — повыше, пониже. Данк. у.

Поста́вецъ — шкафчикъ. Раненб. у.

* Постово́е масло („паставо́я ма́сла“) — осеннее масло. Скоп. у.

---

[1]) У Даля „перу́шко“ съ вопросит. знакомъ и помѣтой „мск.-клм.“ — шубка.

[2]) У Даля съ помѣтой — вост.

[3]) У Даля помѣта — сиб.

* Потурéю—потýрю (погоню)—рыбу. 1 л. ед. ч. Кас. у.
* Поцýхать—понѣ́жить (чýхать?). Рязан. у.
* Праскутóкъ—Прасковья. Спас. у.
* Прожы́кать—растратить (деньги). Скоп. у.
Пронéцкъ—Прóнскъ городъ. Скоп. и др. у.
Пропи́ть (о дѣвкѣ)—выдать замужъ. Скоп. у.
Прóстый (-ай)—простóй. Скоп. у.
[1]) Просýкъ—поросенокъ. Скоп. у.
Протувáртъ—тротуаръ. Скоп. у.
[2]) Пургá—метель. (С. Спасъ-Кляпики Ряз. у.).
[3]) Пуры́нь—зола отъ торфа изъ печей. Скоп. у.
[4]) Пушки́ — см. гуски́ — перья въ волосахъ за ухомъ для украшенія у крестьянокъ нѣкоторыхъ селъ. Скоп. у.
* Пѣть—пѣть въ церкви, чнб. церковное, духовное.

Р.

[5]) Разгаси́ться (-h) — раскапризничать.
* Раздѣ́лывать—выдѣ́лывать, выки́дывать (штуки) и вообще — отдѣлать и сдѣ́лать чнб. ловко или удивительно.
* Разсвянýлось—разсвѣло.
* Рези́нки—женскіе полусапожки на резинахъ. Мих. у.
Рéли—качели. Скоп. у.
* Родёмый (радёмай)—родимый.
[6]) Ростовóе (масло) — раставáя (масла) — весеннее. (Ростъ?).

---

[1]) У Даля помѣта—тмб.

[2]) У Даля съ помѣтой: сѣв. вост. сиб.

[3]) У Даля невѣрно сказано, что это означаетъ только соломенную золу.

[4]) Даль почему-то называетъ это „мордовскими серьгами". s. v. пухъ.

[5]) У Даля помѣчено только *орл.* и *тул.*

[6]) У Даля „рáстовое масло" s. v. расти. Безъ всякой помѣты.

* Руба́нка—руба́нокъ, столярный инструментъ. Скоп. у.
[1]) Рыһа—ри́га; амбаръ, сарай для хлѣба.
[2]) Рыски́ (въ-рыски́) — ры́сью. Нар. Скоп. у. — скоро, быстро.
Рѣзка—рѣзаная солома для корма скотины.
Рѣзко—нар.—шибко, громко, скоро (смотря по смыслу: рѣзко закричалъ, бѣгаетъ, ѣдетъ, ударилъ и проч.).

С.

* Са́тьма́—отлогій берегъ Оки, по которому лошади тащили барки. Спас. у.
[3]) Свѣжина́—свѣжая свинина.
Свѣти́льня (святи́льня)—фитиль у лампы или лампады.
[4]) Свѣчки — такъ называется канунъ Крещенія, напр.: „подъ самыя подъ свѣчки". Скоп. у.
Сеѐ противоп. каѐ и таѐ — ближе, здѣсь; каѐ — гдѣ, куда; таѐ—дальше, тамъ, туда.
Серьча́ть (сярьча́ть)—сердиться.
Си́гать—прыгать, скакать. (Даль: сига́ть — орл. тмб. кал.).
Сидѣлки—сидѣнье, лавка, скамейка.
* Сику́шка—спрынцовка, насосъ. (Скоп. у.).
Си́льчь—то есть (сирѣчь?). Даль: въ народѣ „си́лечь" s. v. си́речь.
Сине́ль—сирень.
[5]) Сирьбяри́нникъ—шиповникъ (растеніе). Такъ произносится это названіе въ рязанскомъ нарѣчіи. Въ

---

[1]) У Даля—„рига", слово же „рыга" помѣчено только *востлнд.*

[2]) У Даля „рыско́мъ дошли" s. v. рыси́ть. Безъ помѣты.

[3]) У Даля—пен. тмб. тул.

[4]) У Даля—кстр. пен.—только.

[5]) У Даля s. v. сербали́на съ помѣтой *вор.* Рязанскаго произношенія не указано.

Ботаническомъ Словарѣ Анненкова находятся слѣдующія названія: Серебаринникъ, Сереборинникъ, Серберинникъ (твер.), Сербаринникъ (кал.), Сирбаринникъ (кал. Потанинъ)—Rosa canina.

* Ска́жу—скажу́. Подобная замѣна ударенiй слышится часто въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ с. Мирославшинѣ Скоп. уѣзда и иныхъ, гдѣ, кромѣ приведеннаго слова, слышимъ, напр., схо́жу, спро́шу вм. схожу́, спрошу́ и проч. Въ этомъ отношенiи есть сходство съ блр. нар. (См. Р. Ф. В. 1892. N 1. Статья Карскаго. Стр. 54).

[1]) Скаро́дить—борони́ть. Мих. у.

Смёртнай—смертный. Скоп. у. (У Даля *ё* не указано).

* Смотрёнки—смотрины. Скоп. у.

* Смя́ли́сь (засмя́ли́сь, засмялси́)—смѣя́лись и проч. Скоп. у.

[2]) Снаше́нница—сноха. Мих. у.

* Совасто́жилъ (?)—сдѣлалъ. Мих. у. (с. Мишино).

* Спасёнка—деревянная чашка (для каши). Скоп. у.

Спряга́ть (лошадь)—запрягать.

Старова́ть—вспоминать въ разговорѣ былое, старину; разсуждать по-стариковски и жить по-старому. Такое слово есть и въ блр. нарѣчiи съ тѣмъ же значенiемъ (Носовичъ. s. v.). См. Буслаева. Историч. Очерки. I. 1861 г. Эпич. поэзiя. Стр. 60).

Старно́вка (старнова́ть — неопр. н.) — обмолоченная рожь, солома въ снопахъ.

Ста́рьцы, * старьчи́хи—старики и старухи *нищiе*, но не всякiе старики и старухи. Скоп. у. Такое же значенiе имѣетъ это слово и въ блр. нарѣчiи. (См. Носовича. Словарь блр. нар. s. v. и старчи́ха). У Даля только помѣчено: юж. зап. пск. (старцы). Надо отличать отъ словъ: „старикъ“ и „ста́руха“.

---

[1]) У Даля съ другимъ ударенiемъ: скороди́ть—ряз. тул. смл. вор.

[2]) У Даля помѣчено—тмб. кстр.

Стёжка — тропинка, дорожка. (Буслаевъ. Истор. Оч. I. 1861. Стр. 160).

Стира́ть (бялье́)—непремѣнно съ мыломъ въ противоположность слову „мыть“=полоскать: „ужъ вы́стирала, пошла мыть“.

* Сто́пка [1])—заноза; застопи́ть—занозить. Скоп. у.

* Стрекози́ться — безпокоиться (о скотѣ). „Скотъ стрикази́тца, кады́ ро́шъ святёть“.

* Судопа́ръ—трава, которой моютъ посуду.

Су́дникъ—лавка у печи въ избѣ. (У Даля „судни́ца“; су́дникъ—юж., судни́къ—запд.).

Суко́нный—шерстяной. Сукно́ — шерсть. „Чулки суконные“.

Су́рна—мо́рда (см. мы́рда). Спас. у.

Сурѣпица - раст. Barbarea vulgaris.

Сусвѣтный (не-)—невообразимый, ужасный. Скоп. у.

Сшы́бси—ошибся. Скоп. у.

[2]) Сыпуһа́ (-га́) — вьюга, метель. Буслаевъ (Истор. Оч. I. 1861. Областн. видоизмѣненія рус. народности. Стр. 178) пишетъ „сипуга“ и сближаетъ съ гл. „сипѣть“. Скорѣе — сы́пать, что доказываетъ собой рязанское *г* въ этомъ словѣ.

[3]) Сѣва́лка (слва́лка)—корзина, изъ которой сѣютъ зерна. Скоп. у.

Сябёръ, мн. ч. сябры́, -овъ—товарищъ, пайщикъ, равноправный съ другимъ хозяинъ: „Авось насъ здѣсь много сябро́въ-та“.

Сягну́ть, сяга́ть—шага́ть. Скоп. у.

---

[1]) Даль затруднялся этимъ словомъ. См. s. v. стопа́. Мск. тул. тмб.

[2]) „Сыпуха́“ надо отличать отъ „сыпуһа́“ (-га) и значитъ: печная сажа, въ особенности въ курной избѣ и отъ торфа. У Даля въ Словарѣ s. v. сыпать замѣчено довольно вѣрно произношеніе этого слова въ ряз. кал. тул.: с’ спуха́.

[3]) У Даля „сѣва́льникъ“—ряз. s. v. сѣмя.

* С́четца—3 л. ед. ч.—сочи́тся (напр. вода, жидкость вообще). „Вода с́четца, хоша ее и вытира́ють“).

Т.

1) Тае́=дальше, тамъ, туда.

2) Та́усень = „Авсень“ въ пѣсняхъ (см. въ „Приложеніи“ пѣсни).

* То (та) прибавляется всегда къ мѣстоименію „онъ“, „она“ для передачи смысла „пусть“, „пускай“: о́нъ-та (jо́нъ-та), ана́-та значитъ „пусть его“, „пускай ее“. Это изреченіе употребляется и самостоятельно, и во фразахъ, напр.: „ня тро́шъ, ани́-та тамъ“ или: „ня тро́шъ, ани́-та“, иногда просто: „ани́-та“ и т. п.

3) Точи́ть = сыпать, разбрасывать, крошить: „наточила крошекъ“, „расточила карты по-полу“, „мышь наточилъ хлѣба“.

* Тре́ско - тря́ско. Скоп. у. Тре́скій=тряскій.

* Тро́рва, тро́рванай = трауръ, траурный. Скоп. у. Вѣроятно, изъ *тро́варъ.

4) Тру́сикъ—кроликъ.

5) Тры́нка—1 копейка (сями́тка = 2 копейки, гри́вна= 3 копейки—монета).

6) Тура́ть—заботиться, безпокоиться чѣмъ.

7) Турба́цыть—тормошить. Спасъ-Кляпик. Ряз. у. (Мещерское село).

* Тусмѣ́ть—тускнѣть; тусмѣ́нный—тусклый.

---

1) У Даля см. s. v. того́.

2) У Даля съ удареніемъ на слогѣ „-се-“ Таусе́нь, безъ помѣты.

3) У Даля помѣта—юж. и тмб.

4) У Даля помѣта—юж. зап. s. v. труси́ть.

5) У Даля s. v. „три“ безъ помѣты.

6) У Даля помѣта: тмб. прм. влгд. арх.

7) У Даля s. v. турбова́ть; турба́чить съ помѣтой: пск. твр.

Тѣляшо́мъ (нар.)—нагишо́мъ; „тѣляша́ми убяглѝ пасля́ пажа́ру“.

[1]) Тѣснатѝться—тѣсниться.

[2]) Тяжѝна—полотно (пестредь).

* Тя́нкій—который хорошо тянется, прядется. Скоп. у.

У.

[3]) Убо́йна — всякое мясо, которое ѣдятъ послѣ убоя скотины.

[4]) Уло́гій (уло́һай) — хромой, не могущій ходить, лежащій, больной.

Уны́вный (-ай)—заунывный, печальный.

[5]) Усе́йка—недавно.

Утѝрка—полотенце, тряпка для вытиранья.

* Утыма́лъ, уты́меть — отнималъ, отниметъ. (Фонетическое явленіе).

[6]) Уцупѝзникъ—уполовникъ (Сп. Кл. Ряз. у.).

Х.

* Харпа́ль—драный и короткій кафтанъ, дранье.

[7]) Хворь—болѣзнь.

* Хитро́й—хитрый.

[8]) Холодя́нка, холоднѝчькя—лягушка. Скоп. у.

* Холосто́й—остриженный коротко, подъ-гребенку.

[9]) Холу́й—опилки, отруби, высѣвки низшаго сорта.

[10]) Хряпту́къ — мѣшокъ для овса, который навязываютъ лошадямъ на морду или къ оглоблямъ.

* Хряшкѝ—хрящѝ.

---

[1]) У Даля съ помѣтой—сиб.—s. v. тѣснѝть.
[2]) У Даля s. v. „Тяжь“ съ помѣтой—юж. зап.
[3]) У Даля s. v. убивать, безъ обозначенія мѣста.
[4]) У Даля s. v. уложить, съ помѣтой только—тмб.
[5]) У Даля s. v. „усей“ помѣта: кал. тмб.
[6]) У Даля см. s. v. „учупѝзнуть“.
[7]) У Даля помѣта: юж. зап. ярс.
[8]) У Даля s. v. „холодъ“ помѣта—сиб. ол.
[9]) У Даля s. v. халуй—помѣта: твр. только.
[10]) У Даля см. „хреб(п)тугъ“ безъ помѣты.

Ц.

* Цу́прикъ—названіе цокальщика (мещеряка?).
[1]) Цынова́ть—очищать лыки отъ коры, скоблить.

Ч.

Чакме́нь—зипунъ, пальто безъ кармановъ. (У Даля—чекме́нь—вост.).
[2]) Чако́вка—палка, которою бросаютъ и выбиваютъ городки (игра).
Ча́пельникъ (ца́пельникъ) — сковородникъ. Скопин. и друг. у.
* Ча́пьки—ко́рточки. „Прися́дь на ча́пьки". Скоп. у.
* Чахо́лъ—хохолъ (напр., изъ волосъ на головѣ). Скопинск. у.
[3]) Чечётка—болтушка, таранта.
[4]) Чевери́чки - череви́чки (млр.), обувь, башмаки.
* Чита́ть—считать.
Чи́черъ—суморозь. (Сп.-Кляп. Ряз. у.).
Чудёнъ—смѣшонъ.
Чудно́й—смѣшной, странный. Скоп. у.
[5]) Чупи́зникъ, чупи́знуть и чупри́знуть — уполовникъ, отобрать, почерпнуть воды уполовникомъ. Егорьевск., Зарайск. Касим. у. (Нерѣдко: юполо́вникъ).

Ш.

Шабарши́ть—шумѣть, тарантить, привередничать.
* Шаба́шникъ — растеніе. Вѣроятно = Соба́шникъ. Ві-

---

[1]) У Даля помѣта: вор. тмб. и дрг.
[2]) У Даля только „чакова́ться" s. v. ча́кать. Безъ помѣты.
[3]) У Даля безъ помѣты.
[4]) У Даля помѣта: кстр. вят
[5]) Даль s. v. чупкать.

dens tripartita. Lappa major. Panicum, Crus Galli. (Укр. Кал.).—Въ Словарѣ Анненкова.

[1]) Шала́вай (шала́ва̄ вм. шала́вая ж. р.) - глупый, сумасбродный, шально́й. Скоп. у.

Ша́шки—бабки (игра).

[2]) Ша́мши́ть—шаркать (ногами).

[3]) Швырко́выя (дрова)—колотыя, готовыя.

* Шлёмать—шлепать по грязи. Скоп. у.

* Шо́шнадцатый—шестнадцатый. (Се́мнадцатый, пе́тнадцатый—Скоп. у. Вольныя села).

Шу́бка—женская юбка изъ китайки съ подкладкой.

* Шулѣпно (?)—обманно. Мих. Кас. у.

[4]) Шумѣть—*звать*, кричать. (См. это слово).

* Шурше́пка—шерхебель (плотничн. инструментъ).

[5]) Шу́тикъ—чортъ, дьяволъ.

[6]) Шу́шка, шушпа́нъ, шушу́нъ - разныя названія въ разныхъ вольныхъ селахъ одной и той-же женской верхней одежды въ родѣ халата.

Шшыко́чить (=щекочегъ)—о соро́кѣ—кричитъ, крачетъ.

Щ.

Ща́вель—ща́ве́ль { — люди́най, — кани́най, — воробьи́най } Скоп. у. (У Даля только съ удареніемъ на слогѣ -ве-).

---

[1]) У Даля s. v. „шаль“ помѣчено: прм. и юж.

[2]) У Даля s. v. ша́мать, безъ всякой помѣты.

[3]) У Даля s. v. „швы́ркать“ безъ всякой помѣты.

[4]) У Даля s. v. „шумъ“ помѣта тмб. дон.

[5]) Даль s. v. „шутить“ помѣта: вор.

[6]) Перваго слова изъ этихъ трехъ у Даля нѣтъ, а въ объясненіи двухъ послѣднихъ встрѣчается неточность.

Ю.

* Юда́й—калѣка, уродъ. (Имя прилагательн. „женщина юда́я"). Скоп. у.

[1]) Южа́ть (южи́ть 3 л. ед.)—плакать, куксить.

Я.

Яго́льникъ (-һ-) — небольшой горшокъ для щей.

[2]) Ядрѐнай — крупный, большой (о картофели, о деньгахъ, о бѣльѣ и проч.).

* Яко́пій (яко́пъ)—декоктъ (медиц.). Скоп. у.

'Яловый—порожній, пустой. (Яловая телка, корова).

Ярова́ть, яри́ться—кипѣть (о водѣ).

[3]) 'Ярка—самка барана. (Јиһно́къ—барашекъ).

[4]) 'Ярь—хлѣбъ весенняго посѣва.

Изъ разсмотрѣннаго матеріала для изученія рязанскаго народнаго говора съ фонетической, морфологической и лексической стороны мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

1) Исходя изъ того положенія, доказаннаго лѣтописью и историческими изслѣдованіями, что Рязанскій край почти совсѣмъ не заключалъ въ себѣ славянской стихіи приблизительно до XII-го вѣка, мы признаемъ нынѣшній рязанскій народный говоръ образовавшимся постепенно путемъ колонизаціи Рязанскаго края выходцами изъ сѣверныхъ и западныхъ губерній и, быть можетъ, сосѣднихъ южныхъ.

---

[1]) У Даля помѣта—вор. нвг.

[2]) У Даля s. v. „ядро" помѣта—орл. кур. тмб.

[3]) У Даля s. v. „ярый" помѣта—зап. пск.

[4]) У Даля s. v. „ярый" помѣта—пск. нвг.

2) Рязанскій народный говоръ можно возвести по письменнымъ памятникамъ и нѣкоторымъ соображеніямъ фонетическаго характера не ранѣе, какъ къ концу XIV-го столѣтія. Слѣдовательно, рязанскій народный говоръ въ нынѣшнемъ его видѣ принадлежитъ довольно позднему времени.

3) Рязанскій народный говоръ состоитъ изъ элементовъ различной давности, изъ элементовъ пришлыхъ, не туземныхъ, но чисто-русскихъ. Древнѣйшіе элементы русскаго языка сохранились въ нынѣшнемъ рязанскомъ говорѣ, главнымъ образомъ, въ особомъ видѣ аканья послѣ шипящихъ и въ области морфологіи: въ личныхъ мѣстоименіяхъ и въ спряженіи глаголовъ настоящаго времени.

4) Рязанскій народный говоръ въ своихъ основныхъ чертахъ есть типъ древняго русскаго языка средней полосы Россіи, каковымъ онъ долженъ былъ быть до литературной обработки, каковымъ было и московское народное нарѣчіе до образованія литературнаго языка и безъ всякаго книжнаго вліянія.

Послѣднее положеніе требуетъ слѣдующихъ поясненій: нѣкоторые уѣзды Московской губерніи до сихъ поръ акаютъ по-рязански (пяскѝ, мяста́ми) и спрягаютъ глаголъ въ 3 лицѣ съ окончаніемъ *-тъ*; московскій говоръ въ XIV вѣкѣ приближался къ бѣлорусскому нарѣчію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. (Соболевскій. Лекціи. 2-е изд. 172). На основаніи письменныхъ памятниковъ средне-русскаго языка можно утверждать, что и въ отношеніи аканья (по крайней мѣрѣ, послѣ шипящихъ) московскій говоръ входилъ въ громадную область средне-русскаго акающаго нарѣчія. Рязанское аканье, а равно бѣлорусское, есть видъ древнѣйшаго аканья, и во всякомъ случаѣ оно по происхожденію ранѣе умѣреннаго московскаго аканья, образовавшагося не безъ вліянія литературной, книжной рѣчи. Всѣ случаи перехода звука *е* неударяемаго въ *а* (т. е. полное аканье) имѣли переходную ступень въ звукѣ *о*, который появился прежде всего послѣ шипящихъ, когда послѣдніе стали отвердѣвать. При первыхъ призна-

кахъ аканья (XIV в.) это *о* послѣ шипящихъ само собой звучало, какъ *а*; затѣмъ это *а* появилось уже послѣ всякаго другого мягкаго согласнаго при посредствѣ та́кже звука *о* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ. Примѣры: „сложенъ“—„сложена“ послѣ отвердѣнія шипящихъ превратились въ: „сложонъ“—„сложона“, а при аканьѣ въ: „сложанъ“—„сложана“. (Или въ муж. родѣ „сложо́нъ“, если удареніе было на „жо“). Другіе примѣры: желтѣть, жолтѣть (жо́лтъ), жалтѣть; обсаженъ, обсажонъ, обсажанъ, обсажана; жена́, жона́ (жо́нъ), жана́; четы́ре, чоты́ре, чаты́ре. Подъ вліяніемъ такихъ и подобныхъ произношеній: несенъ—несена, нес'онъ—нес'она, нес'ана; село́—с'оло́ (с'о́лъ)—с'ало́. Звукъ *ц* нѣсколько позднѣе подвергся отвердѣнію. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что полному аканью предшествовало отвердѣніе шипящихъ и расширеніе звука *е* первоначально независимо отъ ударенія, но въ зависимости отъ слѣдующаго слога, хотя нерѣдко (см. выше) расширившееся *е* въ *о* подпадало подъ удареніе. Полное-же аканье должно было появиться за этими явленіями и указываетъ на новый факторъ — вліяніе ударенія.

5) Рязанскій народный говоръ ближе стоитъ къ бѣлорусскому нарѣчію въ древнемъ его видѣ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ къ сѣверно-великорусскому. Это указываетъ на источники образованія рязанскаго народнаго говора.

6) Если принять во вниманіе, что „древній смоленско-полоцкій говоръ (XIII—XV в.) былъ промежуточнымъ звеномъ между говорами сѣверныхъ кривичей съ одной стороны и дреговичей съ другой“ (Соболевскій. Смол.-полоцкій говоръ. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. Стр. 15), если ближайшее разсмотрѣніе нынѣшняго рязанскаго народнаго говора въ свою очередь обнаруживаетъ общія черты съ древнимъ бѣлорусскимъ говоромъ и сѣв.-влкр. говоромъ, то онъ долженъ быть признанъ также промежуточнымъ звеномъ между западнымъ и сѣвернымъ русскимъ говоромъ только въ другой половинѣ, въ восточной, средней полосы русскаго языка.

7) Принимая во вниманіе, что рязанское нарѣчіе не приняло въ себя *позднѣйшихъ спеціальныхъ* чертъ бѣлорусскаго нарѣчія, мы будемъ имѣть въ нынѣшнемъ рязанскомъ народномъ говорѣ образецъ древняго (XIV—XV в.) обще-среднерусскаго народнаго языка. Срв. орловское, курское, воронежское, отчасти тамбовское и харьковское нарѣчія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Пѣсни, записанныя въ Рязанской губерніи.

N 1.

Обрядовыя пѣсни подъ Новый Годъ.

Кликанье Авсяня (Таусеня) подъ Новый Годъ въ Рязанской губерніи происходитъ такъ: ребята, собравшись около избы, просятъ позволенья „Авсяня прокликать“ и говорятъ: „Хазяинъ съ хазяюшкай, дазвольтя-ль Афсянтя пракликать“? Имъ отвѣчаютъ: „Кличьтя“!

Они начинаютъ:

Филипафъ дворъ сиряди Масквы стайтъ,
Бай, Афсень! (2).
Онъ тынямъ аптынёнъ
Бай, Афсень! (2).
На фсякай на тынинки
Па жамчужынки.
Бай, Афсень! (2).
Какъ святёлъ-та мѣсяцъ
Хазяинъ вы-даму;
Бай, Афсень! (2).

Красна солнышка
Што хазяюшка яво
Бай, Афсень! (2).
Часты звѣздачьки
Малы дѣтушки!
Бай, Афсень! (2).
—Падайтя намъ кишку-ношку
Въ верьхнюю акошку,
Мы такъ не дастанямъ
Лапату патставимъ!
Бай, Афсень! (2).

Род. падежъ отъ слова „Авсень“ говорятъ и „Афсяня“ и „Афсянтя“. Записано отъ крестьянки д. Щелева, Скопинскаго уѣзда.

N 2.

Другой варьянтъ, записанный въ с. Свистовкѣ Скоп. уѣзда:

Мы хадили, мы ђуляли
Па святымъ вичара́мъ,
Мы искали-та искали
Што Васи́льява двара.
Ба́й, Афсень! (2).
Мы нашли яво сиряди Масквы.
Ба́й, Афсень! (2).
Какъ Васи́льяфъ та дворъ
Сиряди Масквы стаить,
Ба́й, Афсень! (2).
Онъ весь ты́нямъ аптынёнъ,
Какъ на фсякай на тыни́нки
Па жамчу́жынки.
Ба́й, Афсень! (2).
Василій ђаспадинъ — што святёлъ мѣсяцъ.
Ба́й, Афсень! (2).
ђасуда́рыня яво барыня
Што красная со́лнушка!
Ба́й, Афсень! (2).
Малы дѣтушки яво
Часты звѣздушки.
Бай, Афсень! (2).
Ба́й, Афсень—каляда́,
Дай краюшку пираҍа!

(Тутъ всѣ пирястануть, адна бу́дя ђаварить:)

Бу́тьтя дабры́, да́йтя стаканъ вады́,
Бу́тьтя ради, да́йтя стаканъ браҍи,
Кишки́, жалу́тки, кишки́, но́шки
Фъ пячѣ сидять, на насъ ђлядя́ть,
Фъ каше́ль хатя́ть.

Падайтя кишку-но́шку
Въ верьхнюю акошку,
Мы рукой ни даста́ни^ямъ,
Лапату патставимъ.

(„Кишки чиня́ть крупой и даютъ јимъ“, замѣтила пѣвшая баба).

N. 3.

Кликанье Тау́сеня въ с. Мирясла́фшынѣ (Милославщинѣ) Скопинскаго уѣзда. Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 3, стр. 368. N 5, стр. 371. (Обрядныя).

Тау́сень, Тау́сень, я хажу-ли, пахажу-ли
Па святымъ вичарамъ;
Я ишшу-ли, паишшу́-ли
Ушъ Панфёрафъ дворъ!
Какъ Панфёрафъ дворъ
На прикра́сьи стаить:
Сиряди яво двара
Да три теряма стаять.
Тау́сень!

Первый терямъ — свѣтялъ
мѣсяцъ—
Самъ Панфёръ гаспадинъ;
Фтарой терямъ — красна
сонца—
Ушъ хазяюшка яво;
Третій терямъ—часты звѣз-
ды—
Мелки дѣтушки яво.
Таýсень!
Какъ за рѣчкяй, за ряко́й,
Жывуть люди баһáтыји,
һрябуть деньһи лапатами,
Намъ па де́няшки дають,
Па капе́ячки сулять.
Таýсень!
Пада́йтя ношку
Въ задьнюю акошку;
Ношку ни дадитя,
До́черю касýя радитя.
А если кишку пададитя,
Сына харошава радитя.

N 4.

Кликанье Таýсеня въ селѣ Зыковѣ Раненбургскаго уѣзда:

Таýсень, Таýсень, мы хадили па святымъ вичарамъ,
Мы искали, паискали ушъ Панфилафъ дворъ.
Какъ Панфилафъ дворъ—онъ весь тынямъ аптынёнъ,
На кажнай на тынинки па жуко́винки.
Таýсень!
Свѣтялъ мѣсяцъ—ушъ какъ Хвёдаръ һасударь,
Красна́ сонца һасударыня яво!
Ясны звѣ́зды—ушъ какъ дѣтушки яво!
Таýсень!

Сравни у Сахарова. Сказ. рус. народа. СПб. 1841. Т. I. Обряныя пѣсни. NN 3, 4, 6.

(Эти двѣ пѣсни записаны моимъ ученикомъ по моимъ указаніямъ).

N 5.

Въ Гусевскомъ погостѣ Касимовск. уѣзда такъ, между прочимъ, „кличуть“:

Таýсень, падай канькя́,
Таýсень, радишъ сынка!

Подъ Новый Годъ дѣйствительно пекутъ тѣсто въ формѣ *конька.* (Сообщено А. И. Смирновымъ).

Бытовыя пѣсни „Свадьбишныя".

N 6.

(Срв. у Сахарова. ib. Свад. п. N 145).

Жыниху съ нявѣстай абѣмъ пѣраютъ, кады ани къ вяньцу идутъ:

Русы кудри за столъ пашли,
Русу косу за сабой павяли:
Русы кудри, што Иванавы,
А руса каса — Настасьина.

(Если жанихъ ни ддаётъ деняхъ за пѣсню, то пѣраютъ:)

Слышышъ-ли, Иванъ-сударь,
Што пѣрицы ћаварятъ:
Знать, ани дару хатятъ. („Даръ"—род. п. ед. ч.)
„Иль у васъ деняхъ нѣтъ?
Вы займитя у таварышшей,
У Настасьи Павлавнай".
—Друхъ ты мой, Настасьюшка,
Акупи маю ћолаву,
Изъ накладу вывяди,
Исъ пазора вяликава.

Записано отъ крестьянки д. Щелева Скоп. уѣзда.

N 7.

Кады жанихъ съ нявѣстай пріѣдутъ атъ вяньца, имъ пѣраютъ:

Дѣ былъ селязень,
Дѣ была утёна?
Дѣ былъ Иванъ,
Дѣ была Настасья?
Бохъ ихъ снёсъ
Въ адно озяро,
Адну воду пить,
Адно ѣства клявать.
Бохъ васъ свелъ
За адинъ столъ,
За адну скатертью,
Адно ѣства јисть,
Адну рѣчь ћаварить.

N 8.

(Срв. у Сахарова. Свад. п. Вар. N 25; ibid. N 12, стр. 189).

Паяжжа́намъ иһраютъ. (Дружку́ и полу́дуружью.)

Дру́жынькя харо́шынькяй,
Дру́жынькя приһо́жынькяй,
Какъ на друшки кафтанъ
Бархатнай,
Какъ на друшки кушакъ
Калам́енкавай,
Какъ на друшки каты́
Каты бархатны,
Чулки шо́лкавы.
Каты съ и́скриками,
Фсѣ павы́скакали,
Въ рукахъ-та тросць,
Трость сяре́бряная.
Онъ и на һару идётъ
Апира́етца.

Записаны въ д. Щелевѣ, Скопинскаго уѣзда.

N 9.

Свадьбашная.

(Срв. у Сахарова. ib. Свад. п. N 24 и 168).

Сиратѣ иһраютъ, кады косу расплятаютъ.

Ты ряка-ли, мая рѣчанькя,
Ты ряка-ли, мая быстрая,
Ушъ и што жа ты, рѣчанькя,
Патихо́ бяжышъ, палягохан́ькя,
Ушъ и што жа ты, Марьюшка,
Ушъ и што жа ты, Ивановна,
Пріюны́въ сидишъ, призаду́мамшысь,
Што павѣ́шамшы һало́вушку,
Што на праваю старо́нушку.
—Ушъ вы, люди, маи люди, люди добраи,
Вы сасѣды приближо́наи,
Ка чаму́ жа мнѣ вясёлай быть:
У мене́-ли нѣту матушки (батюшки).
Убрать, снарядить есть каму,
А блаславить мене не́каму.
Ты радимай мой, братяцъ,

Ты, Василій Иванавичь,
Ни жылѣй сваихъ рѣзвыхъ нохъ,
Ни жылѣй сваво дабра каня,
Паяжжай ты къ Бажьѣй церкви,
Къ Бажьёй церкви, къ суду Божьяму,
Ухватись ты за кручёнъ канатъ
И ударь ты въ бальшой колакалъ,
Разбуди маю матушку.
Расступись сыра зямля,
Раскались һрабава даска,
Раскройтяся ясны очи,
Разлажытяся бялы ручки.
Васстань, матушка мая,
Убяри ты миня, снаряди,
Бласлави миня һорькюю
Къ суду Божьяму.

(С. Яблоново. Скоп. у.).

N 10.

На марѣ һаһолушка купаласа,
На сухомъ на беряшки апсушаласа.
Мима ѣхалъ һаспадинъ Иванъ,
Онъ махнулъ шалкавой плеткай:
—Палятп, һаһолушка, палятп къ маей Варварушки,
Разбуди, һаһолушка,—свѣтъ маю Варварушку,
Штабъ ана убиралася и къ вяпьцу залатому
Приһатавлялася. (С. Свистовка. Скоп. у.).

N 11.

На рякѣ, на рѣчаньки,
На калинавамъ мостику
Красная дѣвушка дары мыла
И шытья калатила.
Па друһуя старонушку
Паринь каня паилъ,

Бяле́нькя ей зһавари́лъ:
—Бяле́нькя табѣ, свѣтъ ты, мая Ма́рѳушка,
Ручьки сабѣ пазнаби́ла.

Ана яму атвячаеть:

—Хӑшъ ты жылѐй, хӑшъ ни жылѐй,
Ни твая слуһа я вѣрная:
Я слуһа сваму батюшки
И радной сваёй матушки.
Какъ унѣжылъ миня батюшка,
Улялѣила мене матушка:
Слатка пила я, ѣла,
Харашо я у нихъ хадила:
Атласъ зъ бархатамъ насила
Сы алами лентыми,
Зъ дараһими празуме́нтыми.

(Этую пѣсню иһраютъ, кады праважаютъ дѣвушку къ вяньцу и убираютъ јеје́). Срв. у Сахарова. Свад. п. N 81.

С. Свистовка. Скоп. у.

N 12.

Если дѣвушка — сирота, то она *кричитъ* (см. словарь), когда ее одѣваютъ:

Кармиляцъ ты мой, батюшка,
Кармилица мая, матушка,
Любезнаи маи братцы,
Вы схадитя ка Божьей церкви,
Вы ударьтя въ бальшой колакалъ,
Разбуди́тя маво кармильца—батюшка
На ета время—минутачькю,
Штӑбъ онъ пришолъ, мене блаславилъ
И въ чужы́ люди мене правадилъ,
Ка чужому атцу съ матерью.

Срв. у Сахарова. Свад. п. N 168 и N 183.

С. Яблоново. Скоп. у.

N 13.

Кады всходить жанихъ пакупать нявѣсту:

Милыји маи братцы,
Любезнаи маи сястрицы,
Схадитя ва зяленую рошшу
И срубитя вы мнѣ бѣлую бярезу,
Штăбъ маимъ разлучникамъ
Ни взайтить, ни взъѣхати,
И маи русаи воласы
Яму ни троһати. Тамъ-же.

N 14.

Зимляничькя я́һатка,
Атчаво жа ты красна
Ва сыромъ бару расла,
Прати солнушка свяла,
Спротивъ жара стаяла́?
Марьюшка хараша́,
Михайлавна приһажа́,
Фъ каво жъ ана хараша,
Фъ каво жъ ана приһажа?
Вы батюшку хараша,
Вы матушку приһажа.
Чирязъ на́шъ шырокай дворъ
Пралятаалъ яснай саколъ,
Ранйлъ залато пяро—
Шызьдяся́тъ рублей дано –
Къ Марьюшки падъ акно.
Нихто пяра ни видалъ,
Нихто ни усматрилъ:
Батюшка увидалъ,
Ай, батюшка увидалъ,
Сударь радной усматрилъ.
Онъ Марьюшки зһаварилъ:
—Ай, Марьюшка, падыми,
Михайлавна збиряһи.
—Ай, батюшка, нидасухъ,
Сударь радной ня время:
Я па сѣнюшкамъ хажу
Жамчу́хъ на́ руку нижу,
Жамчу́хъ на́ руку нижу,
Вы каппа́ньицу спяшу,
Вы такуя, вы каппанью
Жынихо́фъ выбирать.
Ушъ я выбрала жынишка,
Што Стяпана-сакала.
Стяпанъ-сударь, друхъ ты мой,
Пандравилси разумъ твой,
Весь абычій дараһой. Тамъ-же.

N 15.

На һарѣ рябина стаяла,
Бу́янъ вѣтяръ рябину шатаеть,

Силянъ дождикъ рябинушку мочить,
Краснымъ сонцамъ рябинушку сушыть.
Стяпанъ-сударь въ Маскву атъяжжаеть
Иванавичь атъяжжаеть,
Марьюшка яво праважаеть,
Ана яво праважаеть,
Сама слёзна плачить:
—Ня плачь, ня плачь, Марьюшка,
Я самъ скора буду,
Тебе ни забуду,
Куплю табѣ, свѣтъ-Марьюшка,
Салопъ съ сыбалями,
Шляпу сы пярами,
Перстинь са славами. Тамъ-же.

N 16.

Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 191, стр. 233.

Пазатъ саду
Пазатъ зилянόва,
Ходить һолупь сы һалубушкай.
У һолыбя залатая һалава,
У һалупьки шея ряжаная.
Ходить Стяпанъ сы Марьюшкай,
һалубой на ёмъ сяртукъ,
На Марьюшки юпка розавая.
Прихадили два таварышша яво,
Пазавидавали яму:
Кабы ета мая жана была,
Я јеје́ ба вясно́й вы калясачькяхъ вазилъ,
А зимой ба ва таченыхъ *казырйхъ*,
На ямшыцкихъ лышадяхъ. Тамъ-же

Срв. Сахарова. N 101, 34. N 39.

Круhавыи и плясавыи.

N 17.

Масляничная плясовая („абъ маслянай иhраютъ“).

Ай у hорянки, ю hорянки,
Ю hорянки, ю навой, (2)
Тамъ ляжать доски, (2)
Ляжать доски топки, трёски. (2)
Я па тѣмъ даскамъ (3) hуля́ла,
На ту доску я ступила; (2)
Ай та даска (3) абламилась;
За ту доску (3) журя́ть-браня́ть,
Журять-бранять, пабить хатять.
Твая журьба́ (3) чисавая,
Мая hульба́ викава́я.... (2)
(Дальше крестьянка забыла. С. Яблоново. Скоп. у.)

N 18.

Плясовая.

Ни сизо́й hолупь па hарамъ лcraталъ,
Чижало вздыхалъ,
Чижалѣй таво дѣвка плакала
Па сваёмъ друшку́, па Иванушки.
У Иванушки на hало́вушки,
На hаловушки вились кудрюшки.
Даляко я шла правaжать друшка,
Даляй Питяра, даляй hорада,
Даляй матушки камяно́й Масквы.
Спряди́ Масквы расставалися,
Съ стараны люди дивавалися:
Ушъ и чей такой расставаетца,
Либа мушъ жъ жаной, либа братъ съ слстрой,
Либа прежній друхъ съ палюбовницай,
Съ краснай дѣвицай, съ рукадѣльницай.

Тамъ-же.

N 19.

Плясовая.

Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 86, стр. 133 (хороводныя); N 33, стр. 176 (плясовыя).

Ты хмялина, ты хмялина,
Ты хмялинушка мая,
Никада миня хмялина
Ни разымливала.
Какъ и по́ня авчяра́
Хмялинушка разняла́,
Разняла мння хмялина—
Палюбилъ шшо́һаль-дятина,
Палюбилъ, палюбилъ,
Каты́ новаји купилъ.
А Яһоръ на задоръ—
Два съ палтинаю—па столъ,
Һривянъ восямъ на столъ бросилъ
На нѣмецкіи чулки.

Тамъ-же.

N 20.

Ни падъ яблынькуй такой,
Падъ кудрявай зилянόй,
Сидить моладецъ такой,
Ни жанатай, мужаватай,
Держыть һусли патъ палой,
Патъ праваю старанй.
Вы зыһрайтя һусли-мысли,
Я вамъ пѣсянку спаю
Пра жаниству пра сваю,
Какъ жанила мыладца,
Цужа дальня старана—
—Макарыска ярманка.
У Макара на базари
Салуцыласа бяда,
Ой бяда, бяда, бяда,
Да ня малинькяя.

Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 48, стр. 192 (плясовыя).

N 21.

Я такой былъ раскрасавцыкъ,
Самъ па хабрицкахъ жывалъ,
Разнай ситяцъ набивалъ,
Получалъ деняхъ ня мала,
Сотъ па восямъ рублей въ годъ,
И таво мнѣ ни хватала
Шызьдясятъ рублей въ аброкъ.
Я съ хазяинамъ расцёлси,
Ницаво мнѣ ни пришлось,
Исъ кантуры вонъ пашолъ,
Кулакомъ слезы утеръ.
Какъ, утершы горки слезы,

Атправлялси въ дальнай
путь.
Всю дарожынькю праѣхалъ,
Абъ расцёти таскавалъ,
Куды денюшки дявалъ,
Куды һривна, куды рупь,
Куды два съ палтинаю;
Я пріѣхалъ я дамой,
Весь аборваннай, худой,
Словна жуликъ плащано́й.
Пажыви ка ты въ дяревни,
Пахлябай ка сѣрыхъ щей,
Папаси худыхъ лаптей.

(Касим. у. Тумскій край).

N 22.

У Калуцкихъ у варотъ
Дѣфьки водють караһодъ.
Анна́ дѣвица запѣла,
Въ терямъ һоласъ падала,
Маладца въ таску һояла.
Маладечь на конь садилси,
Тижалёхынькя вздыхалъ,
Праву руцку къ серьцу жалъ,
Самъ Надеждуй называлъ.
— Ты скажы, скажы, На-
дежда,
Скажы́ вѣрная *любой* (лю-
бовь),
Атъ цаво серьца страдая,
Атъ цаво пылая *крой* (кровь).
Знать, приходя пара-время,
Серьца цуствуя любой.

ibidem.

N 23.

Ни ва поли, полюшки
Елыцка стаить,
Какъ падъ этуй ёлыцкуй
Гусарикъ ляжыть.
Гусарикъ ляжыть,
Конь яво стаить.
Конь капытуй землю бьё,
Вады ни дастаё.
—Табѣ, табѣ, коникъ мой,
Вады ни дастать,
А мнѣ добраму молодцу
Атъ зямли ня встать.
—Вастань, вастань, моладецъ,
Армея идё.
А дѣ жа ты была, завалиласи,
На дирявамъ масту правали-
ласи,
А и хто тя песъ
На дирявай мостъ?
—Я на рынацки была,
Я һарѣлыцку пила,
Я рассады накупила,
Иһаротъ свой засадила,
Капуста мая, раскацанистая!

Тамъ-же.

N 24.

Я сидѣла падъ акóшыцкамъ,
Пряла бѣлинькяй лянокъ.
Я въ акошыцка ћлядѣла,
ћдѣ няйдёть-ли милай мой—
Жаль растáццы мнѣ съ табой.
Всѣ дявцонки въ караводи,
А милашки маёй нѣтъ.
Всѣ звѣздыцки на нёби,
Палуношнай анной нѣтъ.
Атъ ућла цатвёртай домъ,
Жолтуй краскуй навядёнъ,
Три дявцонки сидя въ ёмъ:
Аннà Саша, друћà Маша,
Третья Полицка-душа,
Знать, дявцонка хараша.
Вотъ павадились рябяты
Къ етимъ дѣвацкамъ хадить,
Разны яћатки насить.

Тамъ-же.

N 25.

Гуси маи сѣраjи
Всю ноцку ярвокали (яћокали),
Спать мнѣ ни давали.
На крылецки стóила,
Брóвами мóрћала:
—Суда, хлопцыкъ, до миня,
Цорны брови у мяня.
—Цортъ тея дяри съ ними,
Ты дамно манишъ jими.
Кóбы я ни манила,
Я ба боса хадила,
А то шыльницка люблю,
Въ цывярицкáхъ я хажу:
Аннà пара новая,
Друћая казловая,
А третья царвовая.
—Дѣвка цернабровая,
Пра тяя, дѣвка, слава,
Съ кѣмъ ты всю ноцку спала.
—Спала я съ салдатикамъ,
Спала я съ малодинькимъ,
Патъ кустомъ равитавымъ,
Съ казакомъ Микитаю.

Тамъ-же.

№ 26.

Ни вяля Машы на рѣцынькю хадить,
Ни приказывуть малоддыка любить.
Халастой паринь, любитель дыраhой,
Онъ ни цуствуить любоји никакой.
Какава любой на свѣти hарюца,
Стаить Машынькя заплакана,
У красавицы затерты рукава.
hлеть на Машынькю, пабѣдушка пришла:
Вечяръ Машынькю пабили за друшка.

Тамъ-же.

№ 27.

Ни ва садики салóвушыкъ паёть
Маяму серьцу̑ зазнобу придаёть:
Надарваласъ сярдечинъкя плакамшы,
На яво ли русы кудри hля́дямшы.
Паходыцка яво цастинькяя,
Приhаворы-слава ласкавыји.
—А що-жъ милинькяй ни зайдёшъ ка мнѣ,
Милъ ва гори ни навѣдаишъ миня?
—Пастой, милка, пара-время избярусъ,
Тёмнай ноцыньки дажжусъ:
Придя день, са старонъ люди hлядя,
Са вецара атецъ съ матерью ня спя.
Цуть заснула малодушка на цасокъ,
Ей прибредилась, бытто дружокъ милинькяй пришолъ,
Ка тисовай каравати падашолъ.
Онъ лажытса на тисову каравать,
Зацалъ душку цылавать и милавать,
Кы рятиваму сярдецку прижымать.
Зар̑давалась ритиво серьца ва мнѣ;
Прабужаласъ красна дѣвица ва снѣ,
Прабужамшы я на бѣлай свѣтъ hляжу,

То-та правда, возля милава ляжу,
Всяки пряницки, арѣшки па сталахъ,
Заһрямѣли цайны цашки са стала,
Зиляно вино һ бутылкахъ һ галавахъ,
Зашумѣли самавары ва сяняхъ.
Ни па юлицы мятелича мятё,
Ва мятелицы канпаньица идё,
Ва канпаньицы друхъ милинькяй.

Тамъ-же.

N 28.

Плясовая.

Я сы һоря, сы бяды
Пракутилъ я фплоть да самай спряды,
Я накроюсъ худинькимъ мяшкомъ,
Пракачу я вдоль па улицы пяшкомъ.

(С. Яблоново. Скоп. у.).

N 29.

Я стаяла вичярипай у варотъ,
Вдоль па улицы пяхота идётъ.
Падбягáётъ афицерикъ маладой,
Онъ сказалъ: „напой, красавица, вадой“.
Онъ, напимшы вады, крѣпка ручькю жалъ,
Прикланялси, очень страшна цалавалъ.
Афицерикъ вдоль улицы прабяжалъ.
Долһа, долһа я смáтрила за нимъ вслѣдъ,
Ва ачахъ памутилси бѣлай свѣтъ.
Вдрухъ пріѣхалъ на фатеру јинаралъ,
Больна жаласна, какъ ранянай, станалъ.
Семь лѣтъ ва вдавыхъ я пражыла,
Читырёхъ дóчькяфъ замушъ аддала. Ibidem.

N 30.

Плясовая.

Харошъ мальчикъ вурадил-
си,
Яво һласки һалубыји,
Русы кудри накладныји,
Принапудряныји.
Для таво онъ ихъ напýтрилъ,

Штабы фсякъ яво любилъ.
Адну дѣвицу люблю,
Наhлядѣтца ни маhу,
Наhлядѣтца, насматритца
На яё ли красату,
Што на русаю касу.
Куды здумаю, паѣду,
Съ сабой милава вазьму,
Въ Питяръ hоратъ паступлю,
Па кіятрамъ павяду,
Ва hастиннай рятъ зайду.
Ва hастиннамъ ва ряду
Фсѣ лавачьки абайду,
Фсѣ тавары пир͡сматрю,
Баршыни бархату куплю,
Баршыни бархату, атласу,
Залатуя бахмару́,
Кравать нову абабью,
Тисавуя снаряжу́.
Сяду на кравать,
Буду плакать-hарявать,
Ни придётъ ли милой апе́ть.
Съ караватачки слязала,
Чивярички надявала,
Чивярички нивялички,
Новы, бархатныjи.
За варота выхадила,
Друшка за ручькю брала,
Ва високъ тярёмъ вяла,
Стала друшка потчивати.
Ibidem.

N 31.

Пласовая.

Са бяла лица далой
Ѣдя мой рявнивай мушъ дамой, (2)
Онъ вязё (2) падаракъ дараhой,
Шылкавуя плеть, вальховай кнутничекъ,
Хоча, хоча миня моладу п͡учить,
Я ня знаю, я ня вѣдаю, за што,
У сасѣда долhа вечярамъ была,
Халастому стаканъ рому налила,
А жанатаму зяленаhо вина.
Халастой мой стаканъ рому ни принялъ,
Онъ маи ручьки ка сярдечькю прижымалъ,
Онъ миня душой Катюшай называлъ.
—Ты раздушынькя, Катюшынькя, мая,
Мнѣ пандравилась паходачькя твая,
Паходачькя твая частинькяя,
Паhаворачькя мякинькяя.

Стучить, ђрямить мой милинькяй у варотъ,
—Пади, выди ты, сударушка мая,
Пади, выди, пабалакаимъ съ табой.
Словна милай шутачькю шшутилъ:
Папярёкъ миня дявчонку ухватилъ,
Панесъ, панесъ на тисову каравать.
—Пастой, милай, я пастелю пастялю,
На пастелю аржаную саламу́,
Въ изђаловьица дубовай чурбачекъ,
Адяяльца—танбоскай дерђачёкъ.

(С. Булычево. Скоп. у. Каждая строчка играется по два раза).

N 32.

Малотка мая (2), малодинь-
кяя,
ђалофка твая (2), пабѣднинь-
кяя,
Не съ кимъ мнѣ малотки
Ночькю начявать,
Ай ну, ай ну-ну,
Ночькю начявать!
Ночькю начявать,
Праспать, праляжать!
Ай ну, ай ну-ну,
Праспать, праляжать!
Лажысь спать адна,
Безъ мила друшка,
Ай ну, ай ну-ну,
Безъ мила друшка!
Безъ мила друшка,
Пастелькя хрушка́,
Ай ну, ай ну-ну...
Безъ мила друшка
Бярётъ ђрусть-таска,
Ай ну, ай ну-ну...
ђрусть-таска бярётъ
Даляко́ милай жывётъ,
Ай ну, ай ну-ну...
Дале́ка, даляко́,
На той старанѣ,
Ай ну, ай ну-ну...
На той старанѣ,
Ня блиска ка мнѣ,
Ай ну, ай ну-ну...
Ня блиска ка мнѣ,
Блиска къ Масквѣ,
Ай ну, ай ну-ну...
Ходя мой милай
Той старанοй,
Ай ну, ай ну-ну...
Машыть мой милой
Праваю рукой,
Ай ну, ай ну-ну...
Рукой правай, шляпай чор-
най,
Ай ну, ай ну-ну...
Пиряйди́, сударушка
На маю старонушку,
Ай ну, ай ну-ну...

На маёй старонушки
Фсѣ һульбы-забавушки,
Ай ну, ай ну-ну...
Сады зяленыjи,
Салавьи вяселыjи,
Ай ну, ай ну-ну...
Салавьи вяселыjи.
(С. Булычево. Скоп. уѣзда).

N 33.

Масляничная (плясовая).

Ушъ ты коваль-кавалёчикъ,
Пайди, коваль, ва лясочикъ,
Сруби тонинькяй дубочякъ,
Здѣлай Дуни халадочикъ,
Халадокъ, халадокъ, халадочикъ.
Штопъ я, Дуня, ни һарѣла,
Жывотъ, серьца ни балѣла,
Ни балѣла, Дуня, ни балѣла.
Кума хъ кумѣ прихадила,
Рубашоначьки прасила,
Прихадила кума, прихадила,
Прасила кума, прасила.
—Ты дай, ты, Душа, рубашку,
Рубашку, рубашку,
Хоть худуя, да льлянуя,
Альлянуя, кума, альлянуя
Съ красными съ паляками,
Съ паляками, кума, съ палякамп,
Сы долһими рукавами,
Съ рукавами, кума, съ рукавами.
—Сама, кума, пряди, ни лянися,
Ни лянися, кума, ни лянися,
Вдоль лавачьки ни тянися,
Ни тянися, кума, ни тянися.
—Ушъ я пряла, ни лытала,
Ни лытала, кума, ни лытала;
Сваму дружку на рубашку,
На рубашку, кума, на рубашку.

С. Яблоново. Скоп. уѣзда.

N 34.

На мнѣ шуба чужая,
Рубашонка худая,
Ай, худая, худая!
Пайду дамой, пирьмяню,
Ай пирьмяню, пирьмяню.
Ишшо хужай надѣну,
Ай надѣну, надѣну.
Пришла дамой, ни дають,
Падзатыльничькя дають,
Ай дають, ай дають.
Падзатыльникъ зъ блёскими,
А я малада съ слёзкими,
Ай съ слёзкими, слёзкими.

Тамъ-же.

N 35.

Салавейкя, салавейкя,
Салавейкя маладая
Вонъ исъ саду вылятала, (2)
Дѣфкамъ волюшку давала.
Дѣфьки по саду һуляли
Сваю долю праклинали:
Ушъ доля, мая доля,
Распраклятая доля.
Хто жанатава любить,
Халастова нинавидить;
Баба дѣфкамъ һаварила:
—Ни любитя маво мужа.
—Чортъ съ табой, съ мужамъ,
Прицапи яво на шею,
Валачи яво за сабою.
—Валачила, валачила,
Спина, шея забалѣла,
Паясница разламила.
—Ушъ ты, баба, ты, бабёнка,
Шылудива һалавёнка,
Струпяна́я макушка
Пасинѣла, какъ ляһушка,
Пасинѣла, паблядьнѣла,
Яё немачь адалѣла.

Тамъ-же.

N 36.

Какъ у нашыхъ у варотъ
Стаялъ дѣвакъ кураһодъ,
Ляли, брава, кураһодъ.

Сталлъ дѣвакъ кураћодъ,
Малодушекъ табунокъ,
Ляли, брава, табунокъ.
Меня дѣфьки кликали,
Меня малодушки манули,
Ляли, брава, манули.
Меня свёкарь ни пустилъ,
Ляли, брава, ни пустилъ.
Хатя пустилъ, приħразилъ,
Ляли, брава, приħразилъ.
ħуляй, снаха, да пары,
Вплоть да бѣлай да зари,
Ляли, брава, да зари.
Бяла зорькя занялась,
А я дамой сабралась,
Ляли, брава, сабралась.
Патхажу я ка двару,
Ляли, брава, ка двару.
Ходить свёкарь па двару,
Ляли, брава, па двару.
Расчясамшы бараду,
Завязамшы ħалаву,
Ляли, брава, ħалаву.

Тамъ-же.

Срв. у Сахарова. Сказ. р. народа. I. Хороводн. п. N 22, стр. 34; N 53, стр. 44; N 54, стр. 45. Варіанты. Ibid. N 2, стр. 56, а также на стр. 69 два варіанта. У Шейна. Р. н. п. N 89, стр. 136. (Хороводныя).

N 37.

Круговая.

Ушъ ты, сатъ, ты мой сатъ,
Ты на што рана святёшъ, асыпаисьси?
Ской далеча, милой, сабираисьси?
Ты са всёй сваёй сямьёй распрашшаисьси,
А са мной съ мыладой всё руħаисьси.

Ни руhай, ни бранись, скажы милачьки „прашшай“.
Тутъ лятѣла пава чирясъ синя моря,
Уранила пава съ крыла пёрушка;
Мнѣ ня жалка пяра, жалка крылушка.
Записали мыладца въ службу царскаю,
Службу царскаю, hасударяву.
Служылъ hотъ, служылъ два,
Служылъ фсѣ три hада,
На паслѣдній та hотъ
Сталъ письмы писать.

Д. Звѣрево, Данковскаго уѣзда.

N 38.

Ты, сударушка, ты мая размилая,
Идѣ жа ты была, прыстаяла, прыспала?
Прыhлядѣла на чужыхъ мужьёфъ?
Какъ чужыји мужья пьють, hуляють,
А маей яhатки дома нѣту.
Онъ па ярмачькямъ, пы тарhамъ разъяжжая,
Сваво варана каня прадавая,
Д' ушъ нихто у яво ни тарhуя.
Тарhавалъ, любавалъ сынъ hастинай.
Енъ дёшыва давалъ—палтараста рублёфъ,
Мнѣ ня сходна взять палтараста,
А сходна взять двѣсти.

Д. Звѣрево. Данков. у.

N 39.

Питярбурска была дарошка,
Маскоска была шырока,
Да нихто-та на етай дарошки
Ни не былъ толькя, ни hулялъ.
Толькя шолъ, прашолъ пишахотнай полкъ салдатъ.
Ни дашетшы да сяла, дяревни

Станавились салдаты въ рятъ,
Падъ бѣлай барезай лажылись салдаты спать.
Стали атдыхать равнёхунькя ровна три часа
Адинъ мальчикъ раскрасафчикъ
Фсю Расею испрашолъ,
Атца съ матерью ни нашолъ,
Нашолъ новай кабачекъ,
Прапилъ шапку, кушачекъ. Ibidem.

N 40.

Вы һоради салучилася бяда:
Тамъ убили маладоһа казака,
Прихранили при шырокай далинѣ,
Тамъ лятѣли саколики старaной,
Сѣли-пали ю вдовушки на дварѣ,
Крылушками шырока размяли,
Һаласами ю вдовушку будили,
Стань, праснись, ювдовушка, вдава,
—Ты паслушай, пра што люди һаварят,
Люди баютъ и руһаютъ и браня,
Чужы мужы сы рубашкими идутъ,
Сваимъ жонамъ па падарачькамъ нясутъ,
Маво пана вы калясачькяхъ вязутъ,
Маи дѣти—сиротачки. Ibidem.

N 41.

У һолыбя, у сизаһо зылатая һалава,
У һолыбя пызалоченая,
У Антона мылада жана, свѣтъ Катярина-душа,
Катярина Сяргѣвна,
Катярина—пустая һалава,
Пустая фсё приказывала.
Ни равно ли, Катярина, саколъ палятитъ,
За сакаломъ и Антонъ-сударь набяжытъ,
—Ты н'юмѣишъ фсѣ рѣчи һаварить.

Я умѣю рѣчи hавàрить. При дарошки, при бальшой
Я раскину бѣлъ шатёръ,
Къ етаму ка шатру я каня привяжу,
Чяркацкая сядéльца въ изhаловья пылажу,
Я пскала, ни нйскала, русы кудри рашчясала,
Ачнулси, прабудилси, нѣтъ ни каня, ни шатра,
Ни чяркацкаhо сядла. Абманула ты мене,
Ты заставила пяшкомъ хадить, hастинцы насить.

Ibidem.

N 42.

Круhавая.

Вѣрнай нашъ калóдясъ,
hлубокай нашъ калóдясъ,
А што-шъ фъ тебѣ вады нѣтъ?
—Конь воду выпивалъ,
hрясь капытцай выливалъ,
—Фсѣ кони на дварѣ,
Хазяина дома нѣтъ.
Уѣхалъ нашъ хазяинъ,
Уѣхалъ нашъ баяринъ,
Въ Маскву въ hоратъ паhулять.
Пріѣдить нашъ хазяинъ
Апеть изъ Масквы изъ hорада,
Привязёть ли нашъ хазяинъ,
Привязёть ли нашъ баяринъ
Маскóскую умницу;
Маскоскуя умницу
Вывяду на улицу, (3)
Пасажу на стýльцу.
—Уѣхалъ нашъ хазяинъ,
Уѣхалъ нашъ баяринъ
Фъ Питяръ hоратъ паhулять,
Пріѣдить нашъ хазяинъ
Апеть исъ Питяра изъ hорада,
Привязёть ли нашъ хазяинъ,
Привязёть ли нашъ баяринъ
Питярбурскуя умницу...
—Стой, мая зóлатца,
Цалуй меня мóлатца!
И т. д. до слѣд. словъ:
Фъ Катонъ hоратъ паhулять
. . . .
Привязёть ли нашъ баяринъ
Катонскуя умницу...
Маскоская умница,
Стяли мнѣ пастелюшку,
А, Питярбурская умница,
Клади въ изhаловьица,
А, Катонская умница,
Разбяри пастелюшку.

С. Яблон. Скоп. у.

Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 106, стр. 155 (хороводныя). N 107, стр. 156. Здѣсь у Шейна описанъ и хороводный обрядъ во время этой пѣсни.

N 43.

Круһавая, но падъ пяё плясать можна.

Я на стульцы сижу,
Ушъ я колушки тяшу,
Ай, люшыньки, ай, люли!
Ущъ я колушки тяшу,
Я ˆһаро́тъ һаражу,
Хрѣнъ-капусту сажу,
Ай, люшыньки, ай, люли!
Хрѣнъ-капусту сажу!
Сажу бѣлинькюю,
Фсё качанистаю,
У каво нѣту капусты,
Прихадитя вы ˆһаро́тъ,
Ай, люшыньки, ай, люли!
Прихадитя вы ˆһаротъ!
Прихадитя въ аһаротъ
Хрѣнъ-капусту пало́ть,
Качаники ни ламать,
Красныхъ дѣвакъ выбирать.
Выбралъ дѣфку, выбралъ
красну,
Спрати́ себе станавилъ,
За себе замушъ манилъ:
—Пади, дѣфка, пади красна,
Пади замушъ за мене,
За удалава малатца.
У мене ли малатца
Кравать нова тисава́,
Пяринушка пухава́,
Адяя́льца тяпла́.
—Ставай, милая мая,
На дварѣ бяла заря,
На улицы бѣлай свѣтъ,
Пасматри за мной вслѣтъ.
—Куды-шъ милинькяй пашолъ,
Куды-шъ радась палятѣлъ?
Пашолъ милай далино́й
Ка Дуняшы вдавино́й.
Дуняша вдавина́
Чѣмъ жа лучч๏й меня,
Чѣмъ жа лучч๏й, чѣмъ жа
крашай,
Фсё пабли́жае жывёть,
Чашшей въ һости завёть,
Лучч๏й по́тчиваеть.

С. Яблоново. Скопинск. у.

Срв. у Шейна. Р. н. п., стр. 404—405. Обрядныя. IX. N I. Тульск. губ.

N 44.

Круһавая.

Хажу я һуляю
Да вдоль кураһоду
Па фсяму народу . . .
Запнка бѣлая.
Хажу я һуляю,
Хажу, выбираю
Баһатаһо тестя.
Ушъ я выбралъ баһатаһо
тестя:
Вотъ онъ мой тестикъ,

Вотъ онъ мой баћатай,
Заинка бѣлая.
Хажу я ћуляю
Да вдоль кураћоду
Па фсяму народу...
Заинка бѣлая.
Хажу, выбираю
Баћатуя тёшшу.
Вотъ ана мая тёшша,
Вотъ ана баћата.
Заинка бѣлая.
Хажу я ћуляю и т. д.
Хажу, выбираю
Баћатаћо шурина.
Вотъ онъ мой шуринъ,
Вотъ онъ мой баћатай.
Заинка бѣлая.
Хажу я ћуляю и т. д.
Хажу, выбираю
Баћатуя сваячиню.
Во́тъ ына мая сваячиня
Во́тъ ына мая баћатая.
Заинка бѣлая.
Хажу я ћуляю и т. д.
Хажу, выбираю
Харошуя нявѣсту.
Вотъ ына нявѣста,
Вотъ мая хароша.
Заинка бѣлая.
Хажу я ћуляю и т. д.
Хажу, выбираю...
А вотъ ыни маи ручьки,
Вотъ ыни маи бѣлыјі.
Пакажы-ка сваи ножыньки,
Пакажы-ка сваи бѣлыјі,
Пакажы-ка сваи кудрюшки,
Пакажы-ка сваи русыјі.
Вотъ ани мои ношки
Вотъ ани мои ручьки.
Заинка бѣлая.
Вотъ онъ мой зятикъ,
Вотъ онъ мой баћатай,
Заинка бѣлая.
Пакажы-ка, зятюшка,
Пакажы-ка, батюшка,
Заинка бѣлая.
Пакажы-ка, батюшка,
Сваи русы кудрюшки,
Заинка бѣлая.
Вотъ ани маи кудри,
Вотъ ани маи русы,
Заинка бѣлая.
Прашу, люди добры, на
свадьбу,
Хлѣба-соли хватя.
Заинка бѣлая.

Вольное село „Гремячькя“ Скопинск. уѣзда. Слово „за́инка“ произносится съ твердымъ *н*, какъ написано. Срв. у Сахарова. Сказ. р. н. Хороводныя пѣсни. N 10, стр. 29. У Шейна. Р. н. п. N 111, стр. 160 (хороводныя).

N 45.

Плясавая.

Хажу, хажу я па трафьки,
Хажу, ни нахажусь,
Һляжу, һляжу на милаһо,
Һляжу, ни наһляжусь.
Каһо вѣрша люблю
Таһо ни нахажу,
Люблю, люблю Катярину,
Купечискую дочькю.
Душа мая, Катярина,
На дворъ, на дворъ выхадила,
Каня вывадила.
Выважомшы сваһо коня,
Сядломъ асядлала, (2)
Друшка праважала, (2)
Начявать уймала,
—Начуй, начуй, мой милинькяй,
Са мной адну ночькю.
—Радъ-бы, радъ-бы начявать:
Коню корму нѣту, (2)
А мнѣ каравати, (2)
Не съ кѣмъ начявати.
Чуя, ноя мая серьца,
Любя онъ инуя,
Тольки дума, фся раздумья,
Да чѣмъ ана луччей.
Лицомъ ана ни бялѣя, (2)
Брови ни чарьнѣя,
Вышыной ана ня вышай,
Талшыной ня толшей.

Тамъ-же.

N 46.

Круһавая. (Иһраетца паслѣ Святой).

Я у матушки малёханекъ радилси
А у батюшки һлупёханекъ жанилси,
Взялъ я сабѣ жану ниһадяйкю,
Павяла меня жана хъ тестю въ һости.
Пришлось намъ итить мима зялёнай рощи,
Привязала жана мужа ка бѣлай бярёзи,
А сама пашла шельма на һулянья.
Яму камарики фсѣ ношки паткусали,
А саловьюшки һалофку праклявали.
Пришла шельма жана зъ һулянья,
Стала спрашывать яво:
Будешъ-ли, ниһадяй, кармить меня хлѣбамъ,
Будешъ-ли, ниһадяй, меня паить квасамъ?

Һасударыня-жана, буду кармить калачами,
Паить буду чаямъ.
Атвяжы толькя меня атъ бѣлай бярёзп:
Мнѣ камарики фсѣ ношки п͡аткусали,
Саловьюшки һалофку фсю праклявали.
Атвязала жана мужа, ухватила яво за руку,
Павяла яво хъ тестю въ һости.
Сталъ тесть у зятя спрашивать:
Атчаво ты, зятюшка-батюшка, вмѣстѣ зъ жаной ни
пришолъ?
—Мнѣ, папаша, некаһда была!

Д. Щелево. Скоп. у.

N 47.

Скамарóшьная.

Чу, чу, чу!
Я гарóшыкъ малачу
На чужомъ тачкю́.
Ка мнѣ курачькя пришла,
Я яё цапомъ,
Изъ няё пяро
Падъ Иванава сяло.
Иванушка пишыть,
На дѣвицу дышыть.
—Дявица, дявица,
Схади за вадицай.
—Я волка баюся.
Волкъ на работи,
Сава на балоти,
Лунь падъ балотамъ.
Паповы рябяты
Һарохъ малатили,
Цапы пирламали,
За авинъ пабрасали.
Авинъ заһарѣлси,
Папу́ то сказали.
Попъ исъ казёнки [1])
Вытряскалъ һлазёнки,
Пападья исъ печки
Выламала плечки,
Дьяканъ съ лафьки
Вышыпъ пятки,
Дьячокъ съ паталка
Убилъ тялка.

Тамъ-же.

Срв. у Шейна. Р. н. п. N 68, стр. 42. (Дѣтскія).

---

[1]) Даль. Словарь s. v. казна.

Прежде чѣмъ помѣстить собранныя нами „протяжныя" (һаласавыјі) пѣсни, замѣтимъ, что и напечатанныя нами до сихъ поръ, представляя богатый и дорогой матеріалъ для изслѣдователя русскихъ нарѣчій, не лишены интереса и въ бытовомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Рядомъ съ этими пѣснями мы имѣемъ запасъ замѣтокъ относительно различныхъ обрядовъ и бытовыхъ сторонъ вообще рязанскаго крестьянства, такъ напр., кое-какія замѣтки о рязанскомъ народномъ лѣчебникѣ и медицинскихъ травахъ. Но это, конечно, не составляетъ предмета нашей настоящей работы. Теперь мы замѣтимъ, что нѣкоторыми изъ вышеприведенныхъ пѣсенъ вносится небольшая поправка въ нашу морфологію относительно формъ 3-го лица множ. ч. наст. вр. безъ окончанія *тъ*: надо признать, что въ рязанскомъ нарѣчіи такія формы *были* и, сохраняясь рѣже въ живомъ говорѣ, до сихъ поръ живутъ въ пѣсняхъ. См., напримѣръ, NN 27, 40 и др., гдѣ встрѣчаются формы: һлядя, спя, вяля, һаваря́, враня́ и т. п., а въ N 31 мы видимъ и форму 3-го лица ед. числа „вязё". Въ пѣсняхъ мы отчетливо слышали эти произношенія. Вообще, всѣ пѣсни мы старались передавать фонетической транскрипціей, и отступленія довольно рѣдки, развѣ въ томъ случаѣ, гдѣ произношеніе всякаго великоросса совпадаетъ и съ произношеніемъ рязанца. Ниже мы приводимъ „протяжныя" пѣсни, которыя обыкновенно играются при работахъ.

N 48.

Протяжная (һаласава́я).

(Изъ Москвы пришла).

Круһомъ, круһомъ аспратѣла
Бисъ тебе, һалупчикъ мой,
Съ табой вся щастья улятѣла,
Ни варотитца назатъ.
Приди, мой милай, паскарѣй

Кы бѣднай дѣвицы, ка мнѣ,
Ня йдёть мой нинаһляднай,
Знать, забылъ онъ пра мене.
Ва снѣ, какъ сокалъ, заявился,
На серьца йскаръ заранилъ,
Бляскнулъ, какъ мо́лапья, самъ скрылся,
На вѣкъ спакойсвія лишылъ,
Сказалъ: „һуляй, мая мила́я,
И ни влюбляйся ни фъ каво:
Фъ твоихъ лятахъ любить апасна,
Завянишъ, какъ трава,
Завянишъ, ни разсвя́нишъ,
Разсвѣсть ня можышъ никаһда.
Каһда розанъ разсвятаеть,
Фсякъ стараетца сарвать,
Каһда розанъ засыхаеть,
Фсякъ стараетца стаптать.
Каһда дѣвица щаслива,
Фсякъ стараетца любить,
Каһда дѣвица бяща́сна,
Фсякъ стараетца забыть. г. Скопинъ.

N 49.

Знать жа намъ па травушки ня хажывати,
На сваю харошу ня взглядывати,
Знать, мая хароша вы һорницы сидить,
Скрось стянны акошычьки на молатца һлядить,
Съ удалымъ ана малотчикамъ рѣчи һаварить.
—Штошъ ты, милинькяй, ня ходишъ на улицу са мной,
Штошъ ты ни становисси во̀зля мене маладой?
У мене ли у маладой свёкарь-батюшка блаһой,
Онъ блаһой, блаһой, старъ, ня ласкавай такой:
Ни пушшаеть маладу һулять вечарамъ адну.
Ушъ и я ли малада вараватая была,
Прялачькю взяла, фъ пасидѣлачки пашла,
Прялачькю падъ лавачькю, а сама һулять пашла.

Праһуляла малада да трапхъ я питухофъ;
Первыји питухи запѣли, я ня думала дамой,
И друһіји запѣли, я па разумъ ни взяла,
Третіји запѣли, бяла заря занялась,
А я дамой сабралась. Патхажу я ка двару,
Ходить свёкарь па двару, рашчясамшы бараду́.

С. Яблоново. Скоп. у.

N 50.

Дуня, Дуня, танкапряха,
Взяла Дуня сабѣ работу,
На три нядѣли двѣ кудели,
Вяла Дуня нитку въ гусиную лытку,
Вотъ такъ Дуня, Дуня танкапряха!
Начала наша Дуня холстики снавать,
Въ аһароди ткать,
Въ аһароди ткать, каломъ притыкать.
Ѣхали баяря, „Бохъ помачь“ сказали,
„Бохъ помачь табѣ, Дуня, рагожычькю ткать“.
„Ета ни рагожа, баринъ, ета халстина приһожа!“
Стала Дуня холстики бялить,
Халсты намачила, рѣчькю апсушыла.
Стала Дуня холстики стялить,
Халсты настялила, беряхъ абламила.
Сабираетца Дуня рубашычьки кра́ить,
Тапорикъ на столикъ, малаткомъ ударить,
Навёртачькямъ навярьнёть, канатамъ прадёрьнить.
Стала наша Дуня рубашку надявать,
Троя дяржали, двоя надявали,
Три һода насила, смѣны ни прасила,
Въ баню ни хадила.

С. Яблоново. Скоп. у.

Послѣ каждаго стиха повторяется припѣвъ: „Вотъ такъ Дуня, Дуня топкопряха“. Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 1, стр. 237. (Бесѣдныя пѣсни).

N 51.

Вясёлая бясѣдушка, ђдѣ батюшка пьёть,
Онъ пьёть, ня пьёть, за мной младой шлёть,
А я млада, маладёшынькя, замѣшкалась за утками,
За пташками, за ђусями, за лебядями [1]),
Какъ журюшка край беряшка пахажываеть,
Шалкавую травушку пашшыпливаеть,
Ключавою вадицай захлёбываеть.
Взгляну я на фсѣ чатыря сторанки,
Дяревня мала, малёшынькя:
Чатыря двара. Вы етихъ ва дворикахъ
Чатыря кумы; кумитяся, любитяся,
Любитя мене, ушъ, вы, кумушки,
Вы, ђалубушки, падрушки маи. Тамъ-же.

N 52.

Фъ суботу, день нянаснай,
Няльзя фъ поли рабатать,
Няльзя фъ полюшки памъ рабатать,
Чарно пашынькю пахать.
Пайдёмъ съ табой, миляначикъ,
Ва зялёнай сатъ ђулять.
Въ зилямомъ ва садочки
Салавьи-пташки пають,
Харашо пташки васпяваають,
Лишъ крылушкими шывялять...
Ни пра насъ ли съ табой, мой миляначикъ,
Злыји люди ђаварять.
Пушшай судють, пушшай рядють,
А мы съ табой, друхъ сярьдешнай, пажывёмъ.
Ушъ я вячоръ сваво милова
Убирала харашо,
Убирала, снаряжала,
Правaжала даляко.
Я да тѣхъ поръ, я далеча,
На праклятай на Капкасъ.
Са праклятава съ Капказу
На високай на курђанъ,
Са високава съ курђану
На зялёнай па лужокъ.
Сталъ милай распрашшатца,
Палили слёзы изъ ђласъ,
Сталъ милай цалаватца,
Закипѣла крофь ва мнѣ.

Тамъ-же.

---

[1]) Варьянтъ касимовскій: „За ђусями, за курами, за мелкаю пташкаю, за журушкай“...

N 53.

Старана, мая старонка,
Низнакома здѣшная,
Па тебѣ, мая старонка,
Нѣту матяри-атца,
Нѣту матяри-атца, ни атца,
Нѣту милаһа дружка.
Я вячоръ слязой заснула,
Дружка видяла ва снѣ:
Я милому һаварила,
Любезнаму сваяму.
Я ачьнуласъ, ужаснуласъ,
Закипѣла крофь ва мнѣ.
Я милому һаварила,
Любезнаму сваяму:
Ешли ты мене палюбишъ,
Вазьми замушъ за себе;
Ешли ты мене ня любишъ,
Вазьми въ руки пастале́тъ,
Прастряли ты һруть маю;
А таһо, милай, давольна,
Штӑ прикончилъ жысь маю.
Схаранитя маю тѣла
Прамешъ трёхъ бальшыхъ
дарохъ,
Прамешъ питярскай, маско-
скай,
Ярасла́вскай старанѣ́.

С. Гремячка. Скоп. у.

N 54.

Заката́ласъ красна солнушка.
За тёмныји ляса.
Въ лясу пташки пріюмолкли,
Фсѣ садилисъ па мястамъ,
Па такимъ жа па мясточькямъ,
Па ракитавымъ кустамъ.
Какъ падъ ёлкай, падъ вятёлкай
Стаитъ хижынка нава,
Въ етай хижынки жывётъ
һорькяя вдава.
Тута шли, прашли три яро́ля [1]),
Патхадили ани падъ акно.
—Ты, любезная наша хазяюшка,

---

[1]) „Адинъ яроль сѣлъ на лафку, друһой — на ско́мью, а друһой сиряди хаты фсталъ“, прибавила игравшая пѣсню крестьянка.

Ты пусти насъ начявать.
—Вы, любезнаjи маи яроли,
Прашу миласти фъ хату взайтить.
Три дни, два дни хату ни тапила,
Ничаво ни варила.
—Любезная хазяюшка,
Намъ ня нужна тваво ничаво,
Намъ была жалательна
Пріаддахнуть у тебе.
Кады вы жалаете, прашу миласти, фъ хату взайтить.

С. Яблоново. Скоп. у.

N 55.

„Зазноба, зазнобушка, зазноба мая,
Зазнабила серьца тваё и маё за единава,
Любила я малотчика сямнатцати лѣтъ,
Милѣй фъ свѣти пѣтъ“ ... Дальше крестьянка забыла.

Тамъ-же.

N 56.

Што за һоря, за бяда!
Мушъ рявнивай, ни пушшаеть никуда,
Хаша пустялъ, самъ въ акошачькя һлядить;
Мима садику дарожынькя ляжыть,
Па дарожыньки калясачькя бяжыть,
Ва каляски душа-Сашынькя сидить.
Какъ у Сашыньки заплаканы һлаза,
У красавицы затёрты рукава.
—Съ чаво, Сашынькя, худа стала, блядна,
Знать, ты, Сашынькя, хварала бизъ мяня?
Таскавать, я таскавала па тебе,
—Я хварать-та, ни хварала бисъ тебе,
Я па һорницамъ пахажывала,
Въ акошачьки паһлядывала.
Жана мужа праманула, правяла,

Пасля мужа пиръ-бясѣду сабрала,
При бясѣди стала плакать, һарявать,
За нящаспай стали люди примячать,
Атцу, матяри тихонькя һаварять,
Атецъ съ матярью руһають и брапять:
„Ниһадяйкя, ниһадяйкя, дочь паша,
Ва каво-шъ ты раждяпа́,
Ва какова-шъ въ ниһадяя влюбляна́“.
Нящаспая взяла вёдры, пашла за вадой,
Пачярпнула полныји, паставила падъ һару́,
Сама скрылась падъ валну́. Тамъ-же.

N 57.

Полна милая крушытца
Тайнымъ серьцамъ аба мпѣ!
Ни пара-ль намъ съ табой аткрытца,
Скажу, милая мая, табѣ.
Время важная праходить,
Пратякають нашы важныји часы,
Пратякуть нашы добрыји дянёчки,
Придуть һорькіји часы,
Придуть һорькіји часочки,
Разавьётца у Машы каса,
Разавьётца, расплятётца,
Словна фъ поли шылкава трава.
Фъ поли травушка-трава засохнить
Фъ самай лѣтняй жаркай день.
Красаты въ лицѣ Машы ня стапить,
Тѣла нѣжнасть Машы ападёть.
Испрашолъ я һарада, һуберни,
Луччей Машы ни нашолъ.
Есть палуччей, мноһа крашей,
Милѣй фъ свѣти, радась, нѣтъ.
Бизъ бялилъ лицо твая бѣлая,
Бизъ румянъ шшочки алы́.
Чёрны брови, һлаза павядёны,

Вы һорянку Машу пазавёмъ,
Хъ каравати Машу падьвядёмъ. Тамъ-же.

N 58.

День, дянёчикъ,
Прахади, день, паскарѣя,
Наступай, ночькя, тямпѣя.
Мнѣ па нонишняй день скука,
Са милымъ дружкомъ разлука,
Разлучаетъ насъ няволя,
Чужадальняя старóна,
Питярбурская дарошка.
Какъ па етай па дарошки
Мноһа ходють, мноһа ѣзьдють,
Мноһа писямъ пирсылають.
Маи письмы ни даходють,
Слуһи вѣрны ни даносють.
На што-шъ матушка пá һоря парадила,
Зарадила, малалѣтнава жанила,
Жана-шельма ни взлюбила,
Съ караватушки спихнула,
Ручькю съ ношкай извихнула.
Стала матушка тужыть.
—Ни тужы ты, мать радная,
Зажывётъ ношка бальная,
Будямъ банюшку тапить,
Будямъ шшóлачикъ варить,
Будямъ нóжынькю лячить.
„Иһраетца на работи".

С. Яблоново. Скоп. у.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Всякому понятно, что охватить заразъ въ одномъ изслѣдованіи все живое нарѣчіе цѣликомъ и не упустить въ немъ ни одной черты едвали возможно, въ особенности, если предметъ изслѣдованія — новый, и занимаешься имъ сравнительно не продолжительное время. Мы старались въ своемъ трудѣ замѣчать все, что намъ встрѣчалось, и не боялись того, что мы скажемъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, такъ какъ работа, подобная нашей, важна сама по себѣ, какъ матеріалъ для дальнѣйшей разработки русскаго языка, а полнота и обиліе сырого матеріала въ этомъ случаѣ вредить не можетъ. Такимъ взглядомъ на дѣло отчасти оправдываются недостатки нашей работы съ технической стороны, нѣкоторыя повторенія и другіе пробѣлы. Чѣмъ больше живешь среди народа и его нарѣчія, тѣмъ больше слышишь и изучаешь данное нарѣчіе, а потому, пока печатался нашъ трудъ, у насъ накопилось нѣсколько новыхъ свѣдѣній и наблюденій, важнѣйшія изъ которыхъ мы и помѣщаемъ ниже, какъ дополненія. Такъ, напр., къ примѣрамъ перехода ударяемаго *я* въ *е* слѣдуетъ прибавить еще слово: пакаје́нія=покая́ніе. С. Журавинка, Скоп. уѣзда. Къ случаямъ перехода *е* въ *ё* подъ удареніемъ слѣдуетъ прибавить еще слѣдующіе: ячмённай, ремённай, брявёнчатай—ibid. Также: пёкла=жара, пе́кло, чёки—мн. ч. отъ чека́. Сёмнатцатай=семнадцатый. С. Петрушино, д. Вельмія, Скоп. у. (вольная). Наоборотъ, къ случаямъ произношенія *ё* какъ *е* принадлежитъ слово: ле́гасть = лёгость. С. Свистовка, Скоп. у.; ачуне́тца = очнётся, расшыбе́тца—Журавинка.

Произношенія: мяньшо́й, сярьга́, пяльзя́, сярьча́ть и друг. под. при сравненіи съ примѣрами: ко́ринь, ка́шыль,

ка́минь, хо́чить, пля́шыть и проч. позволяютъ, кажется, сдѣлать слѣдующую поправку къ выводу относительно перехода безударнаго *е* въ *я*: этого перехода не бываетъ въ слогѣ съ мягкимъ конечнымъ согласнымъ, если этотъ слогъ стоитъ *послѣ* ударяемаго, впереди же ударяемаго слога *е* при данномъ положеніи расширяется въ *я*.

Произношенія: *мужучёкъ* и *утылмитъ* — 3 л. ед. ч. свидѣтельствуютъ переходъ безударныхъ *ы* (*и*) и *а* (*о*) въ *у* — Журавинка.

Въ области гласныхъ замѣтимъ еще интересные случаи сокращенія гласныхъ такого рода: ня͡ста́нитца = не останется, ня͡бма́ня=не обманетъ; выпаденіе гласнаго въ предлогахъ: патшо́лъ вм. подошёлъ, расшо́лси вм. разошелся, апшо́лъ вм. обошелъ и т. п. Вставку же гласнаго звука *а* мы находимъ еще въ словахъ: мăладе́нецъ=младенецъ. Сăмала́—смола́, гдѣ вставленное *а* звучитъ почти какъ *а* чистое. Срв. кăрава́ть.

Въ области согласныхъ отмѣтимъ выпаденіе *в* между двумя гласными въ словѣ: херуи́мъ вм. херувимъ; мягкое *р* въ словахъ: кряпи́ва, наря́, путрё и произношеніе сочетанія *чт* какъ *шт* въ словѣ: пашти́=почти. Ibid.

Приведемъ еще нѣсколько интересныхъ примѣровъ для ученія о родѣ именъ: „нутрё *фсю* вынимали фъ плячѣ́“; „нашу шшелеву“ вм. „наше Ще́лево“ (деревня, вин. п. ед. ч.); „то на *ту* плячо паложышь рабёнка, то на *друһя*“; „про́са бальша́я така́я, вясёлая“.—Ibid.

Слово „вещь“ перешло въ „вешша“: „харошую ве́шшу“, не измѣнивъ своего рода. Далѣе: „ста́да убягла́“. Ibid.

Примѣры члена: у Тани-ты, наһами-ты, на канашки-ты, ноһи-ты, къ наһамъ-та, ноһу-ту, и́збу-ту и т. п.

Примѣры род. пад. ед. ч. муж. р. на *у* вм. *а*: на́шава уѣзду, да мѣсяцу, да һо́раду. См. пѣсню N 56 [1]).

Примѣры предл. пад. ед. ч. муж. р. на *у* вм. *ѣ*: на

---

[1]) „Мима садику“.

камышу́, на дажжу́, „ана пу́шшей *апъ тар^кану́* пшо́ кричи́ть“. Ibid.

Примѣры предл. пад. ед. ч. на *ѣ* вм. *и*: „на сямѣ́ вазахъ“, „фъ Тварѣ́“—д. Вельмія. Скоп. у.

Примѣры род. п. ед. ч. ж. р. на *ѣ* (*и*) вм. *ы*: „для пасу́ди“. Ibid.

Примѣры имен. п. мн. ч. муж. р. на *а* вм. *ы* (*и*): далһа́=долги́, тарһа=торги́ и т. п.

Наконецъ, въ дополненіе о глаголахъ скажемъ, что въ д. Вельміи (вольная) Скоп. у. мы слышали формы: пи вяля́=не велятъ, вязё=везетъ, и приведенныя нами пѣсни подтверждаютъ существованіе такихъ формъ, хотя вообще онѣ въ говорѣ рѣдки, и развѣ сохранились только въ захолустныхъ мѣстахъ.

Къ Лексическому отдѣлу прибавимъ слова: кали́жки—туфли для покойниковъ, ко́ломазь—родъ дегтя, смолы (ср. Даля s. v. „коло“), креснята = крестники, культя́пый — безпалый, куты́ркаться—кувырка́ться (у Даля только—тмб.), кытю́шки—овцы молодыя (у Даля s. v. „кы́тя“), навзначь =навзничь, покра́съ = украшеніе, у ^с^каря́=у осокоря, у *всякаго* дерева, „пиркавы́ривай лодку“ — многокр. в. отъ гл. „перековырнуть“; чапъ—помѣщеніе для воды въ котухѣ для скотины; чу́ньки—вязёнки, шерстяныя туфли; Чха́ть, чхну́ть—чихать, чихнуть; шамши́ть—шаркать ногами; шала́ва (не „шалав*ая*“) — глупая, одурѣлая; чучеви́ка—чечевица.

На стр. 37 вкралась опечатка: слѣдуетъ читать: „Звукъ *и* вмѣсто *ы* и наоборотъ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

